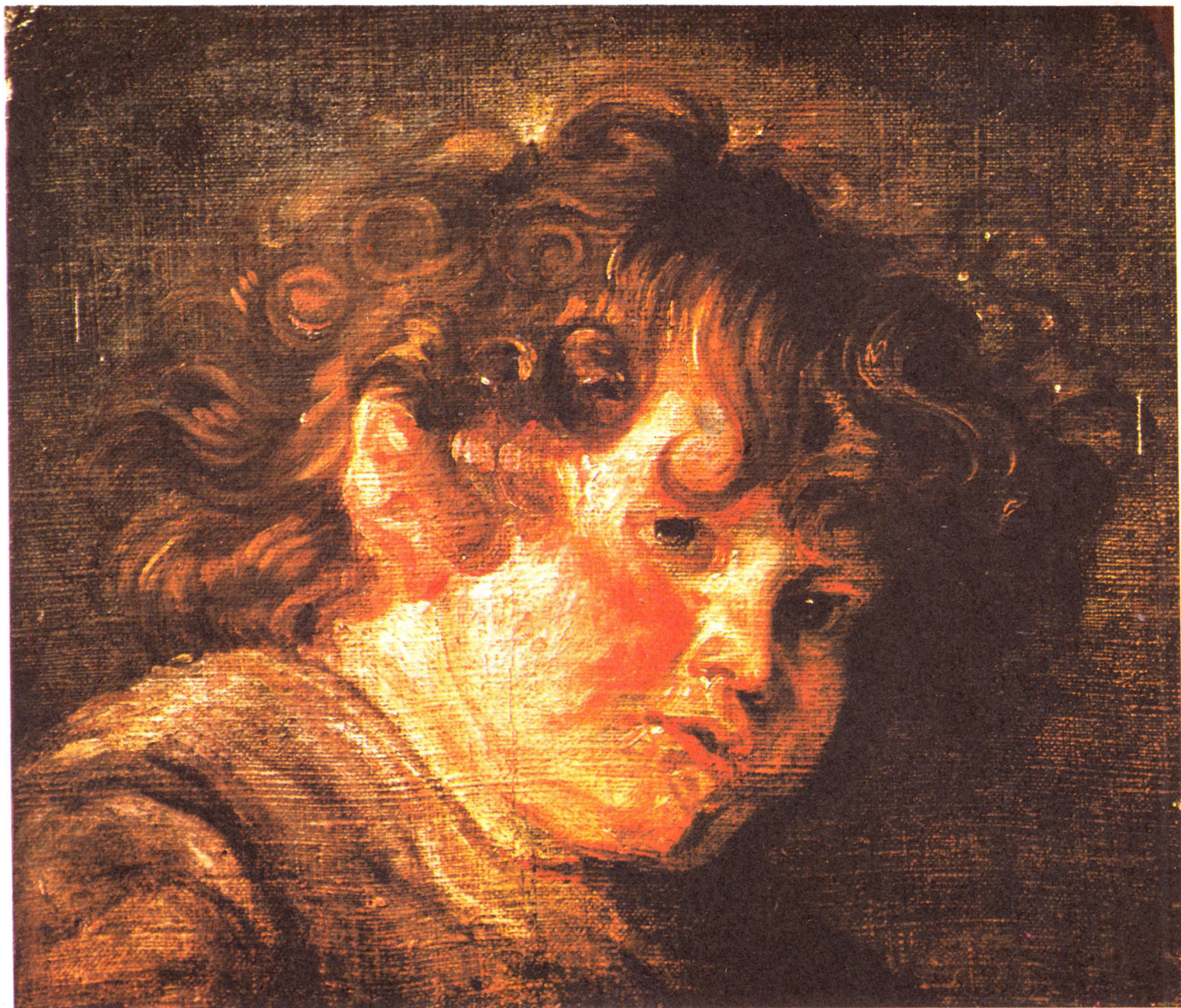

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

10 ОКТЯБРЬ

В галерее — праздник

*О находке
в Свердловской картинной галерее
рассказывает искусствовед
Владимир Булавин.*

Фото А. Лаптева

Читайте стр. 28-ю.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

Б. Халзанов ЖИВОЙ ОГОНЬ НА КОНЧИКЕ ГРОЗЫ	2
В. Хлыстун СЕВЕР... БЕЗ ЧЕМОДАННОГО НАСТРОЕНИЯ	4
Л. Богоявленский ГРОЗД ЖЕЛАННЫЙ	10
Л. Сергеева . ТАНК НА ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ	12
Е. Линд ДЕНЬ ПОБЕДЫ СРЕДИ ВОЙНЫ	13
Л. Голубев СЫН КОРПУСА	13
М. Коршунов ТРЕБУЕТСЯ ДВОРНИК. Романтическая история. Окон- чание	14
С. Попов «САМОЦВЕТЫ» РУССКОГО ФЛОТА	24
А. Крашенинников ПОЛОСАТЫЕ СОСЕДКИ. Рассказ	26
В. Булавин В ГАЛЕРЕЕ — ПРАЗДНИК	28
О. Капорейко ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕСНЕ	29
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	33
Д. Биленкин ПУСТЫНЯ ЖИЗНИ. Повесть. Начало.	34
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	57
Ю. Курочкин ПРОФЕССОР ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ	58
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	60
Н. Семченко СНЫ О ПЕНЖИНЕ	62
Р. Сайфульмулюков РАЗВОД. Рассказ	70
Ю. Медведев СУДЕБ ПОСЛАННИК	72
Э. Якубовский ПОДЛИННЫЙ ОСТРОВ СОКРОВИЩ	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Мая БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 30.06.83.
НС 12194.
Подписано к печати 23.08.83.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл.-печатных листов 9,0.
Усл.-кр. отт. 10,08.
Учетно-издательских листов 10,7.
Тираж 287 000.
Заказ 455.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рису-
нок Розы АТЛАС

© «Уральский следопыт», 1983 г.

ЖИВОЙ ОГОНЬ НА КОНЧИКЕ ГРОЗЫ

**Барас
ХАЛЗАНОВ**

*Рисунок
В. Меринова*

Песня ожидания

Мы с мамою мерзнем под теплой рогожей,
Болезнь то трясет,
То бросает нас в пот,
И мысль нас к тому же все время тревожит,
Что бабушка где-то в поземке бредет,
Бредет из соседней деревни одна,
Где шерсть на картошку меняла она.

Не то в забытьи,
Не то в полудреме
Мы слышим, как воют
И вьюга и пес.
Подошли все мыши от голода в доме,
И ходит под окнами лютый мороз,
Такой, что стекло в лихорадке дрожит,
На крыше в испуге
Доска дребезжит.

Мы ждем нашу бабушку третьи сутки!
Вдруг бабушка сбилась в потемках с пути?
И мечется мама:
Сон видела жуткий,
Что бабушка больше не может идти,
Как в песне ямщик,
Замерзает она.
Вокруг белизна, белизна, белизна.

То мама безмолвно стоит на пороге,
То кинется снова растапливать печь,
Как будто от смерти морозной в дороге
Сумеет домашний очаг уберечь.
Вдруг жалобный вой
Покатился в леса,
Как будто метель
Заарканила пса.

Мы вместе взглянули на черное дуло,
И мама рванула ружье со стены,
И в дверь, словно в узкую прорубь, нырнула,
И гром оттолкнул подступавшие сны.
Не сразу, когда лишь рассеялась мгла,
Она рассказать обо всем мне могла.

Матерый волчище и бабушка рядом
Сидели от дома шагах в десяти,
И бабушка с волком сражались лишь взглядом,
Она не могла уже даже ползти.
И волк с неохотцею двинулся прочь,
Когда пламя выстрела
Врезалось в ночь...

За дверью осталось остывшее небо,
За дверью поземки нетающий дым.
Пускай в нашем доме ни крошечки хлеба,
С каким наслажденьем картошку едим!
И бабушка ласково треплет мой чуб,
Улыбку дая с обмороженных губ:

— Ах, если бы дома меня вы не ждали,
То я бы, наверно, в пути умерла!
Меня задушили бы снежные дали
И я сквозь снега не дошла б до села! —
И бабушка смотрит и смотрит на нас.
Оттаяла нежность на доньшках глаз.

— Я знаю, нет силы сильнее ожидания,
Поэтому сын возвратится домой.
Мы ждем:
Он пройдет через все расстоянья,
Что были обуглены долгой войной. —
Качается бабушка взад и вперед,
Она ожидания песню поет.

Знакомы напевы старинные маме,
Рожденные в нашем бурятском краю.
Но слов я не знаю,
Одними слезами
Я с ними ту горькую песню пою.
Забыв о невзгодах, отцу мы поем,
Метель подпеваст за белым окном.

С надеждою песню поем ожидания,
Еще и не ведают наши сердца,
Что где-то на западе залпы прощанья
Замолкли уже над могилой отца.
А песня кружится в морозном краю,
Одними слезами ее я пою.

С войны летят товарняки

Память, память моя,
Ты подобна Вселенной!
И по ней,
Прожигая прожектором мрак,
На меня
Из немерянной дали военной,
Грохоча,
Наплывает пустой товарняк.

В эту черную ночь
Крик мой черный несется,
Эхо он разбудил
С безымянных высот:
— Никого не вернуть!
Никогда не вернется —
Кто остался в тебе
Сорок горестный год!

В моей памяти
Горы от горя седые,
Но ни голоса нет,
Ни лица, ни руки...
Только мчатся с войны
До отказа пустые,
Обезумев от скорости,
Товарняки.

Может, все же я сплю?
Может, это мне снится?
Даже близкие люди
Не в силах помочь,—
Память,
Память,
Не дай же мне насмерть разбиться,
Если вдруг упаду я в ту черную ночь!

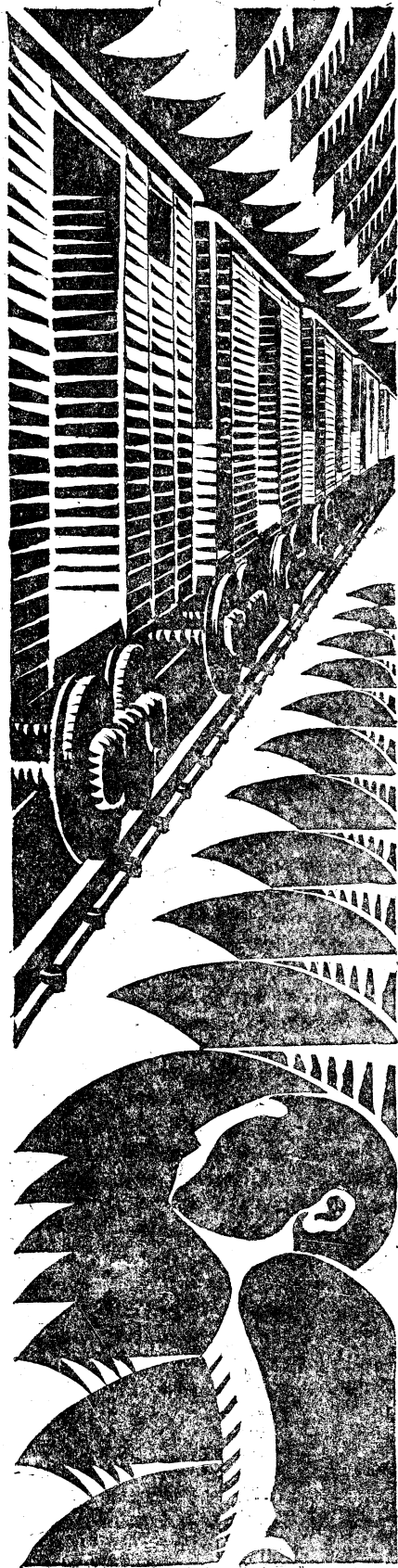
В нас горькая правда

Мы — дети войны.
Наши сны
Голодны.
Голодная ночь
Догрызает
Огрызок луны.
Мы — дети войны.
И пусть та война
Для других далека,
Ах, как ты, полынная память,
Горька!
Ах, как же ты давишь,
Неясное чувство вины,—
Мы — дети войны,
Мы дети войны!

Стоим по холмам,
Словно метки отцам,
И кажется нам —
Пацанам-сорванцам:
По меткам виднее
Для тысяч солдат
Дорога назад.
Мы смотрим туда,
Где воюют они,
Куда друг за другом
Торопятся дни.
Мы знаем:
Отцы наши
Насмерть стоят.
Но сколько из них
Возвратится назад?
Как горько заплачет потом сирота:
На месте отца —
За столом пустота!..
Мы всюду, как кляту
На все времена,
Ножом вырезали
Отцов имена.
Мы вовсе не пепел,
А пламень живой —
На кончике гулком
Грозы мировой.
Мы — дата нетленная
Лет роковых,
Крик черной беды,
Что еще не затих.
Мы знаем, как надо
Осилить беду:
Мы нить золотая
В солдатском роду.
Но вновь, как из черной дыры,
Из войны
Сквозит черный ветер
В просторы страны.
И в эту дыру
Мы кричим и сейчас:
— Отец, не молчи!
Ну, откликнись хоть раз!
Пускай мы ни слова не слышим в
ответ,

Мы снова кричим
В дни тревог и побед:
— Мы будем отчаянно
Драться и жить,—
По сердцу проходят
Отцов рубежи!
Вы их отстояли от вражьих атак,
И мы не отступим от них ни на шаг!
Сквозит черный ветер
Из черной войны.
Горит
Наша память:
Мы — дети войны!

*Перевод с бурятского
Льва Сорокина*

ТЮМЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ ЧАСТО СРАВНИВАЮТ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СЕРДЦЕМ — ТАКИЕ КОНТУРЫ ОНА ИМЕЕТ НА КАРТЕ. ЕСЛИ ПРОДОЛЖАТЬ СРАВНЕНИЕ ДАЛЬШЕ, ТО НИТКИ ГАЗОПРОВОДОВ МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ В ВИДЕ АРТЕРИЙ, КОТОРЫЕ ПРОНИЗЫВАЮТ ВСЮ НАШУ СТРАНУ. НО АНАЛОГИЯ ЭТА ОПРАВДЫВАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ВНЕШНИМ СХОДСТВОМ. ДРУГОЕ, САМОЕ ГЛАВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СЕРДЦА — ДАВАТЬ ЭНЕРГИЮ, ВЫДЕРЖИВАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ РИТМ ДВИЖЕНИЯ.

ГАЗ — ТА ЖЕ ЭНЕРГИЯ, КОТОРАЯ МЕНЯЕТ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА, ПИТАЕТ ЭКОНОМИКУ. С ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ ОСВАИВАЮТСЯ ТУНДРОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА, ТАЯЩИЕ В СЕБЕ КЛАДОВЫЕ ГАЗА. ИДЕТ БОРЬБА ЗА ДОБЫЧУ ОДНОГО МИЛЛИАРДА КУБОМЕТРОВ В СУТКИ... ВЫСОКИ И СЛОЖНЫ ЭТИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА — ТАКИЕ СКОРОСТИ ОСВОЕНИЯ ДАЖЕ ДЛЯ НАС НЕПРИВЫЧНЫ. ГАЗОВИКИ, СТРОИТЕЛИ, ТРАНСПОРТНИКИ, ЭНЕРГЕТИКИ УВЕРЕНЫ, ЧТО ВЫЙДУТ НА ЭТОТ УРОВЕНЬ В ПЕРВОМ КВАРТАЛЕ 1985 ГОДА.

НО МАЛО ПРОСТО ДОБЫТЬ ГАЗ — ВАЖНО ДОСТАВИТЬ ЕГО ПОТРЕБИТЕЛЯМ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ НЕ ТОЛЬКО В НАШЕЙ СТРАНЕ, НО И ДАЛЕКО ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ. ВОТ ПОЧЕМУ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ В ПРОГРАММЕ ПЯТИЛЕТКИ УДЕЛЕНО СТРОИТЕЛЬСТВУ МОЩНЫХ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ.

...ВОТ ПОЧЕМУ КАЖДЫЙ ДЕНЬ В ШТАБ ЦК ВЛКСМ В ТЮМЕНИ ПОСТУПАЮТ ДЕСЯТКИ ЗАЯВЛЕНИЙ ОТ МОЛОДЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ, РЕШИВШИХ ИСПЫТАТЬ СЕБЯ ЭТОЙ ТРАССОЙ, ПРИОБЩИТЬСЯ К ОБЩЕМУ ДЕЛУ.

Всем миром сойтись

На Тюменском Севере много детей. Поразительно! Жизнь еще не отстоялась, многое сделано на живую нитку, не хватает благоустроенных квартир, люди обитают в вагончиках, балках, «бочках» — круглых вагончиках, тысячи проблем... А ребятни уже полным-полно!

— Детей у нас много оттого, что они общие.

— Как так?! — вырвалось у меня.

Элегантный, по-кавказски предупредительный Али Гаибов, молодой газодобытчик, расплылся в улыбке:

— Я сначала сам удивлялся. Сижу однажды в квартире, стучат. Входит незнакомая женщина: «Вы дома?» Опускает на пол ребенка и воркует ему на ухо: «Ну, сыночка, смотри, какой хороший дядя, он с тобой поиграет. А я скоро приду». Весь вечер провозился с ребенком... А потом понял, как это хорошо, что здесь так заведено: кто свободен — сидит с детьми. У меня у самого дочка растет...

...Мы беседовали с Али о том, что держит здесь молодых людей, на этом самом Уренгое, где нет дорог, где лето лютует мошкаркой, а зима давит холодами — минус пятьдесят на солнце, где вечная мерзлота, болото на болоте, где пока не хватает жилья, детских садов. Перебрали все видимые привлекательности: романтику, экологию, престижность...

— Деньги? — подсказывал я.

СЕВЕР...

БЕЗ

ЧЕМОДАННОГО НАСТРОЕНИЯ

**Виктор
Хлыстун**

*Рисунок
Розы Атлас*

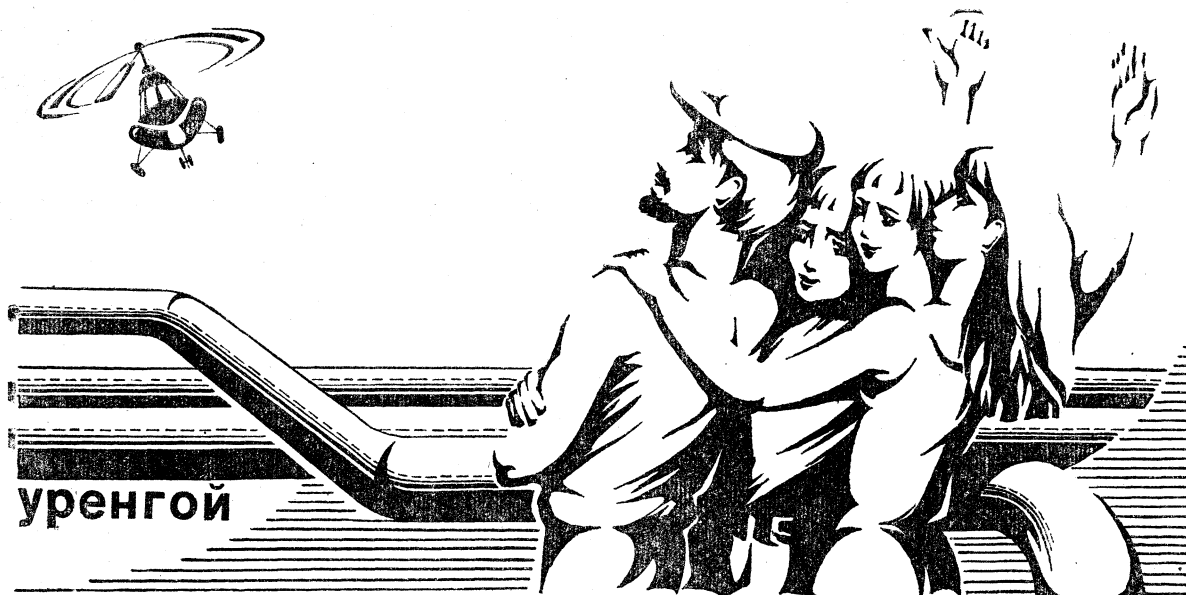
— Вряд ли... — засомневался Али.

Позже, проехав всю газовую нитку, я и сам понял — нет, не деньги! Точнее, не это главное. В Надыме в семье строителя Володи Борисова мы с карандашом в руках подбили дебет-кредит. Месячный доход Борисовых составляет что-то около тысячи рублей чистыми, исключая налоги, разные взносы. На питание, отпуска, одежду, а здесь стараются себе не отказывать, уходило столько, что за шесть северных лет на сберкнижку попали вовсе не великие для такого срока пятнадцать тысяч рублей. За этими якобы длинными деньгами стоит шесть лет жизни в худом вагончике-балке, где и матрацы примерзали к кровати, и занавески на окнах покрывались инеем. Что такое пятнадцать тысяч? Трехкомнатная кооперативная квартира, которую северянам можно приобрести почти в любом городе страны, стоит девять-десять тысяч рублей. Остальные сбережения идут на переезды и обстановку. За что, спрашивается, старались?

Володя и его жена Катя таким вопросом себя не мучают. Им нравится здесь, они привыкли к строю и ритму этой жизни, к ее укладу. Короче, Борисовы решили терпеливо дожидаться благоустроенной квартиры в Надыме и записали своего сына в первый класс надымской школы. Беззубый же Сашка идет учиться, чтобы стать вертолетчиком...

Али Гаибов и Сергей Шорин моложе Борисовых. Их рассуждения о деньгах пока розовые и к накопительству они оба относятся критически, считают: люди, приехавшие на Тюменский Север за длинными рублями, погоды не делают. Их самих тоже не деньги держат.

Очень похожи у них биографии — будто парни сплывали их друг у друга. После школы поступили в институты: один — в бакинский, другой — в московский. Закончили, попросились на север. Начали работать операторами газового промысла. Потом Али стал сменным мастером и группкомсоргом, а Сергея выбрали секретарем комитета комсомола объединения «Уренгойгаздобыча».

Обоих парней родственники призывают под родительский кров, но они упираются. Гаибов так и говорит: «Мне здесь теплее, чем в Баку». У Шорина в Москве мать и брат, но и он обеими руками за Уренгой: «Тут из меня человека сделали!»

За установками комплексной подготовки газа, где трудятся Али и Сергей, стоят найденные геологами, проверенные геофизиками, пробуренные буровиками скважины Уренгойского месторождения. За ними — трасса газопровода в шесть ниток. «Установка» — название чисто условное: это целый завод со своими цехами, котельной, подсобными помещениями, иногда даже с теплицей и другими хозяйственными подразделениями. Строительство ведется быстро. Что дает скорость молодому человеку? Медленное, вялое строительство, если хотите — это затянувшееся становление человека, оно не дает увидеть результаты труда. Вот почему комсомольская стройка всегда считается ударной, значит, скоростной. Скорость требует большого напряжения сил — грубо говоря, много пота.

А теперь прикинем: кто останется равнодушным к делу, если оно первое в жизни и если в него вложено столько труда?

Сергея Шорин вспоминает:

— Прилетел в Уренгой, а жить негде. Грустный пошел в столовую. И вдруг знакомое лицо: несколько раз видел парня в институте, он учился на старших курсах и меня, конечно, знать не мог. Слава Бутовский... Никогда я не видел в людях такой искренней радости. Привел он меня в свою комнату — живи, будь, как дома.

Али Гаибов с юга попал в самую жаркую зиму — морозы доходили до 58 градусов, сорок ниже нуля считалось оттепелью. Но самое страшное — ветер, неумолимо обжигающий тундровый «афганец». На хрупкую фигуру Али вырешили ватник пятьдесят шестого размера — хоть пуговицы на спине застегивай... Незнакомые люди нашли что нужно, обули, одели.

Что там морозы... Только руки да ноги помнят теп-

лую благодать холодной воды, в которой отогревались после работы. На месте надо было находиться столько, сколько требуется — на этом принципе замешан весь Тюменский Север, вся трасса. Шел тогда предпусковой период строительства установки переработки газа.

Ученые называют жизнь на севере пребыванием в экстремальных условиях: кислородная недостаточность, приполярные сумерки, от которых не спасают даже самые плотные шторы, какие-то особые магнитные поля, не очень укрепляющие здоровье, удаленность и так далее и тому подобное. После устроенной жизни на «большой земле» эти необычные условия наваливаются сразу и как бы испытывают человека: выдюжит — не выдюжит? Все понимают это и потому принимают новичка как брата, помогают, согревают участием.

При крепком морозе, например, можно входить в любой дом. Встретят, напоят чаем, обогреют, и незнакомые люди станут знакомыми. Вот почему у каждого северянина так много друзей. Продержался первый год — считай, что самое страшное позади, будешь жить дальше.

Есть такое понятие «братство» — фронтовое, целинное, солдатское... Сейчас родилось на свет еще одно братство — тюменское, северное. И, как во все времена, оно помогает людям выстоять.

Голос бригады

Крупные масштабы строительства газопровода завораживают. Что, к примеру, такое — нитка Уренгой — Петровск? 2731 километр... И каждый километр — наособинку. 224 из них — болота, 1512 — леса, 240 — скалы. Но и это не все. Магистраль пересекает 239 рек и речушек. Чтобы одолеть красавицу Обь, строителям надо было «шагнуть» более чем на тринадцать километров. А что значит 133 перехода через железные и автомобильные дороги! Или строительство множества компрессорных станций! Назовем, наконец, самую большую цифру: стоимость строительства

одного только газопровода Уренгой — Петровск составляет 2,2 миллиарда рублей. А кроме того, жилье, детские сады, школы — все то, без чего не обойтись ни строителям, ни газодобытчикам. И тут тоже солидные объемы.

В Новом Уренгое рассказали о комсомольско-молодежной бригаде бетонщиков-строителей, где бригадиром Леонид Вахнован, а группкомсоргом Владимир Вапничный. Одиннадцать ребят работают безотказно, — а этому качеству на Севере цены нет. И вдруг обернулась безотказность не очень хорошими последствиями: стало действовать правило — кто везет, того и нагружают. Ребята из бригады Вахнована «везли» все, что ни дадут. Недоделка где-то — их срывают: «Помогите!..» По чьей-то вине накладка произошла — опять «вахновановцы, выручайте...» Ладно, если вызывают на устранение каких-нибудь аварий, тут, как говорится, дело святое. Но латать чужие прорехи?.. Короче, ребята возмутились и сказали:

— Хватит! Дайте нам дом, чтобы мы его сами сделали от фундамента до конька!..

Долго бились, но все-таки дали им дом, двухэтажный — он был построен за два месяца.

Лето считается на Тюменском Севере затишьем. После тяжелых зимних дел люди уезжают в отпуска, чтобы набраться сил для нового рывка — трасса через болота прокладывается тогда, когда мороз схватит трясину, когда появятся зимние дороги.

Для тех, кто остается в летние месяцы на месте, «затишье» оборачивается удесятенной нагрузкой. В это время идет непрерывная подготовка к зимнему сезону: на стационарах свариваются трубы в плети, на компрессорных станциях не гаснут огни сварки, не смолкает шум моторов, не уходят на отдых монтажники; в портах, на железнодорожных станциях, на вертолетных площадках идет выгрузка материалов, труб; на сухих участках трассы ведется прокладка газопровода, испытания.

Дело обстоит так. Плети — три трубы диаметром чуть не полтора метра, сваренные вместе, — доставляют на трассу по зимнику автомашинами «Урал» и «КрАЗ». Плетевозы, как их здесь называют, разделены на отдельные группы, и водители объединены в бригады, которые работают по единому наряду. Казалось бы, все в порядке. Но вот загвоздка: мощные тракторы-трубоукладчики находятся в ведении другого подразделения этого же треста, и обслуживающий персонал «сидит» на почасовой оплате. У людей нет никакой заинтересованности быстро проводить загрузку-выгрузку плетевозов. Раздорам нет конца.

Комсомольцы треста во главе со своим секретарем Юрием Тохтамышевым не один раз обращались к руководству: «Давайте создадим комплексную бригаду, куда бы входили и механизаторы трубоукладчиков, оплату будем производить по единому наряду». А руководство — ни в какую.

И пошли ребята, как говорится, «на вы». Они постарались приблизить работу комсомольско-молодежной бригады водителей плетевозов, которой руководил Петр Бирюков, к комплексной. Постоянно следили, чтобы загрузка-выгрузка велась быстро. В общем, караулили... В результате пятнадцать автомашин одной только этой бригады вывезли с ноября по апрель на трассу 51 кило-

метр труб! В то время как более сотни всех плетевозов автобазы одолели лишь 280 километров.

— Мы основательно занялись комплексной бригадой, — говорит Юрий Тохтамышев. — Подобрали нового молодого бригадира Михаила Гиренко. Отправили его в Москву на специальные курсы, которые были организованы министерством. Переговорили с ребятами — все согласны...

А руководство «добро» опять не дает!.. Рассуждают в тресте, видимо, так: дело движется, планы выполняются — зачем огород городить?! А разве нельзя взять в ум, что магистраль вышла на рубежи, которые с прошлым багажом не осилить? И комсомольцы речь ведут уже не просто о коротких — об уникально коротких сроках... И бьются за новые формы организации труда. Бьются и добьются!

...Как и всякая река, газовая тем более слагается из маленьких ручейков. Каждый из них делает свое незаметное, но полезное дело: он питает основную магистраль. Вот почему нужно, чтобы голос каждой бригады — каждого родничка — был услышан, был крепким.

Школа или антишкола?

Трудяга «Ми-8» сел на площадку близ реки Пур, чтобы дозаправиться. Кругом, среди зарослей иван-чая, в самом невероятном хаосе лежали тюки с цементом, трубы различных диаметров, рельсы, балки, строительные панели, плиты, кучи ценнейшего и дефицитнейшего бурового цемента. Рядом торчал поржавевший ковш для тракторного экскаватора.

Мои спутники, строители какой-то не очень большой организации из Надыма, закачали головами:

— Вот бы нам «вертушку»... — этак запанибратски называют вертолеты «Ми-8». — Сколько добра отсюда выбрави бы!..

— Разве можно?

— А кому это теперь нужно? Цемент всю зиму пролежал, уже испортился. Панели, смотрите сами, на ладан дышат. Все брошено... Все!

— Кто бросил?

— А попробуй найди, кто...

Да... Хозяина погубленных материалов найти теперь трудно. Но по его вине оборудование, стройматериалы, прошедшие такой огромный путь — железной дорогой, водным путем, автомобильной трассой, — обречены на бездарную и бесполезную гибель.

Не раз и не два шоферы, не все, конечно, но многие, если вдруг застряла машина, сбрасывают в канаву дефицитный и дорогостоящий груз и преспокойно едут дальше: скорость превыше всего! В здании любой компрессорной не найдешь и пылинки: цветы, специальные дорожки, чистота, как на корабле... А за стенами ее что творится? Заурядная свалка металла, тех же стройматериалов. Впрочем, можно ее и не увидеть, строители изобрели хитроумный способ прятать отходы производства: они все зарывают в землю, благо мощная северная техника позволяет сделать это в два счета...

Нетрудно представить, какую школу проходят молодые рабочие, на глазах которых совершается подобное...

Да разве нельзя найти применение тем же отходам, раз уж они есть?

На севере много детей. Их любят, им стараются создать условия. Но почему-то заботятся о них только негласные ребячьи комиссары. Вокруг того же Юры Тохтамышева вечно ходит орава ребятишек:

— Дядя Юра, сделай качели... Дядя Юра, поиграй с нами!

И дядя Юра делает, и дядя Юра играет... Только ведь на весь Новый Уренгой, где уже десятки тысяч жителей, даже десятка таких доброхотов, которые по своей инициативе берут выброшенные строителями материалы и мастерят качели, качалки, турники, — не хватит.

Что стоит строителям попутно создать для ребятишек дворовые площадки, поставить оградки в скверах, где так оберегается нежная зелень, крылечки, да мало ли что?.. Много ли тут работы?!

Как избежать потерь — вот это сложнее. Слишком много на севере мелких организаций, заказывающих материалы сами по себе. Узкая специализация, поддерживаемая разными ведомствами, мешает работать.

В поселке Комсомольский у меня был любопытный разговор с человеком, который вроде бы к газопроводу не имеет никакого отношения, — с молодым директором местного леспромхоза Юрием Арыковым.

— Строители-газовики делают свой лесозавод. Зачем? Точно такую же продукцию выпускаем мы, гоним пиломатериалы за тысячи километров, а они или получают их издалека, или кустарно начинают производить сами. Посмотрите, что творится на железных дорогах, на автострадах...

Я посмотрел. Вагонов не хватает. Автомобилей — тоже. Между тем по дороге Комсомольский — Советский идет навстречу друг другу поток с одним и тем же грузом... Мелкие организации отстаивают свою независимость! Раз мы сами по себе, то почему бы не соорудить пилательку-лесопилку... Почему бы не договориться насчет материалов в Комсомольском и не перевезти их в Советский — всего каких-то пятнадцать километров... Неважно, что материалы есть гораздо ближе, — так удобнее!

Рабочие из второго управления механизации города Надыма тоже жаловались:

— Не укладывается в голове: уже несколько лет нам посылают запасные части для трактора Т-40. В совхозах мучаются из-за их нехватки. Мы эти запчасти выбрасываем: нет на Тюменском Севере такой марки тракторов... И не было никогда!

Нужно ли комментировать это?

Школа Тюменского Севера должна быть одна. Она должна растить настоящих хозяев и быть примером для молодых людей рачительного хозяйствования.

Подари мне цветок

Мы сидели на немывтом крылечке общежития строителей. Вокруг живописали разноцветьем этикеток пустые банки, бутылки, коробки. А картину дополняла, словно в

гоголевском Миргороде, огромная лужа. Жалобы рабочих обильны: мусор не убирается, улица песком не посыпана, в комнаты тащится грязь. Кончалось все привычно: куда смотрит начальство?

— Постойте! При чем тут начальство?! Неужели трудно привезти несколько самосвалов песка — его же здесь, как в Сахаре?! Да хотя бы отодвинуть бульдозером сор от родного крылечка...

Число моих собеседников вмиг поубавилось...

Вопрос, кто должен создавать уют, носит скорее риторический характер. Конечно же, все. Вот такая формулировка зачастую трансформируется в иждивенческое настроение: все — значит, не я!

В местечке Яныгья мне показали городок строителей треста «Комсомольсктрубопроводстрой». Молодой инженер Алексей Петунин не без гордости говорил:

— Баньку финскую скоро пустим, после мороза банька — первое дело! На красный уголок линолеум уже получили, к зиме будет готов. И вагончики наши ничего — жить там можно. Снабженцы, правда, намудрили: вместо односпальных кроватей полутораспальные завезли...

Последняя деталь показалась слишком уж мелкой, но Алексей пояснил:

— Так ведь в вагончиках просторнее было бы...

И то дело. И такие проблемы волнуют строителей.

Поселок выглядит аккуратно. У круглых вагончиков — деревянные пристройки типа сенец, на чистеньких крылечках жмурятся мохнатые коты. Опрятная улочка упирается в колодец. Над крышами домиков повисли антенны — когда успели устроиться? Трассовому городку Яныгья всего год два месяца от роду было!

В Яныгье сейчас живут те же трассовики, которые в тяжелейших условиях — пятое строительное управление создано недавно — смогли пройти за первую зиму весь свой участок трассы Уренгой — Петровск. Теперь объемы сдачи газопровода им увеличили, но строители не унывают. Понятно, что боевое настроение у них идет и от хорошего уюта, устроенного быта. Нет здесь чемоданного настроения: мы, дескать, тут недолго пробудем...

Есть два типа трассовых городков. Одни создаются, потом демонтируются и переносятся. Другие продолжают жить дальше, и таких большинство.

В поселке Комсомольский, где находится управленческий аппарат «Тюменьтрансаза», начальник технического отдела Карл Фридрихович Отт поведал мне такую историю. В Лонг-Югане, он находится на 69-й параллели, на местной компрессорной станции нашелся человек, начальник линейного производственного управления магистральных газопроводов Борис Иванович Климов, который всех удивил: взял и привез среди суровой зимы в объединение букет тюльпанов. Выращены они в теплице компрессорной станции. Теплички появляются в Уренгое, Надыме, Лонг-Югане, Комсомольском...

На головной компрессорной станции транспортники-эксплуатационники из Пангодинского линейного производственного управления магистральных газопроводов освободили для детишек две комнаты в общежитии. Не до жиру, как говорится... В долгие зимние вечера ребятишки носятся по коридорам, мешая отдыхать людям. Дети старшего возраста ездят на автобусах учиться в Пангоды,

за полтора десятка километров. Если учесть здешние морозы, то понятно будет — такой вариант не из лучших.

Между тем среди жителей городка есть много учителей, работников детских садов, которые приехали на север по семейным обстоятельствам — за мужем. В Надыме одна учительница высокой квалификации, преподаватель литературы, устроилась работать... в пожарке. Пожалуй, такое использование высококлассного специалиста для государства расточительно.

А ведь сам городок, если его строить по всем правилам, — с детским садиком, с начальной, хотя бы, школой, другими объектами культурного и бытового назначения, — не так уж и обременителен. Его стоимость вряд ли дотянет до пяти процентов от затрат, которые идут на строительство самого газопровода.

Пока же в трассовых городках находит печальное подтверждение высказанная кем-то ирония: «Нет ничего более постоянного, чем временная мера».

Ну, был когда-то Тюменский Север отдаленным краем. Теперь-то он, почитай, в центре!.. И география тут ни при чем: именно в центре экономического развития нашей страны. Вот и подходить к его освоению надо комплексно, всесторонне учитывая запросы человека.

Между Уренгоем и Надымом есть местечко под названием Хета. Начинаясь этот трассовый городок с того, что начальник участка пятого строительного-монтажного управления Тит Александрович Яголович поставил условие: «Сначала устроим быт, а работа приложится». Он настоял, чтобы первыми сюда прибыли плотники, сантехники, электрики, повара, слесари. И спешили строители, и материалов не хватало — но все сделали. В столовую любодорого вошли. Есть магазин, баня, общежитие, красивый уголок, большая библиотека. В самом центре расположилась березовая рощица...

Прав оказался Тит Александрович Яголович: работа приложилась. За успешное выполнение плановых заданий пятое строительное-монтажное управление треста «Уренгойтрубопроводстрой» награждалось переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, Почетным знаком «За высокую эффективность и качество работы», коллектив его занесен на Всесоюзную Доску почета ВДНХ СССР.

В Лонг-Югане тоже произошли перемены. Вслед за тюльпанами Борис Иванович Климов решил испытать картошку. Уродилась!.. Говорят, самая вкусная на Тюменском Севере — может, потому, что доморощенная?..

Это нежное слово «трудно»

Меткую строчку эту написал надымский поэт Анатолий Алексеев: «Слишком нежное слово для севера: «трудно»!

Вывод этот он сделал по отношению к большинству молодых людей, которых держит здесь серьезное, настоящее дело, работа, ее крупномасштабность. Каждый год в Тюменской области, если судить по затратам, создается один завод КамАЗ, каждые два года — Байкало-Амурская магистраль.

И все-таки масштабность несколько абстрактна для отдельного человека...

Иные отряды, посланные обкомами комсомола в Надым, Уренгой, Комсомольский и другие города и поселки, распались, будто их не было вовсе, а иные посланцы оставили после себя не очень приятные воспоминания.

Иван Леонтьевич Оглезнев, заместитель председателя объединенного стройкома комсомольско-молодежного треста «Севергазстрой» из Надыма, рассказывал:

— Из Оренбурга приехали ребята. Ну, замучились с ними... И письмо в обком писали — ничего не помогает. Еле-еле избавились... Все потому, что приехали ребята искать здесь манну небесную, а дело толком не знали, не уважали, работу свою не любили...

Не без гордости потом рассказывал Иван Леонтьевич, как он ездил в Белгород, в Пермь и сам подбирал комсомольцев для работы в Тюмени. Оба отряда сейчас прекрасно трудятся. Я познакомился с девушками отряда «Молодая гвардия», приехавшими из Пермской области. Люба Череланова и Таня Чикурова просто обожают свою профессию отделочников. «Наша работа — самая заметная во всем строительном деле», — считают они. Таня и Люба — члены известной и знаменитой в Надыме комсомольско-молодежной бригады, которой руководит Людмила Грозь. Первая ласточка для этого коллектива — отделка школы № 4 — была самой приметливой и памятной: комиссия приняла работу с оценкой «отлично». Кто знаком со строительством даже шапочно, и то сообразит, что бы это значило... Тем более на севере.

Здешние старожилы сетуют, что их потомки — выпускники средних школ уезжают учиться в дальние края, что мало представляют они, от какой интересной работы уходят. И редко ориентируют их на север, особенно — на строительство газопровода.

Газодобытчики — те смотрят дальше. Тут что? Комсомольцы подбирают хороших специалистов по газовым промыслам и отправляют их читать лекции школьникам. Потом приглашают девяти- и десятиклассников на практику. В связи с открытием училища в Надыме и техникума в Уренгое будем считать, что проблема начала разрешаться кардинально: не все выпускники будут покидать свой север.

Однако то, что практически комсомольские организации всерьез не занимаются профессиональной ориентацией в местных школах, не показывают, не объясняют прелесть «нежного», как сказано у поэта, слова «трудно» — явный промах. «Трудно» — ведь это молодежный ориентир! Не деньги, не почести и привилегии, а настоящее призвание, выстраданная работа делают для каждого человека север Севером. И должен наш Север быть таким!.. С коренными уренгойцами, надымцами, лонг-юганцами...

Энергия мира

Позади почти тысяча километров газопровода Уренгой — Центр. Все тюменское плечо. Самое суровое, самое длинное, самое нужное. Даже проблемы — а мы просмотрели только маленькую их частичку — здесь самые-самые.

Только ли газ важен сейчас на Тюменском Севере? Тут жизнь новая строится — как когда-то строилась на Днепре, у горы Магнитной, в Казахстане и на Алтае, за Байкалом...

В Надыме секретарь горкома комсомола В. Ковальчук показал два памятника. С одним было так. Комсомольско-молодежная бригада (все ее члены теперь уже вышли из комсомольского возраста и работают в других местах) включила в свои ряды Николая Островского. Деньги отчислялись, и на них был заказан бюст писателя в рост человека. И вот уже другие комсомольцы повели дело дальше. Они приходили вечерами, строили площадку, сооружали фундамент, постамент. Трудились на постройке лучшие бригады. Бюст Островского установили как раз против сквера, где уже взмыл на дощатый постамент вездеход — памятник первооткрывателям.

Слишком явная здесь связь, чтобы ее не заметить: мы не могли строить новую жизнь на Севере, не перенеся туда наших исторических комсомольских святынь.

Главное в любом, малом и большом, деле — искренность и вера. Как у Павки Корчагина, который считал, что в жизни нет ничего незначительного, преходящего — ничего!..

...Помню возмущение Карла Фридриховича Отта:

— Нет, как вам нравится: до сих пор пишут, что нитки газопровода пролегли там, где «не ступала нога человека»?! Вот ведь прилипло сравнение... Почему же не ступала-то? В газовом коридоре два года работали археологи Уральского государственного университета, они нашли много мест, говорящих об эпохе бронзы. А в Лонг-Югане обнаружили стоянки древних людей. Вот вам и «не ступала»!.. Кто это выдумал?

Это была искренняя, ревностная любовь к своему краю.

Так что, в конечном счете, значит для нас газ Севера? Что до жизни, производства и экономики — тут вроде все ясно. Одна кухонная горелка сжигает кубометр газа примерно за пять часов... Потребление огромное.

Но, капитально осваивая Тюменский Север, мы думаем не только о себе. Мы хотим торговать газом с другими государствами. Газовые нитки понесут «энергию века» дальше, по системе «Интергаз» — в Западную Европу. В Ямбурге наши порты принимают корабли из Гамбурга. Они привозят на Север трубы из Федеративной Республики Германии в обмен на газ. Идет торговля — древнее и мирное занятие людей.

Но не всем это нравится... Президент США Рейган против того, чтобы государства Западной Европы покупали наш природный газ. США всеми силами стараются нарушить сотрудничество, они предлагают в виде «компенсации» ФРГ за отказ от нашего газа... уран!

...Наш самолет качнулся, нахохлился, готовясь к взлету. В иллюминатор было видно, как из брюха огромного и какого-то домашнего, мирного аэрогрузовоза «Ил-76» выползает неуклюжий автомобиль-трубовоз, за ним — второй... По полю к самолету и трубовозам уже бегут молодые шоферы... Мирные советские люди.

«Следы» КОСМОНАВТОВ на земле

**Евгений
ШУМИЛОВ**

В космосе уже побывало более 100 человек. Однако лишь немногие из них оставили свои «следы» и на земле. Эти «следы» — географические названия, данные в их честь. И здесь повезло, разумеется, больше всего первопроходцам.

Юрий Алексеевич Гагарин (1934—1968) — первый планетянин, побывавший в космосе. Он родился в селе Клушино Гжатского района Смоленской области. В 1968 году в память о Ю. А. Гагарине город Гжатск был переименован в город Гагарин. Имя пионера космоса носят также поселок в Севанском районе Армении и город в Джиказском районе Узбекистана. Кроме населенных пунктов имя Ю. А. Гагарина присвоено хребту в Антарктиде, открытому и нанесенному на карту Советской антарктической экспедицией в 1961 году, подводной горе в Тихом океане, открытой советскими океанографами, ледяному куполу в архипелаге Земля Франца-Иосифа, глетчеру и пику в Казахстане...

«Космонавт-2» зовется один из проливов в Енисейском заливе. Назван он в честь Германа Степановича Титова. Помимо этого его имя дано горе в Антарктиде, куполу на Земле Франца-Иосифа, а также подводной горе в Тихом океане, открытой в 1962 году.

Космические братья Андриан Григорьевич Николаев и Павел Романович Попович стали и земными братьями. В архипелаге Земля Франца-Иосифа есть купол Поповича и купол Николаева, а в Антарктиде имеются хребет Поповича и хребет Николаева, открытые и нанесенные на карту советской антарктической экспедицией.

Трое из одного корабля — Константин Петрович Феоктистов, Борис Борисович Егоров и Владимир Михайлович Комаров оказались вместе и в Енисейском заливе. Здесь в честь их названы были в 1964 году три мыса. Кроме того имя В. М. Комарова присвоено селу в Оренбургской области, близ которого он погиб 24 апреля 1967 года.

Командир корабля «Союз-11» Георгий Тимофеевич Добровольский погиб 30 июня 1971 года. В том же 1971 году в память о нем был назван ручей Добровольский, левый приток реки Берелеха в Сусуманском районе Магаданской области.

ГРОЗД ЖЕЛАННЫЙ

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунок
В. Казакова

Лет тридцать назад Каменные Палатки и озеро Шарташ от крайних домов Свердловска отделяла полоса тонкого Чистовского болота. Хорошо помню, каким диким и непролазным было это место: ржавая болотная вода и бурая вязкая тина, осока и рогоз, засыхающие ивняки и хворост, редкие чахлые березки и тощие сосенки...

А сегодня на бывшей топи зеленеет рядами фруктовых деревьев и ягодников коллективный сад. И урожай в нем устойчивые, надежные. Яблочки снимают килограммов по тридцать с участка в четыре сотки. Это в среднем. А вот Ивану Георгиевичу, моему давнему знакомому и сослуживцу, одно лишь деревце золотой китайки дарит пудов по шесть чуть ли не каждое лето. И это на уральской земле с ее суровым климатом! А было время — люди полагали за невозможное вырастить здесь грозд желанный — яблоко. В глухих уральских лесах дикие яблоньки не растут.

Откуда же и в какое время переселилась яблонька на Урал?

...На Тамбовщине знойный август — пора созревания плодов. По склону балки, на дне которой разливался пруд, за огородами нашей Семеновки тянулся большой яблоневый сад с пчельником. К вечеру по дну балки растекалась туманная прохлада, она ползла по саду, пропитывалась его запахами, поднималась к деревне и вливалась в каждую хату ароматами фруктов и меда. Нежно-сладкий, тягучий дух спелой антоновки — самое светлое и радостное впечатление детства. Снятие урожая в саду и заготовка яблочки впрок, на зиму, для нас, мальчишек, было долгожданным праздником: семейное торжество, яблочный пирог с медом на столе — обычай древний, как само яблоко.

Титовку и антоновку, лучшие сорта русских яблочки, мочили. Укладывали рядами в кадку и заливали настоем ржаной муки, разведенной в кипятке с добавлением мяты. Сверху прикрывали соломой и деревянным кружком, на который клали гнет. Опускали в погреб. Плоды пропитывались раствором и, не изменяя формы и плотности, сберегались, не портясь, до весны. В свежем виде антоновку сохраняли в зерне — в коробах или кадках пересыпали слоями ржи или пшеницы. Анис сушили. Из мелкоплодной китайки варили варенье.

Яблоне на Руси не менее тысячи лет. Она росла в садах древнего Киева и во всех столичных городах русских княжеств. В архео-

логических раскопках древнего Новгорода ученые обнаружили хорошо сохранившийся плод культурной яблони и еще пол-яблочка сибирки, сибирской, или ягодной, яблони, дико растущей в Восточной Сибири и в Китае. Вероятнее всего сибирка попала в Новгород с торговым караваном через Среднюю Азию, но вполне возможно, что и северным путем.

В XI веке новгородские ратники ходили военными походами в Югорскую землю — на Печору, на Северный Урал и за Урал, брали дань с местного населения. Этим же путем ходили туда и новгородские купцы. Они-то и могли привезти из-за Уральских гор и плод и само деревце. Так или иначе, а сибирская яблоня росла в древнем Новгороде и спустя несколько веков вернулась на Урал уже культурным деревом — золотой китайкой.

В XV столетии после присоединения Иваном III северных владений Новгорода к Московскому государству началось активное заселение русскими Прикамья и Северного Урала. А в следующем веке, при Иване Грозном, — Среднего и Южного Урала и Сибири. С переселенцами пришла на Урал и яблоня.

Есть два ботанических вида культурной яблони, созданных человеком не менее 5000 лет назад из диких яблонь, — яблоня домашняя и яблоня сливолистная, или китайка. Но сортов этих двух видов очень много, не менее десяти тысяч.

В первой половине XVIII века агроном и писатель Андрей Тимофеевич Болотов в одной лишь Тульской губернии описал 600 сортов яблонь! А из Тулы-то и переселились на Урал кузнецы и оружейники. Отец и сын Демидовы, основатели многочисленных горнодобывающих и горнообрабатывающих заводов на Урале и в Сибири, тоже были туляками. В городе Соликамске они создали большой ботанический сад.

В те же годы возник большой плодовый сад на реке Исети в Шадринском уезде Пермской губернии при Далматовском монастыре. И в самой Перми росли плодоносящие яблони.

В начале XIX столетия в Пермской губернии насчитывалось 120 закрытых и зашпиганных садов — тина оранжерей или с оградками из высоких плетней, заборов, каменных стен. Подобные сады были в Уфе и в Оренбурге. А по рекам Сылве, Белой и Каме в Кунгуре, Уфе, Бирске, Каракулино, Сарапуле, на реке Урал близ Оренбурга зародились очаги крестьянского садоводства.

Память народная сохранила имена зачинателей уральского садоводства. Из Владимирской губернии переехал на жительство в село Пески Шадринского уезда Марк Яковлевич Флоринский, человек образованный и к тому же смелый и энергичный. Много полезного сделал он для развития экономики Зауралья. А еще он сумел увлечь крестьян садоводством. Потребовались саженцы. И Флоринский на свои средства снаряжает экспедицию в Поволжье и на Тамбовщину. Возглавил ее И. П. Сукин, крестьянин деревни Чусовая, что по соседству с Песками. Этот отважный человек со своими товарищами где по воде, где по суше совершил путешествие в 4000 верст и привез 300 яблонь. В 1858 году в Песках и Чусовой zaloжили сады. Посадил яблони на своей усадьбе и сам И. П. Сукин, а через несколько лет уже снимал с них по 10—20 возов яблок.

В конце 60-х годов из села Лебеяни Тамбовской губернии переехал на службу сначала в Екатеринбург, а потом в Камышлов Порфирий Степанович Гринев. Решил и он заняться садоводством. Высеял семена той самой сибирки, что некогда росла в древнем Новгороде, и получил саженцы-подвой. К ним привил черенки крупноплодных яблонь, выписанных из Центральной России. 69 лет Порфирий Степанович успешно выводил новые сорта яблонь.

В 70—90-е годы в Екатеринбурге очень активно занимался и практическим и научным садоводством Д. И. Лобанов, инженер-путеец, начальник железнодорожной станции Екатеринбург, хранитель музея Уральского общества любителей естествознания. Сад Лобанова не сохранился. Продолжателями дела Лобанова стали садоводы-селекционеры И. Д. Чистяков, Т. Л. Комлев, М. С. Зигулев, П. В. Александров. Уже в советское время они создали много морозостойких крупноплодных уральских яблонь — красавицу Зигулева, кальвиль Комлева, хорошавку, апорт Александра, ароматное...

В конце XIX века в Нижнем Тагиле учительствовал Кузьма Осипович Рудый. В 1899 году на усадьбе по Никольской улице он высеял в грунт семена культурной яблони. Сеянцы вымерзали. Кузьма Осипович обратился за помощью к И. В. Мичурину, который поддержал идею Рудого выращивать из семян местные сорта яблонь. «Начатое дело не бросайте!» — писал он Рудому. Мичурин внимательно следил за развитием садоводства на Урале. Поддерживал связь со многими любителями-селекционерами. Уже в советское время написал он статьи «Как выращивать на Урале плодовые деревья», «Садоводам Урала и

Сибири», «Бюро секции Уральского общества естествознания», в которых доказывал «полную возможность основания и ведения промышленного садоводства на Урале». По его инициативе в 1936 году организовалась Свердловская опытная станция садоводства.

А тогда по Нижнему Тагилу прошла молва: у Рудого яблочки растут! И люди потянулись в сад глянуть на диво. Многие даже не представляли, что такое яблоко. Более полувек К. О. Рудый и его сын выращивали яблочки в Нижнем Тагиле.

Почти три десятилетия занимался селекцией плодовых и ягодных культур в Екатеринбурге-Свердловске Д. И. Казанцев. Он был одним из инициаторов создания в городе Мичуринской секции, позже преобразованной в общество садоводов. Д. И. Казанцев написал две книги: научную — «Плодовый сад. Двадцатилетний опыт разведения плодово-ягодных растений на Урале» и художественную — для детей — «Яблочный пир» и был принят в члены Союза писателей СССР.

...Не так давно на свердловском Центральном рынке произошла любопытная встреча. В навильоне торговали южными фруктами. На столах возле весов возвышались аккуратными пирамидками яблочки — украинская автоновка, белый налив из Молдавии, алма-атинский апорт... Покупатели шли вдоль рядов, присматривались, приценивались. Возле одного продавца, только что выложившего свой ароматный товар на стол, быстро выросла очередь. Яблочки брали нарасхват. Выглядели они привлекательно — крупные, цвета алой зари плоды. Хозяин отрезал ножом ломтики и предлагал покупателям попробовать.

К столу подошел высокий, чуть сутуловатый пожилой человек и внимательно оглядел плоды. Лукаво прищурив глаз, он спросил у продавца:

— Что за сорт яблоч?

Тот охотно ответил:

— Сорт известный! Наш уральский апорт Александра!

Уральское яблоко успешно конкурировало с южными. И как радостно было отметить это пожилому человеку — он-то и был создателем этого сорта Павлом Владимировичем Александровым.

...Над высоким увалом между речками Сарапулкой и Черноголовкой гулял холодный осенний ветер. Втроем — я, мой брат и наш отец — пришли сюда с лопатами на плечах. Голое поле кругом, залежь, не паханная много лет. Ее и отдали под

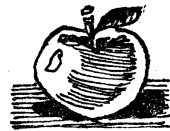
коллективный сад. Отец засомневался: вырастет ли на этом ветродуе что-нибудь? Выросло ведь! Весною теперь вся долина Черноголовки в белой пене яблоневого цвета. Помню, снимали первый урожай и добрым словом поминали того, кто придумал коллективные сады, так приглянувшиеся всем. Говаривали, будто с Уралмаша они пошли.

Уралмашевец Иван Александрович Носов был человеком сильной воли. Хорошо знал садовое дело и любил его. Осенью 1944 года — шла война — подыскал он пустырь на окраине поселка у самого леса и предложил друзьям раскорчевать землю под общий сад. Убеждал всех: яблочки могут расти на Урале! Первых охотников нашлось 16 человек.

Были и противники: колхоз на Уралмаше придумали! Не пойдет! Но завком и директор поддержали Носова. Горсовет землю отвел. Весною 1946 года заложили еще два сада. В 1949 году правительство узаконило коллективное садоводство.

Ныне в Свердловске более тридцати с половиной тысяч садоводов. Минимум тысяча тонн — 100 вагонов — своих, уральских, яблочек ложится на стол свердловчан осенью. И уже не стучат по рельсам от Молдавии до Урала эти вагоны. К тому же для уральцев плоды, выращенные на месте, много полезнее южных. С коллективными садами яблонька продвинулась и на Северный Урал — в Серов, Карпинск...

Как самое дерево разрослось, разветвилось уральское пловодство. И помология — наука о яблоне — уже выделила уральские сорта яблонь в особую, уральскую, группу.

ТАНК НА ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ

**Людмила
СЕРГЕЕВА**

Тридцать долгих лет бережно хранила Розалия Михайловна Шасолина документы, письма, фотографии военных лет. Только в 1975 году появилась на свет книга «Все остается с нами», которую выпустило в Киеве издательство «Молодь». О существовании этой книги на украинском языке красные следопыты свердловской школы № 66 ничего не знали до тех пор, пока не получили задание собрать материалы о танке «Школьник Свердловска». Нашлись очевидцы, которые видели, как в годы войны танк с таким именем вышел из ворот школы на станцию Свердловск-Сортировочная и отправился на фронт.

Помнит об этом педагог школы № 66, ныне пенсионерка Зоя Васильевна Певзнер. Это она дала экспедиционному отряду 7 «а» класса адрес Олега Райченко, бывшего комсорга, который жил в Запорожье. Написали ему ребята письмо и получили ответ.

Олег Ефимович рассказал, что танк «Школьник Свердловска» был куплен на деньги, собранные учителями и учащимися школы, и передан экипажу лейтенанта Воронкова в апреле 1943 года. От Райченко ребята узнали адрес Розалии Михайловны Шасолиной. Ее уже не было в живых, ответила следопытам ее дочь — Мара Ивановна Колева.

«На рассвете 23 июня 1941 года враг начал бомбить Николаев, где я жила, — писала она в письме следопытам. — Мои родители эвакуировались в Свердловск, и я стала первоклассницей школы № 67 (теперь эта школа носит номер 66). Мой дядя, Александр Михайлович Шасолин, добровольно ушел на

фронт. Он разыскал нас в эвакуации в апреле сорок второго, а в июне командир части сообщил, что дядя погиб... Мы очень плакали. Мама предложила своим товарищам по работе с хлебомакаронного комбината собрать деньги на танк «Боевая подруга» и подарить его фронту. Говорили в те дни у нас дома только о покупке танка. Тогда и я решила поговорить с ребятами в школе, чтобы тоже собрать деньги на танк...»

Директором школы тогда был Ефим Ильич Каган. Он и сегодня, вот уже пятьдесят четвертый год, трудится на директорском посту — в школе № 130. Вот что рассказывает Ефим Ильич:

— В сороковых годах многие школы были заняты под госпитали. Мне пришлось быть директором двухэтажной школы по улице Краснофлотцев. Это сегодня она трехэтажная, да еще пристроен спортзал и столовая... В нашей школе училось три тысячи детей — в четыре смены. Заканчивались уроки в десять часов вечера. В одном здании разместились классы из двух уралмашевских школ — нашей и 77-й. Мы начали учиться в октябре. И однажды, в начале учебного года, ко мне в кабинет пришла школьница Мара Колева...

Предложение Мары показалось Кагану очень важным. Первыми из свердловских школ решили они собрать деньги на танк. Собрали необходимую сумму за... три дня.

В то апрельское утро 1943 года во двор школы медленно въехал танк с надписью «Школьник Свердловска». На митинге выступили учителя школы, комсорг Олег Райченко, Мара Колева.

Вот что пишет Колева следопытам: «Меня подняли на броню танка. Я клялась любить Родину, хорошо учиться и не забывать тех, кто грудью встал на защиту Родины».

Выступил на митинге командир экипажа лейтенант Воронков. На прощанье он поднял на руки Мару Колеву, поцеловал крепко и обещал написать ей письмо. Этот момент запечатлели кинооператоры Свердловской киностудии.

Ребята проводили танк до станции.

Письмо от Воронкова пришло, когда танк переправился через Днепр и двигался в направлении станции Казатин. «Школьник Свердловска» освобождал Украину.

А позже в школу пришла весть: танк подорвался на mine, и весь его экипаж погиб... В школе был объявлен траур, все ученики носили на рукавах черные повязки...

В прошлом году ребята из экспедиционного отряда побывали в гостях у Мары Ивановны Колевой, сотрудника одного из киевских институтов. Анжела Шебухова, Света Кузнецова, Юра Лобанов привезли для школьного музея много интересных документов, связанных с историей танка. Немного раньше побывали в Киеве следопыты школы № 77. Они по праву тоже считают танк своим, так как в годы войны обе школы жили одной заботой и мечтой.

На снимке: кадр из хроники военных лет. Лейтенант Воронков и Мара Колева.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ СРЕДИ ВОЙНЫ

**Евгений
ЛИНД**

На набережной ленинградской реки Пряжки стоит школа № 235. Ее адрес известен всей стране. Скрещенные скрипка и автомат — эмблема музея «Музы не молчали», за каждым экспонатом которого стоит целая история...

В 235-й школе проведен вечер, посвященный сорокалетию исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде и первому концерту — состоялся он после трагической зимней паузы в 1942 году, когда на город еще не прекратились массированные налеты, было много жертв и разрушений. Этот день газеты назвали «днем победы среди войны».

На концерте присутствовал старейший дирижер К. И. Элиасберг. В зале звучали Чайковский, Глинка. Арию Орлеанской девицы пела заслуженная артистка республики, в будущем исполнительница партии Кармен — Надежда Львовна Вельтер. Вельтер в гражданскую войну руководила хором в Первой конной армии у Буденного; в Отечественную — выступала во многих концертах фронтовых бригад.

Во всех оперных и балетных спектаклях участвовал симфонический оркестр ленинградского радиокомитета, вместе с открытыми концертами и выступлениями по радио он выступил в блокаду свыше 300 раз.

...Семнадцать музыкантов знаменитого оркестра поднялись на сцену вновь спустя сорок лет. Тысяча сто зрителей встретили их шквалом аплодисментов: здесь ученики музыкальных школ, училищ, консерваторцы, артисты всех жанров блокадного искусства, бывшие бойцы ПВО, охранявшие здание филармонии во время военного концерта, около двадцати артиллеристов 14-го контрударного полка, принимавших огонь на себя, во главе с начальником штаба В. П. Гордеевым. Более ста человек — слушателей, присутствовавших на премьере Седьмой симфонии в блокадном Ленинграде 9 августа 1942 года, тоже здесь.

Звучат стихи артиллериста Вольского, исполняется симфоническая пьеса, написанная учеником Шостаковича Владиславом Успенским, играет ансамбль скрипачей учеников школы-десятилетки при

консерватории имени Римского-Корсакова. Кадры кинохроники сменяются рассказами очевидцев премьер. Зал знакомится с почетными донорами — артистами военного Ленинграда, это на их деньги, за их бесплатно сданную кровь был построен самолет «Ленинградский донор».

После кадров фильма «Героическая симфония» вместо летчика, которого играет артист Николай Крючков, на сцену выходит тот самый летчик, что привез партитуру Седьмой симфонии из Куйбышева в Ленинград. Ребята искали его долги годы...

В зале те, кто стоял у истоков создания музея «Музы не молчали», и юные следопыты. Они видят плоды своего труда, узнают многих артистов Ленинграда, которые давали концерты в своем блокадном городе и у стен поверженного Берлина.

В прекрасном здании Дворца культуры имени Первой пятилетки не случайно проходил этот праздник: здесь в начале войны по инициативе Н. К. Черкасова был создан театр народного ополчения, музыкальным руководителем которого был Дмитрий Шостакович...

СЫН КОРПУСА

**Леонид
ГОЛУБЕВ**

На встрече со следопытами Дома пионеров и школьников Ленинского района Свердловска ветеран-фронтовик Иосиф Исаакович Старосельский рассказал интересную историю про маленького танкиста.

...Добропольцы 10-го Уральского танкового корпуса вели жестокие бои на Украине, форсировали Днепр. В подкрепление пришла новая техника с Урала — эшелон танков. Гвардии сержант Старосельский вместе с другими танкистами принимал на железнодорожной станции боевые машины. Наблюдал за приемкой танков начальник политотдела полковник Илья Федорович Захарченко. С очередного танка сняли брезент и увидели прижавшегося к гусеницам мальчонку.

— Да ты как сюда попал? — изумился полковник Захарченко.

Мальчик смело взглянул в лицо офицера:

— На фронт еду, бить фашистов! За брата буду им мстить...

— Звать-то тебя как?

— Толя Гончарук...

— Парень-гвоздь... — полковник хлопнул мальчика по плечу. — Так и бить, зачислим тебя, Анатолий Гончарук, в наш корпус.

Первое время Толя находился при штабе. Любому мальчишке это уже было бы в радость, а Толя заскучал. И не могли не заметить этого офицеры. Решили передать его в разведбатальон, наказав, чтобы разведчики как следует присматривали за ним, оберегали. Разведчики приняли мальчика как родного, обмундировали в новенькую форму: один из бойцов сшил специально на мальчишескую фигуру. Толя оказался смышленным, ловким, быстро научился обращению с автоматом.

А уберешься — как уберешься... Война ведь... И просился Толя в самое пекло.

26 марта 1944 года танкисты ворвались в город Каменец-Подольский. Упросил Толя взять его с собой... Вылезли они из танка с сержантом Калинин, залегли — стали наблюдать, откуда фашисты стреляют. Засекли здание, этаж. Обошли дом стороной, поднялись наверх. Сержант в левом крыле начал обстреливать фашистов из автомата. А Толя, приоткрыв дверь одной из квартир, увидел двух здоровых фашистов... Ровно на миг они растерялись, и Толя хватило этого мгновения, чтобы дать очередь... Оба фашиста рухнули на пол.

За этот бой Толя Гончарук был награжден медалью «За боевые заслуги».

Вместе с танкистами Анатолий Гончарук прошел большой путь. Приходилось делать в сутки пешие переходы по пятьдесят-шестьдесят километров, нести на себе оружие, диски патронов, гранаты... С танковым корпусом дошел он до Берлина, освобождал Прагу. На Одере был ранен, попал в госпиталь и в декабре 1945-го демобилизовался.

Гвардии старшина Старосельский больше не встречал Толю. Но однажды услышал случайно от кого-то, что живет Гончарук в Нижнем Тагиле, работает на Уралвагонзаводе. Да, Анатолий после демобилизации приехал на Урал, устроился учеником слесаря на Уралвагонзаводе, работал потом слесарем-сборщиком в медицинском цехе.

А. В. Гончарук и сейчас живет в Нижнем Тагиле. К фронтовым наградам добавил он «Знак Почета». В его семье растут четверо детей. На Уралвагонзаводе бывший сын танкистов обрел много новых друзей. Урал стал для него родным.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ ДВОРНИКА МОЖЕТ БЫТЬ РАЗБИТ НА НЕСКОЛЬКО ЧАСТЕЙ ЛЮБОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ.

Требуется дворник

Романтическая история

**Михаил
КОРШУНОЗ**

*Рисунки
А. Банных*

Снег валил всю ночь. К утру перестал. Город смягчился в звуках и в очертаниях, утратил гордость, подомашнел и потеплел. Костя любил такой потеплевший город, несмотря на то, что работы ему прибавлялось. Но снег успокаивал людей. А Костя ценил в людях прежде всего доброту и человечность.

Катя покраснелась, что ей очень плохо, волосы выбились из-под шапочки, прилипли к щекам и на лбу: она помогала Косте сгребать снег. Иногда подкидывала снег высоко лопатой, подставляла лицо, баловалась... Похоже, что ее отношение к снегу было сродни Костиному.

— Обожаю валяться в снегу. Тоже память детства.

— Поваляйся...

— Не прили-чес-тву-ет...

Они составили лопаты и покатали снег к краю тротуара. На порог дворничкой вышел Глеб Рожков в одетом, но заспанном виде.

— Дорогой второй наш класс, беспокоимся о вас,— сказала Катя.

— Чего не разбудили?

— Если желаешь...— Костя подхватил на лопату снега.

Глебка проворно отбежал, но, когда опасность миновала, приблизился к Косте и сказал, что хочет попробовать чистить тротуар.

— Попробуй.— Катя отдала ему лопату. Глебка пристроил ее к лопате, которую держал Костя, и вместе с ним двинул снежную волну. Но вскоре устал или ему наскучило.

— Он может себе позволить не работать,— сказала Катя.

— Почему?

— У него есть деньги. Он вскрыл сейф.

— Сейф? — поразился Костя.

— Глиняный. В виде яблока. Ты забыл?

— Зачем тебе столько денег? — поинтересовался тогда Костя.— На патроны для прищепки?

— Не скажу.— Глебка, такой же насупленный, мрачно ушагал.

Катя крикнула ему, чтобы собирался в школу. Он даже не оглянулся: ничего Глебку с Катей не объединяло. Опять раздружились.

Подождала Аида с утренней почтой, спросила Катю:

— Писем не ждете?

— Не жду.

— Что же — неоткуда?

— Мне письма не нужны. Сейчас.

— Аида, ты мешаешь.— Костя специально подкатил лопату со снегом Аиде под ноги, засыпал ее красивые замшевые сапоги.

Аида пошла, остановилась. Начала перчаткой отряхивать сапоги. Снова пошла, раздраженная, разобидевшаяся, готовая к продолжению борьбы. Аида привыкла нападать, а не защищаться.

— Строгая девушка... К тебе имеет претензии.

— И к тебе.

— Ничего ей такого не сделала.

— Будто.

— Брутто,— улыбнулась Катя, запрятав в глазах колючий блеск.

— Брутто — вес с упаковкой?

— Да. С замшевыми сапожками и золотыми сережками.

Костя отвез к краю тротуара снег и вернулся за следующей порцией. Катя, все еще не смягчившись, сказала:

— Я не только самолюбивая девушка, я и не пугливая девушка.

Катя вонзила лопату в снег.

— Пойду убирать квартиры, вот что.

— Зачем ты затеяла с квартирами?

— Чтобы не потерять квалификацию.

Костя остался один.

Из бойлерной вынырнул Цупиков. Знакомая картинка — будет ждать Аиду для того лишь, чтобы потом долго смотреть ей вслед. Но Цупиков подбежал к Косте и отчаянным голосом спросил:

— Аида выйдет за меня замуж? Как думаешь?

— Спроси у нее.

— Ты спроси, когда будет возвращаться.

И Цупиков исчез, испарился. Совсем очумел или перегрелся в своей бойлерной.

Аида шла уже с пустой сумкой, возвраща-

Окончание. Начало см. в № 9.

лась. Костя взялся за лопату и покати́л снег на-
встречу. Аида остано́вилась, наблюда́ла. Костя
прибли́зился, сказа́л:

— Медве́дя на ко́льце хо́чешь име́ть?

— Что?

— За угло́м стои́т.

Толя де́йстви́тельно вы́глянул из-за угла́, как
по зака́зу.

— Подержи́.— Аида сброси́ла с плеч сумку́.

Костя е́два подхва́тил ее.

— Да́й сюда́ лопату́,— Аида выде́рнула у Ко-
сти бо́льшую фа́нерную лопату́ и устре́милась с
ней туда́, где прятался несча́стный Толя. Лопата́—
напере́вес. Толя в рваном полу́шубке по-
мчался во весь дух в по́дъезд. Аида с той же
ско́ростью добе́жала до по́дъезда, отшвы́рнула
лопату́ и то́же влетела́ в по́дъезд.

Аиды́ и Толи́ долго́ не было́. Доноси́лись их
взволно́ванные го́лоса. Костя успе́л выку́рить си-

гарету́. Нако́нec показа́лась Аида, подня́ла лопа-
ту́ и напра́вилась к Косте́. Следо́м вы́шел Толя,
посто́ял немно́го и закри́чал:

— Лю́блю де́вчонку́ с губа́ми цве́та кара-
мели́!..

Костя подхва́тил лопато́й снег и вдруг уви-
дел, что подстраива́ется второ́я лопата́. Он о́гля-
нулся — Катя́.

— Ты освободи́лась?

— У́же,— отве́тила Катя́, и они́ вме́сте пока-
тили́ перед со́бой снег... Катя́ си́льная, не отста́ет
от Кости́, хо́тя Костя́ пыта́ется ста́вить свою́ ло-
пату́ перво́й, но Катя́ замеча́ет его́ уловку́.

— Ты упря́ма,— говори́т Костя́.

— Да. Со мно́й быва́ет.

Вече́ром Гле́бка о́пять про́пал, но Катя́ сразу
догада́лась, где он: она́ нашла́ его́ на кварти́ре
тетки́. Он си́дел о́дин в те́мной кварти́ре и, каза-
лось, жда́л, когда́ за ним при́дут.

ИНВЕНТАРЬ, НАХОДЯЩИЙСЯ В
ВЕДЕНИИ СТАРШЕГО ДВОРНИ-
КА: ЗАПИСНАЯ КНИЖКА И КА-
РАНДАШ, ТОПОР, ПРИСТАВНЫЕ
ЛЕСТНИЦЫ, ТИПОВЫЕ ОГРАЖ-
ДЕНИЯ, ПОЛИВОЧНЫЙ ШЛАНГ,
ТЕЛЕЖКИ-ТАЧКИ.

Только что вернулись с базы коммунально-бытовых предприятий: конец года, и, как сказала Фокасьева, надо было выбрать фонды. Фонды выбрали — песок для присыпки, типовые ограждения, приставные лестницы, брезент, метлы, совки, фонари «летучая мышь», цепь, которой перегораживают въезд в подворотни, и даже нагрудный знак дворника и свисток. Выбирать фонды так уж выбирать — до нагрудного знака и свистка включительно. Со знаком Костя теперь ходит. Свисток прикарманил Глебка — учится на нем играть. Если что и не получается, то все-таки Глебка свистит лучше, чем Надька в наперсток...

Катя и Глебка находились в помещении жэка и ждали междугородного телефонного разговора. Разговор заказала Катя. Фокасьева просматривала цифры по жэку, подготовленные бухгалтером, сердилась на жильцов, которые до сих пор не заплестили за квартиру.

— Просишь, вывешиваешь объявления, а им трудно сходить и оплатить счет.

— Во дворе плохой хоккей, — сказал Глебка, чтобы привлечь к себе внимание.

— За катком сами следите. Хоть сегодня займите. Мне некогда. У меня еще перерасход по горячей воде. Влюбленный Цупиков гоняет бойлерную, как паровоз!

Частыми звонками зазвонил телефон. Глебка затаил, напрягся. Разговор о хоккее Глебка завел для того, чтобы не выдавать волнения — предстоял разговор с мамой.

Фокасьева придвинула аппарат Кате. Катя сняла трубку.

— Да, заказывали. — Повернулась к Глебке: — Приготовься.

Глебка, казалось, перестал дышать, молчал.

Катя протянула Глебке трубку:

— Ну что же ты!

Он взял трубку.

— Макси! Это я. — И опять замолк.

Когда Глебка был совсем маленьким, мама купила швейную машину и начала шить, подрабатывать. Глебка с утра и до вечера слышал от заказчиц — макси да макси.

— Куда прыть подевалась, — сказала Фокасьева нарочно грубовато, чтобы этим заставить Глебку успокоиться.

— Поздоровайся, — напомнила Катя. — Мама прекрасно понимает, что это ты.

— Здравствуй. — И Глебка перестал волноваться, очевидно, еще от вопроса, который он услышал. — Учусь? — Взглянул на Катю: — Как я учусь?

— Допустимо.

— Ничего учусь — в зоне... четверок.

Катя промолчала.

— Могу разложить варенье по трем банкам.

— Не путай себя и маму, — сказала Катя.

— Макси! Не буду путать тебя и себя. Умею короткие слова говорить за один выдох, а длинные — за два выдоха. Что? Языком? Почти теперь не бренчу. Недавно на дверях нам показывали прямую верхнюю линию, нижнюю и две боковые. Живу? Под наблюдением. Все время. Тетя Слоня? Похудела? Я похудел? — И опять взгляд на Катю: — Я похудел?

— Нет.

— Макси, нет. Я сильный. Я каши ем, одна за другой. А тетю Слоню столом кормят, сыром. У нее разрушился обмен веществ.

— Скажи, что скучаешь. Ты же скучаешь.

— Скучаю, Макси! — Глебка заморгал, зашмыгал носом. — Макси... — Голос его задрожал.

И вновь на помощь подоспела Катя.

— Скажи о хоккее.

— Сегодня каток заливать будем.

— Поздравь с наступающим Новым годом. — Катя не давала Глебке возможности расслабиться, пожалеть себя.

— С наступающим Новым годом! Слышишь, Макси! Ты меня слышишь? Я толстый, я не худой! А линии на дверях — это геометрия. — Загородил трубку ладонью и тихо сказал: — Макси, я к тебе скоро приеду. Сам.

Разговор закончился: Глебка отдал трубку Кате, и Катя опустила ее на аппарат. И тут с Глебкой случилось нечто невероятное — Глебка цапнул шубу Фокасьевой, влез в нее и начал скакать по жэку, брыкаться и орать:

— Кенгуру! Кенгуру! Кого хочешь обскакну!

— С какой стати он орет про кенгуру в моей шубе! — неприятно удивилась Фокасьева.

— По-моему, без всякой стати, — сказала Катя. — А «кенгуру»... это я мечтаю себе шить.

Глебка скакал, опрокидывал все, что ему попадалось по пути: доску показателей работы жэка, консервные банки, в которых был высажен зеленый лук, новенькие древки для флагов, ящик с картотекой жильцов, ведра. Из соседней комнаты на шум прибежала бухгалтер. Глебку повалили, вытряхнули из шубы. Глебка не сопротивлялся, он хохотал от счастья.

Посреди катка хранились прикрытые рогожей фонды. Костя сказал, что значительную часть фондов вынужден был устроить здесь: в камере не хватило места.

При заливке катка присутствовали все ребя-

та. Они выбежали во двор, как только увидели, что Костя достает шланг, который ему выдал старший дворник. Но основным действующим лицом был Глебка: он тащил шланг вместе с Костей, подключал его к водопроводному крану. Пустили струю воды на площадку.

Вода потекла по площадке широкими наплывами, охватывая прикрытые рогожей фонды.

— Может, надо теплой водой? — спросил кто-то.

— Заливать каток — не купаться в ванне, — ответил Костя.

Лед для настоящих игроков — святая святых. Ребята услужливо подтягивали за Костей шланг. Глебка был, конечно, в первых рядах, но потом Катя его забрала: она боялась — промочит ноги. Глебка шипел и ругался. Катя взяла его за воротник пальто и крепко держала. Глебка незаметно расстегнул пуговицы, сумел выскользнуть из пальто. Катя его ухватила и буквально всунула в пальто, застегнула пуговицы и крепко перевязала своим поясом.

— Предательница!

Подошел Костя.

— Бери шланг.

Глебка не без торжества посмотрел на Катю.

— Он не шлепнется? — спросила с сомнением Катя, спуская Глебку с пояса.

В толпе кто-то из тех, кто постарше, сказал скептически в адрес Глебки:

— Малышба.

Глебка услышал, направил на обидчика струю из шланга. Пришлось шланг у Глебки отобрать, вытащить Глебку с катка и отвести домой. Тем более, он здорово сам облился.

— Я с тобой в споре! — кричал Глебка Кате. — Марселина-апельсина!

— Хоть мандарина, пожалуйста, — ответила Катя, разведишая для просушки Глебкино пальто.

— Я на всю жизнь!

— Не надо на всю жизнь — очень долго. Я состарюсь.

— И состарься!

— Какой ты змей на самом деле.

Глебка молчал. Он сидел в носках на стуле у батареи, рядом висело, сушилось пальто.

— Такое поведение настоящего мужчину не украшает.

— А во дворе про тебя говорят!... — Глебка наклонил голову и смотрел недобрый взглядом.

— Ты не слушай, что во дворе про меня говорят, — спокойно перебила Катя. — Ты лучше слушай, что я тебе говорю.

— Ты мне не мать.

— Совсем меня не любишь?

Пришел Костя. Поглядел на обонх.

— О чем спорите?

— О любви и дружбе.

— Зачем обижаешь Катю? — серьезно спросил Костя.

Глебка молчал, размахивал ногами. Он понимал, что обижает Катю.

— Она первая начала.

— Давайте сядем за стол перегворим и пообедаем.

— Конечно, — кивнула Катя. — Обуздаем гегемониста.

— Что будем есть — опять фасоль? — спросил Глебка.

— Бобовые будем есть. Пир у нас будет под Новый год. Ужин при свечах.

Катя возилась на кухне, разогревала фасоль. Костя пошел ей помогать — бросил в кипяток сосиски. Катя поглядела на сосиски. Спросила:

— Варишь в кожуре?

— Чищу потом под холодной водой.

— Как старый холостяк?

— Да. — Костя сказал это с некоторым вызовом, хотя и шутливо.

— Почему?

— Не сложились жизнь. — Он пожал плечами.

— Ты ее складывал?

— Она меня пока что складывает.

Глебка сидел, просыхал. Когда Катя принесла фасоль, Глебка завонил:

— Где бобовые?

— Они самые и есть... В старших классах будешь изучать однолетние растения и тогда не ошибешься.

— Ты сама гегемонист! Думаешь, не знаю, кто такие гегемонисты? Вожатая Надька объясняла. Агрессоры.

— Успокойся. Под Новый год я тебе сварю тянучку.

Глебка успокоился: тянучка — это лучше даже, чем варенье, блеманже и суфле. Потом начал допытываться, почему бы им всем не встречать Новый год в квартире у тети Слони.

— Вы мои гости, а не гости тети Слони, — сказал Костя.

Пообедали быстро. Катя проконтролировала, чтобы Глебка съел хотя бы сосиски. Потом ему была подана морковь. Именно подана — на большой тарелке, почти блюдо.

— Укрепляй обмен веществ, — сказал Костя.

— Устроили из меня институт питания! — кричал Глебка, отбиваясь от моркови.

Когда морковь была Глебкой все-таки съедена, Глебка спросил:

— Кто такой старый холостяк?

— У кого нет жены.

— Одинокий?

— Да.

— Значит, я старый холостяк.

Катя начала переодевать Глебку в сухое. Он долго и нудно зашнуровывал ботинки. Костя не стал ждать Глебку с Катей, ушел. Подметать снег около бункеров. В бункерах коты включили, конечно, свои фары: коты не любят метлу, она действует им на нервы.

В квартире тети Слони Глебка и Катя отобрали необходимую для праздничного ужина посуду, сложили в сумку, пошли через двор. Глебка велел Кате держать его за руку. И Катя вдруг поняла, что Глебка хотел защитить ее от того, что говорят о ней старухи.

— Это украшает даже старого холостяка,— сказала Катя. И Глебка ее понял.

Она оставила Глебку в дворницкой, а сама отправилась на помощь к Косте, которому предстояло сегодня полностью очистить от снега двор и тротуары: завтра праздник, завтра встреча Нового года. Взялись за работу в две лопаты. Надо было еще прорыть и очистить канавки. Костя принес лом и штыковую лопату.

— В армии я ценил вечернюю поверку и отбой.

— Любишь спать? Второй Глебка, оказывается.

— Люблю тишину.

— Зачем тебе одному столько тишины?

— Мать у меня была очень тихой.

Катя сняла перчатку, надела ее на ручку лопаты. Пошевелила пальцами, размяла.

— Ты не привыкла к лопате? — спросил Костя.

— Я выросла среди снега.— Катя снова надела перчатку.— Ты знаешь, кто такие горностаи?

— Звери на твоей ферме, конечно.

— Недавно в вольере дверцей придавила палец.

Окна домов — елочного цвета. Проехало такси, и у заднего стекла стояла совсем крошечная елочка в огоньках. Подобную елочку, только у переднего стекла, провез и троллейбус. В единственной витрине гастронома дергалось что-то светящееся и цветное. Бегали с последними покупками жильцы. А один нес почему-то ковер. Ковер был свернут в длинную трубку и переброшен через плечо. Не хватало только подвесить к коврику ведра, чтобы получилось коромысло.

— У тебя что-нибудь связано с новогодними праздниками? — спросила Катя.

— Ничего не связано. А у тебя?

— У меня? Что-то в общих чертах.— Катя помолчала.— Это плохо, наверное.

— Почему?

— Грустно без новогодних воспоминаний.

— Они должны быть у тебя особенными?

— Мне грустно.— Катя подбила лопату коленом, сбросила с нее снег.— Ну, я пойду. Должна заставить Глебку написать праздничную открытку матери.— Катя пошла и потянула за собой лопату.

Костя смотрел вслед. Катя обернулась:

— Скоро уеду.

— Куда?

— Ты же не будешь грустить, нет? И ничего не ждешь, да?

Костя не успел ответить — к нему подошел Овражкин.

— Чем порадуете в предстоящем году? Какими произведениями искусства?

— Новый год — новая экспозиция.— И Костя пошел и начал штыковой лопатой разбивать одну за другой снежные фигуры. Крушить. Громко хлопали электрические лампочки, разлетались комья снега и куски льда. Костя взобрался на крышу беседки и сбросил оттуда купола и кокошники, покончил с памятником старины. Да, он не грустит о прошлом, о прошедшем — ни о своем, ни о чужом, потому что всегда надеется на будущее. А если кто-то чего-то ждет, на что-то надеялся и теперь о чем-то жалеет или сожалеет, то при чем тут Костя? Он не грустит о прошедшем — вот-таки-он-забавный-если-он-забавный-черт-его-возьми-совсем! И нет у него никаких воспоминаний — ни простых, ни новогодних. Воспоминаний, достойных воспоминания. Не держим, не складываем, не храним.

Новый год. На столе — канделябр, сделанный из пустых разновеликих бутылок, и в них свечи, тоже разновеликие. В держалки для флагов вставлены сосновые ветки. На крюке, который двигается к потолку и обратно, сидит маленькая стеклянная птичка. Костя прикрепил ее кусочком замазки. Для курток и Глебкиного пальто давно были вбиты гвозди. Из теннисной ракетки без струн сделано зеркало: бери и глядись в него. Огромный пляжный зонтик, драный, залатанный, но с которого свешивается мишура со звездами, — вместо новогодней елки.

Катя приготовила праздничный ужин — салат, рыбу в маринаде, яички фаршированные зеленью и, конечно, цветок из сливочного масла. «Я работаю только маслом», — смеясь, говорила Катя. «Сливочным», — добавлял Костя.

Глебке Катя сварила банку сгущенного молока: сделала тянучку, как и обещала. Глебка от тянучки был в восторге, непрерывно погружал в нее ложку. Из квартиры тети Слони принесли еще телевизор, поставили на пол и смотрели передачу. Глебка устроился перед телевизором с бутылкой «Буратино», но не переставал поглядывать на тянучку: она приковывала внимание Глебки больше, чем телевизор. И Глебка наблюдал за Катей, чтобы улучшить момент и опять погрузить ложку в тянучку, а потом попытаться быстро отправить ее в рот.

Соня Петровну обещали выписать из института, но только после Нового года, чтобы у Сони Петровны не было соблазна сразу резко нарушить диету. Праздничный стол — бич для тучных больных, сказал врач. Тем более, Соня Петровна работает поваром и умеет готовить всякие соблазны.

На Косте был спортивный пиджак и галстук, на котором были нарисованы старинные самолетки. Костя нарисовал их сам. И когда Катя спросила — почему самолетки? — Костя отве-

тил, что видел такой галстук на одном счастливице, который приезжал к ним в Тулу из Москвы и называл себя «центровым парнем». Так чем он, Костя, хуже этого центрального парня?

На Кате самолетиков не было. На ней было длинное платье теплого красного цвета. Она достала его из дорожной сумки, сказала, что была в нем на свадьбе. И туфли надела на очень высоком каблуке. Тоже достала из сумки. Сделалась высокой на каблуках и в длинном платье и чужой, нездешней. Глебку заставили надеть свежесглаженную рубашку и новую курточку.

Катя подарила Косте зажигалку, и Костя непрерывно доставал ее из кармана, чиркал и смотрел на огонек. Глебка получил в подарок пистолет. Когда спросил: «Чем стрелять?», Катя ответила: «Пока стрелять не надо». Глебка не расставался с пистолетом, как и Костя с зажигалкой, носил пистолет в кармане и чувствовал его приятную тяжесть. Вооружен и опасен. В ответ Глебка подарил Кате бумеранг, чтобы она охотилась у себя, по месту жительства, а Косте — два своих самых любимых цветных карандаша, чтобы Костя нарисовал ими что-нибудь выдающееся и сделался бы знаменитым художником. От Кости Глебка получил в подарок клюшку и шлем, а вот что Костя подарил Кате? Загадка. И для Глебки, и для самой Кати, потому что Костя сказал — подарок есть и в то же время его нет. Пока что. Вот и сиди, ломай голову, варьируй.

ДВОРНИКУ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО ЭЛЕКТРООСВЕЩЕНИЕ НА ОДНУ СВЕТОВУЮ ТОЧКУ В 40 ВАТТ, 2 КУБ. М. ДРОВ ПРИ ПЕЧНОМ ОТОПЛЕНИИ И РАДИОТРАНСЛЯЦИОННАЯ ТОЧКА.

Так шел, продвигался в дворничкой к заветной полуночи новогодний вечер. Костя периодически сбивал вилкой с канделябра нагар. Канделябр оплыл стеарином и приобрел заморский вид.

— Ты педант, — говорила Катя, подперев ладонью щеку и наблюдая за мятущимися от Костиной вилки огоньками свечей.

— Не хочу, чтобы копоть испортила красоту вашей чести.

Катя сидела под огромным зонтом, с которого свешивалась мишура со звездами. Волосы Катя термобигудями превратила в большие колокольчики, а помадой сделала губы цвета карамели. Огоньки свечей отражались в Катиных глазах, освещали ее щеку и ладонь, которую она держала на щеке. Катя была празднично красивой, необычной.

— Ты о чем думаешь?

— Вспоминаю фаселевый день. А ты?

— Я? О тебе. Мне нужны новогодние воспоминания. — И Костя поднес огонек зажигалки, максимально усилив его регулятором, к канделябру, и получилось, что горит еще одна свеча, самая яркая. — Ты сегодня какая-то...

— Какая? — спросила Катя.

— Пронзительная.

— Йо-го-го, веселись как черт! — заорал со своего места у телевизора Глебка.

— Что с тобой? — спросила Катя Глебку.

— Праздник.

Глебка опять заорал и вместе с ним заорал и Костя:

— Приятель, веселей разворачивай парус! Йо-го-го...

— Ты давал ему вина? — серьезно спросила Катя.

— Он пьет лимонажку.

— А что, — сказал Глебка. — Холостяки пьют. — И Глебка на четвереньках пошел по комнате.

Катя встала, подошла к телевизору и подняла с пола бутылку «Буратино». Понюхала. Глебка на четвереньках добрался до стола, потянулся к банке с тянучкой. Он погрузил ложку в банку, потом полную ложку густого и сладкого содержимого заправил в рот и так и продолжал сидеть невероятно счастливый.

— В детстве обожала тянучку, — призналась Катя.

— Он не заболел?

— Я не болела. Всегда была здоровенькой. И веселой.

— А теперь?

— Что теперь?

— А теперь ты какая? — настаивал на ответе Костя.

— Капризная: все чего-то жду.

— Или кого-то?

— Или кого-то.

— А ты не прозевала?

— Не прозевала.

— И не ошиблась?

— Я же тебе сказала — я капризная. Это мое любимое занятие — капризничать.

— А ты перестань капризничать.

— Когда?

— Теперь.

Катя воспользовалась случаем, что Рожков у телевизора, и убрала со стола тянучку. Рожков сидел ипил «Буратино». Катя тоненько намазала хлеб маслом и положила на то место, где сидел за столом Глебка.

— Будет неприятная неожиданность, — сказал Костя.

— Да, мой поступок вроде диетологов из института.

Неожиданность действительно была, когда Глебка с ложкой вернулся к столу.

— Ты меня обманула!

— Передохни на хлебе с маслом.

Рожков проявил великодушие, но не безвозмездно:

— Спать не заставишь раньше двенадцати?

— Нет.

— А после двенадцати?

— Гуляй, сколько ноги смогут.

Глебка промолчал. Начал есть хлеб с маслом. Костя погасил канделябр. Остался гореть только фонарный столб.

— Зачем ты погасил свечи? — спросила Катя.

— Надоело снимать нагар.

— Разрушил иллюзию. Беседы при свечах.

А Косте представилось — сидят они с Катей где-то на бульваре летом у фонарного столба, а рядом с бульваром на какой-то большой северной реке вот-вот загудит ночной буксир, который толкает баржу с лесом или с чем-то там еще. И едят, конечно, они кедровые орешки. И вдалеке поет хор, и они счастливы.

— Где ты живешь — есть река? — спросил Костя.

— Реки нет.

— Мне казалось, что есть. Обидно.

— Комары есть, — улыбнулась Катя.

— Я не боюсь комаров. В армии я служил в Полесье.

— Ты по какому предмету не прошел в институт? — спросила Катя. Вопрос не был случайным — она давно хотела его задать и задала.

— По сочинению.

— Недобрал в запятых?

— Нет. Слишком раскрыл тему.

— Знаю. Ты поэт и не понят временем.

— Но у них все еще впереди.

— У кого?

— У приемной комиссии, чтобы понять.

— Да. Ты все-таки забавный.

— Единство содержания и формы. Первым мне об этом сказал помстаршины, когда выдал обмундирование.

— Кем ты был в армии?

— Прости, рядовой.

— Ты всюду рядовой.

— Не стал от этого хуже, — в голосе Кости прозвучала некоторая обида.

— Неужели ты так плохо обо мне думаешь? — покачала головой Катя.

— Я думаю о тебе замечательно. — И это было правдой. — А ты как думаешь обо мне?

— Начнем все сначала?

— Новый год — все сначала.

— А меня нет, — вдруг сказала Катя. — Ты разбил меня на асфальте... При встрече.

— Потому что ты явилась настоящая, — не сдавался Костя.

— В хоккее можно сыграть? — напомнил о себе Глебка. Ему надоел этот длинный и бесплодный, с его точки зрения, разговор.

— Можно, — разрешила Катя.

Но Глебка не двинулся с места, остался при

банке молока: вопрос о хоккее был чисто формальным, чтобы на Глебку обратили внимание. Но внимания не обратили.

Катя сидела по-прежнему красивая и повзрослевшая. Вдруг. Сразу. Это заметил даже Глебка.

— Ты счастлива? — спросил Костя.

— У меня свое понятие о счастье. — Катя опять подперла ладонью щеку.

— Встречай Новый год по-своему, чтобы получилось счастье. Полное. Глебке для полного счастья хватило тянучки и «Буратино».

— А тебе?

— А тебе?

— Я спросила первая, — Катя наклонила голову, казалось, под тяжестью прически, колокольчиков. — Ответить не можешь?

— Могу. Но, — Костя помедлил, — боюсь.

И Глебка вдруг понял, что разговор между Костей и Катей непростой и что нельзя мешать разговору, поэтому Глебка молчал.

— Не надо ничего преувеличивать, — сказала Катя.

— Не надо и преуменьшать, — возразил Костя.

— Знаешь, переворачивать фразы всегда легче, — Катя встала и пошла на кухню, где в духовке выпекался пирог.

Она гордилась пирогом так же, как и тянучкой и кашами. Пирог уже давал о себе знать: его запах превосходил даже запах свечей, которым была полна дворницкая. Катя принесла держаком сковородку с пирогом, подружила ее на стол, положив предварительно на стол дощечку под сковородку. Глебка тотчас перестал есть свою тянучку.

Костя и Катя не возвращались к продолжению разговора. Так между ними и осталась недосказанность. Костя все боялся оступиться, быть неправильно понятым. У Кати, до встречи с ним, были какие-то личные сложности. Это ясно. Они не прошли, может быть, или только проходят. И поэтому Костя считал себя не вправе первым что-то выяснить до конца. У него проездом остановилась девушка. Она сделала это, не раздумывая, не колеблясь. Это высший факт доверия. И она должна знать, что в Косте не ошиблась, а если и ошиблась, то в ком-то другом.

— Давайте в пирог воткнем свечи, — предложил Глебка.

— Что значит человек из общества, — сказал Костя. — Про свечи все понимает.

Костя вытащил свечи из канделябра и воткнул в пирог.

— Зажигай, — потребовал Глебка.

— Меня этот педант угробит.

— Мне кусок со свечей, — вновь потребовал Глебка.

— Уймись, — сказала Катя.

— Я в кино видел.

Кусок пирога Катя отрезала без свечи.

— Говорили, что все будет как в кино.

— Все — я не говорила. Спроси у Кости, разве бывает все, как в кино?

— Не бывает.

— Сами вы педанты!

— А тебе известно, кто такие педанты?

— Нет.

— Значит, ешь пирог и помалкивай.

Глебка начал есть пирог.

— А пирог у тебя получился, — похвалил Костя.

— Я старалась. Хочется тебе понравиться. Полностью.

— Ты сказала — не надо ничего преувеличивать.

— Не надо и преуменьшать, — сказал ты.

— Я могу сказать и что-нибудь поважнее. Я...

— Что-нибудь еще о помстаршине, — перебила Катя. Казалось, она боится в данную минуту каких-то решительных с его стороны слов. А может быть, и не в данную минуту, а вообще боится их.

Костя и красивая в длинном красном платье Катя сидели друг перед другом и между ними горели свечи теперь в пироге, иногда пуская коптящие струйки.

— Скоро у нас будет как в курной избе, — сказал Костя. — Тебе не кажется?

— Кажется.

— И мне тоже кажется, — отозвался Глебка.

— Да что вы говорите, Глеб Епифанович.

— Я не Епифанович.

Костя удивленно пожал плечами.

— Скажите, Екатерина Гайковна, чем я угодил Глебу Киндеевичу? — Косте было так легче, это его стиль, его единство содержания и формы.

— Сам ты Киндей! — Глебка пылал от гнева.

— Да. Он здорово наелся, до румянца.

— Он вооружен, ты забыл?

— Тогда я сматываюсь. — Костя встал из-за стола, взял будильник, пошел надел куртку, сунул будильник в карман.

Катя тоже встала из-за стола и тоже сделала вид, что торопливо собирается.

— Я с вами, — сказал Глебка.

— Он с нами, как тебе это нравится?

— Мне не нравится.

— Я с вами-и! — Глебка заморгал, чтобы не заплакать.

— Ну, что — рискнем?

— Рискнем, — уступила-согласилась Катя. — Пусть будет с нами.

Глебка поспешно оделся. Он не хотел оставаться в дворницкой. Он боялся теперь одиночества. Хотел быть теперь с Катей и Костей. Постоянно.

Катя задула свечи. Копоть оторвалась от свечей и, волнисто выгибаясь, улетела к потолку.

Был приятный зимний вечер. Двое ребят самозабвенно играли в хоккей — лед уже окреп.

Родителям было сейчас не до ребят, и ребята пользовались предоставленной свободой. Фонды, посредине катка, не помеха: можно играть и без центра поля. Глебка постоял, посмотрел на большой хоккей, попробовал ногой лед — скользко, даже без коньков, — и снова вернулся к Косте и наблюдавшей за ним Кате.

Костя должен был сегодня, после инструктажа, проведенного участковым инспектором, проверить все домовое хозяйство. Костя, Глебка и Катя начали обходить подъезды: лампочки горели всюду, кроме одного подъезда. Костя сказал, что он только утром вкрутил лампочку, наверное, она отошла в патроне. Взялся рукой за открытую дверь подъезда и ловко подтянулся, а второй рукой достал до лампочки и шевельнул ее. Лампочка загорелась.

— Трюкач, — сказал кто-то сзади. Это был старший дворник. — Я уже собирался идти за лестницей. Чердаки не проверяй, я проверил. Прибавится после праздника бытового мусора.

Костя промолчал.

— Разве можно так о Новом годе! — не держала Катя.

— Посидят, выпьют, намусорят больше обычного и разойдутся. Ты что-то засиделась тут, девка. Без надзору живешь.

Глебка вдруг сказал:

— Вы злой!

— Слежу за порядком. Что написано в «Положении о дворниках», пункт шестой — не допускать проживания и ночлега в подъездах, подвалах, чердаках и других нежилых помещениях...

— Она живет в жилом помещении, — не успокаивался Глебка.

— Не перебивай... Не допускать проживания лиц без прописки и сообщать, при надобности, участковому о нарушениях паспортного режима...

— Я ее пропишу, — сказал Глебка.

— Где?

— У себя! — Глебка показал на темные окна тетяной квартиры. — Участковому расскажу. Он допустит проживание.

Старший дворник поглядел на Костю и кивнул в сторону Глебки:

— Видал-миндал. Сам на птичьих правах.

Лампочка опять погасла, и Костя опять подтянулся на двери и еще раз повернул лампочку покрепче. А потом они трое пошли дальше.

— Он педант? — спросил Глебка.

— Он дурак, — ответил спокойно Костя, достал из кармана будильник, проверил, сколько остается времени до полуночи. Спросил Катю:

— Тебе не тяжело на каблуках?

— Нет.

Они вышли со двора и прошли по улице. Осмотрели Костины метры — асфальт, булыгу, щебенку, газоны, домовые фонари, угловые указатели, канализационные и пожарные люки. Без-

де все было в порядке. Осмотрели даже безымянный межквартальный проезд, который к Костиным метрам не относился.

Катя шла, молчала.

— Ты о чем думаешь? — спросил Глебка. — О птичьих правах?

И опять что-то неуловимое, понятное только им двоим, объединило их, Катю и Глебку.

Когда вернулись, увидели — за столом сидят Аида и Толя Цупиков. Толя был в настоящем черном костюме, в белой сорочке и в галстуке — полосочкой. Аида, почтальон шестого доставочного пункта, блистала и благоухала. На столе у пирога заняла место принесенная ими бутылка шампанского.

— Разрешите быть вашими гостями? — спросила Аида.

— Под Новый год должны быть неожиданности, — сказала Катя, взяла теннисное зеркало и погляделась в него. Что-то не понравилось в прическе, поправила. Или просто взяла для того, чтобы как-то сконцентрироваться, лучше почувствовать обстановку.

— Должны быть неожиданности, — кивнул Костя. — Пошли.

— Ты что! — возмутилась Аида. — Куда?

— Мы ведь уже пришли! — удивился и Глебка. Он подбирался к банке с тянучкой.

— Через пять минут Новый год! — недоумевала Аида. — Вон, по телевизору говорят.

— Здесь рядом. Одеваться не надо. Берите стаканы и шампанское.

Когда вышли на порог, тут же и остановились в изумлении. У Кости в руках был огромный зонтик, который он осторожно вынес из дворничкой и держал теперь над Катей. Он хотел подчеркнуть ее исключительность, и Катя была ему за это признательна. Толя начал открывать шампанское: он понял, что никуда дальше они не пойдут.

Во дворе, посредине катка, возвышался синий «Геликон». Он был сделан из синего снега. Горели на мачтах фонари «летучая мышь» с надежными на них бумажными коронами. К мачтам были приставлены лестницы, по которым матросы должны подниматься на реи, ставить и убирать паруса. Канаты-ванты были украшены елочными игрушками, флажками, лентами. На корме — большой серебряный сундук.

— Что это? — спросила Аида.

— В сундуке — медные пятаки, — сказал Костя.

Толя молча разлил всем шампанское.

Катя прошептала:

— Корабля не было... только что...

— Приплыл.

— Замереть можно, — медленно покачала из стороны в сторону головой Аида.

— Ты говорил — под рогожей песок и мелки. Фонды! — закричал Глебка. Он не мог простить Косте подобного обмана.

— Фонды и есть, — ответил Костя. — Погляди внимательнее.

— Нет, — запротестовала Катя. — Настоящий корабль, если медные пятаки.

— Понимаю, почему ты у Тетеркиной выпросил столько синьки, — как бы опомнилась Аида. — Она на фабрику-прачечную за ней ездила.

Костя не ответил. Корабль звенел, раскачивались живые огни на мачтах, шевелились ленты и флажки. Шевелились мишура и бумажные звезды, которые свисали с огромного зонта, пусть и драного, с заплатами, но под которыми стояла Катя — и не Катя, а прекрасная Марселина-апелсына. Глебка повернулся к Кате и закричал:

— Женись на Косте! А меня в дети возьмете!

В домах горели почти все окна и во многих из них стояли жильцы — смотрели, немало пораженные. Ночь была тихой — возможно, доберется сюда и звон Спасских часов, и люди поверят в свое счастье на земле. Вера эта постоянна в эту ночь, как постоянна в эту ночь и смена лет.

Наутро Катя исчезла, уехала.

В сдвинутых креслах, под фонарным столбом, крепко спал Глебка. За окном падал мелкий снег и он запорошил корабль. Погасли фонари «летучая мышь»: в них выгорел керосин. Расклеились, свалились бумажные короны. Сундук перестал быть серебряным. А Костя искал от Кати какой-нибудь записки, какого-нибудь знака. Ничего.

Через день вернулась тетя Слоня, вернулся домой Глебка. У Глебки начались наконец настоящие каникулы, но радости они ему не доставляли никакой. Глебка ходил печальный и необщительный. Даже не отвечал Музе, хотя Муза изощрялась, как могла, дразнила Глебку. Замкнулся. Потом вдруг подошел к Музе и поздравил ее с наступившим Новым годом. Муза посмотрела на Глебку, как на тяжелобольного.

Глебка сказал:

— Я сделал это не для тебя. Не думай. — И отошел.

Костя каждое утро чистил двор, работал не хило, но никаких фигур, архитектурных ансамблей или других забав не лепил. Никаких новых творческих планов у него тоже не было. Лопата, метла и скребок делали свое обычное повседневное дело.

Корабль постепенно разрушался, превращаясь в простой сугроб. Костя снял с него еще остававшиеся игрушки, лестницы, канаты-ванты, якорную цепь — теперь ею надо будет всего лишь перегораживать подворотни — и загрузил елками, которые уже начали выбрасывать из квартир — праздник кончился! Костя выбросил зонт с ми-

шурой и звездами. Он лежал теперь здесь среди прочего бытового мусора. Чиркнул зажигалкой, помедлил и поднес огонь к елкам. Сухие елки вспыхнули как порох. И тут Костя увидел бегущего по двору Глебку. За Глебкой, в капоте и в валенках, привычно гналась тетя Слоня. В руке она сжимала глиняное яблоко.

— Опять повытаскал! — тетя Слоня потеряла валенок.

Старухи во дворе закачали головами:

— Господи, до чего отошала — валенки соскакивают.

— Диета, — уважительно констатировала Тетеркина.

— Костя! — кричит Глебка и бежит изо всех сил, чтобы Костя его поскорее услышал. — Костя! Тебе письмо! В копилке лежало! «Станция Тумолейка в глубине России!»

Костя схватил записку, прочитал ее сам, перевернул — может быть, что-нибудь еще на обороте? Ничего.

Корабль догорел и погас. Даже сугроба не осталось — черная вмятина. Глебка вспомнил черный «Геликон», но ничего Косте не сказал.

— Я ее привезу, Глеб Тумолеевич, — сказал Костя.

— Правда? — с надеждой спросил Глебка. — У меня деньги на билет есть. Возьми.

— Я ее привезу, — серьезно повторил Костя.

— А корабль сгорел, — сказал Глебка все-таки.

— Корабль сожжен — отступать некуда.

На маленькую станцию прибыл поезд. Из вагона вышел единственный пассажир — Костя. На платформе — только дежурная по станции в черной шинели, голова заматана неизменным платком, поверх платка надета фуражка с красным верхом. Поезд ушел, мелькнув последним окном в тамбурной двери и оставив за собой поземку, длинный ряд выбеленных снегом шпал и такую же, выбеленную снегом, будку стрелочника. Перемигнул светофор, а в будке стрелочника телеграфно зазвенело.

У дежурной по станции Костя узнал, что несколько дней подряд поезд встречала девушка.

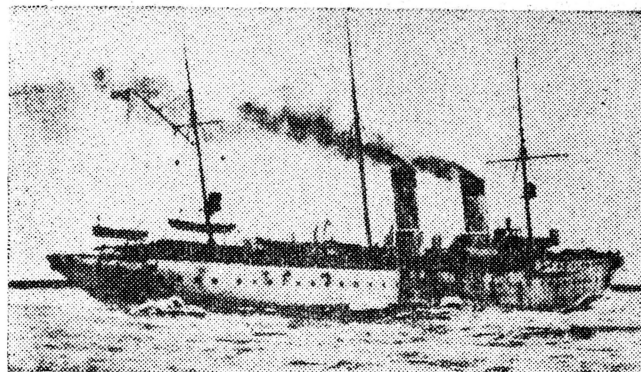
— Кого-то все ждала. Потом на столбе привесила объявление и просила не снимать. Видать, большая чудачка.

Костя подбежал к столбу: «Требуется дворник по адресу: Малая Восточная, дом 8».

«Самоцветы» русского флота

Сергей
ПОПОВ

Крейсер II ранга «Алмаз»

Вот уже вторую сотню лет несколько поколений кораблей русского флота носят названия самоцветов. Деревянные винтовые клипера «Алмаз», «Жемчуг», «Изумруд», «Яхонт» появились еще в 60-х годах прошлого века. Они хотя и были военными кораблями, но никогда не пускали своих пушек в ход, кроме салютов. Они принесли славу Отечеству своими дальними плаваниями и научными исследованиями.

Несмотря на то, что они имели одинаковые размеры, одинаковую паровую машину и парусность, ходоками они были разными. «Изумруд» прославился как самый быстроходный из русских клиперов, не раз показывая более 13 миль в час. А вот «Алмаз» имел парадный ход в половину меньше. Его тонкие мачты не позволяли нести полное парусное вооружение в свежий ветер. К тому же он обладал слабым корпусом. В первом же своем походе к берегам Америки, в котором принимал участие мичман Н. А. Римский-Корсаков, впоследствии выдающийся русский композитор, «Алмаз» едва не пошел на дно. Командир клипера капитан-лейтенант П. А. Зеленой дважды ставил судно в док Рио-де-Жанейро. Тогда «Алмаз» едва дотащился до родного Кронштадта.

Среди многочисленных островов новоземельского пролива Костин Шар своим необычным для тусклого севера названием привлекает внимание остров Жемчуг. Он напоминает нам о плавании в этих местах эскадры вице-адмирала К. Н. Посыета в 1870 году. Тогда офицеры клипера «Жемчуг» во главе с командиром капитан-лейтенантом Ф. А. Геркеном выполнили морскую съемку пролива и один из островов назвали в честь своего корабля.

«Жемчуг» прослужил дольше других клиперов-«самоцветов». Он был исключен из списков 15 февраля 1892 года.

Имя самого быстроходного русского клипера увековечено в названии пролива Изумруд, отделяющего остров Каркар от Новой Гвинеи. Это название предложил знаменитый русский путешественник и ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. 7 декабря 1872 года в заливе Астролябия он поднялся на борт присланного за ним клипера. Побывав в Маниле, Гонконге, «Изумруд» через полгода зашел в Батавию для бункеровки и приобретения продовольствия. Однако сделать это оказалось нелегко, так как на острове в это время вспыхнуло восстание местного населения против голландских колонизаторов. Не удалось выполнить и почетную миссию — доставить на родину знаменитого путешественника. Миклухо-Маклай решил остаться здесь для обработки собранных им материалов...

Несмотря на то что клипера-«самоцветы» плавали много и далеко, все они благополучно закончили свой век на берегу, на деревянном складе. Иная судьба ждала бронированные крейсера, которые в начале нашего

века унаследовали их имена. Правда, не обошлось без исключения. Устаревшее название рубина и сапфира — яхонт — не стали присваивать. «Алмаз» же строился как яхта для разъездов наместника царя на Дальнем Востоке. И только начавшаяся война с Японией вынудила перечислить его в крейсера.

Таким образом, все новые «самоцветы» оказались в одном «звании». «Жемчуг» и «Изумруд» превосходили клипера вдвое по водоизмещению и почти втрое — по скорости. Вместо семи старых пушек своих предшественников они имели по четырнадцать новейших орудий и пять минных аппаратов. Главной же особенностью новых кораблей было то, что они были бронированы. «Жемчуг» и «Изумруд» были заложены на Невском судостроительном заводе в один день — 14 июня 1902 года.

Однако в строй первым вошел «Алмаз», заложенный тремя месяцами позже. Корабелам с ним было легче: ни брони тебе, ни минных аппаратов, слабая артиллерия. Что же касается шикарной отделки офицерских помещений, зеркал, персидских ковров и мягкой мебели, то в царском адмиралтействе по этой части специалистов было достаточно.

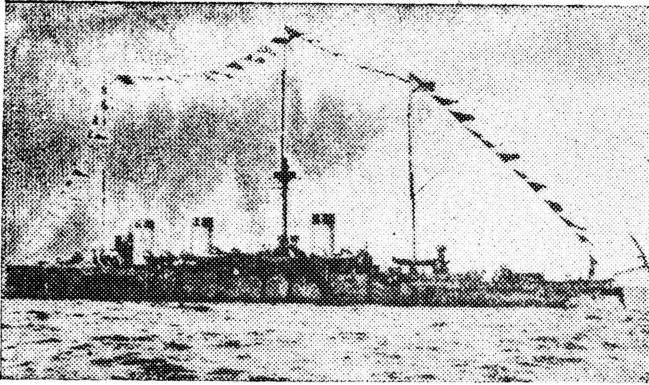
Первым высоко оценил новый корабль сам «хозяин земли русской», как называл себя Николай II. Перед отходом «Алмаза» на Дальний Восток царь устроил смотр белоснежному кораблю. Обходя строй, он остановился перед матросом Ивановым.

— На таком красавце плавать одна приятность, не правда ли, голубчик?

— Так точно, — рявкнул бравый матрос. — Пушки только больно тощие, ваше величество, больше для салютов приспособлены.

Царь намурился и поспешил закончить обход матросского строя. Командиру, капитану 2-го ранга Чагину, было выражено неудовольствие. Матросы лишились традиционных серебряных рублей, а Иванов сел на десять суток под арест «за недисциплинированный ответ его величеству».

Все три корабля участвовали в Цусимском сражении. После гибели и пленения 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского командиру крейсера «Изумруд» Ферзену, пользуясь преимуществом в ходе, удалось оторваться от японских кораблей. Но по мере приближения к русским берегам нервы у остзейского барона начали сдавать. Он стал суетиться, отдавать противоречивые приказы, которыми задержал офицерский состав. Проскочив в слепке Владивосток, стал искать место укрытия от воображаемого преследования, пока не посадил крейсер на камни в бухте Владимира. Не зная обстановки, опасаясь, что крейсер достанется врагу, Ферзен приказал его взорвать, а личный состав бегом привел во Владивосток.

Крейсер II ранга «Жемчуг»

Как будто в насмешку над царскими военно-морскими стратегами единственным крупным кораблем, пришедшим во Владивосток, был чуть ли не самый небоеспособный «Алмаз». В. И. Ленин так подвел итог Цусимы: «Двухдневное сражение, и из двадцати военных судов России с 12—15 тысячами человек экипажа спаслось и прибыло во Владивосток только одно — «Алмаз».

В первый день боя «Алмаз» имел несколько прямых попаданий небольших снарядов. Ночью «Алмаз» потерял остатки своей эскадры, и командир крейсера Иван Иванович Чагин принял единственно правильное решение — повернул к берегам Японии, где его меньше всего ждал враг. 16 мая в половине седьмого вечера «Алмаз» отдал якорь в бухте Золотой Рог. Тридцать один алмазовец был награжден Георгиевскими крестами за «свято исполненный долг».

«Жемчуг» вместе с крейсерами «Олег» и «Аврора» был интернирован до конца войны в Маниле. После заключения Портсмутского мира он вернулся во Владивосток. Его команда принимала активное участие в революционных событиях в городе.

С началом первой мировой войны «Жемчуг» был направлен в распоряжение английского вице-адмирала Джерома для борьбы с германскими рейдерами в Индийском океане. После изнурительных походов 26 октября 1914 года крейсер по указанию адмирала зашел в порт Пенанг для щелочения котлов и переборки механизмов. В порту находилось несколько союзных кораблей, а патрульно-охранную службу нес британский наблюдательный пост. Поэтому командир крейсера капитан 2-го ранга И. А. Черкасов решил дать отдохнуть измученному личному составу, приказав на всякий случай зарядить орудия борта, обращенного к входу в порт.

Темная, душная тропическая ночь подходила к концу. Команда крейсера спала на верхней палубе. В это время в гавань вошел немецкий крейсер «Эмден». Для маскировки он поднял съемную четвертую трубу. Сверкнул прожектор с английского сторожевого поста и тут же погас. То ли англичане приняли крейсер за свой, четырехтрубный «Ярмут», то ли вообще не заметили.

«Эмден» почти в упор выпустил торпеду и открыл огонь по носовой части «Жемчуга». Взрыв подбросил корму «Жемчуга» на полметра от воды. Почти сразу же заговорили орудия русского крейсера. «Эмден», улепетывая, выпустил вторую торпеду, после чего «Жемчуг» переломился пополам и через 10 секунд на его месте торчал лишь обломок мачты. 82 человека погибли, 115 были ранены.

Погибшие моряки крейсера были похоронены на кладбище Пенанга. Совсем недавно там установлен памятник, изготовленный на Мытищинском заводе художественного литья. «Русским военным морякам

крейсера «Жемчуг» — благодарная родина», — написано на нем.

«Алмаз» — единственный из «самоцветов», который уцелел до Великой Октябрьской революции. Матросы «Алмаза» на митинге приняли резолюцию о том, что команда «признает только Советскую власть и присоединяется к партии большевиков». Над крейсером был поднят красный флаг.

Однако борьба за установление Советской власти в Одессе затянулась почти на два месяца. «Алмаз» стал главной опорой комитета РСДРП(б). Здесь бывали М. М. Володарский, легендарный Анатолий Железняков. Алмазовцы героически сражались с бандами Каледина, гайдамаками, обороняли город от германского нашествия.

В марте восемнадцатого «Алмаз» перешел в Севастополь, где и был захвачен немецкими оккупантами. Те передали его Деникину. Перед освобождением Крыма в апреле двадцатого «Алмаз» уже не мог двигаться самостоятельно. Поэтому белогвардейцы использовали его как баржу для вывоза награбленного за границу. «Алмаз» увели на буксире в Константинополь, а затем в африканский порт Бизерту, где французы разобрали его на металл.

В советское время названия самоцветов получили пограничные сторожевые корабли Северного флота — «Рубин», «Сапфир», «Бриллиант», «Жемчуг». Они имели водоизмещение 600 тонн, скорость более 16 узлов, имели на вооружении три пушки, шесть пулеметов, бомбометы.

Первый вражеский бомбардировщик пограничники сбили 22 июня. И уже через несколько дней «Рубин» уничтожил в районе Лумбовских островов фашистскую подводную лодку. Его успех в июле закрепили «Бриллиант» и «Жемчуг», потопившие в районе мыса Святой Нос еще две вражеские субмарины.

А 11 августа 1941 года при охране морских коммуникаций в этом районе был торпедирован «Жемчуг». Вторым в бою с врагом пал «Бриллиант». Он затонул на рейде Иоканги, отражая налет вражеских бомбардировщиков. Оставшиеся в живых члены его экипажа были награждены за мужество и стойкость орденами и медалями. Когда через четыре месяца эпроновцы подняли «Бриллиант», то только в левом его борту насчитали около 800 пробоин. Корабль отбуксировали в Архангельск на ремонт.

В Карском море в сентябре сорок четвертого капитан-лейтенант М. В. Маханьков направил свой корабль наперерез вражеской торпедо, вышущенной в охраняемый им транспорт. Ценой своих жизней моряки «Бриллианта» спасли ценные военные грузы.

В память о героических подвигах морских пограничников Заполярья места гибели сторожевых кораблей «Жемчуг» и «Бриллиант» объявлены координатами боевой славы. Проходящие близ кораблей выстраивают почетный караул, приспускают флаг, отдавая павшим боевые почести.

А имена погибших приняли новые корабли. Уже более двадцати лет несет в северных морях нелегкую службу базовый тральщик «Бриллиант». Вернулся в строй пограничных кораблей и «Жемчуг».

Красивые названия драгоценных камней можно встретить и на бортах торговых судов, плавающих сейчас под всеми широтами. Целая флотилия больших морозильных траулеров — «Агат», «Аметист», «Александрит», «Берилл», «Рубин», «Сапфир» и так далее — ведет лов рыбы. Есть среди них и «Алмаз», «Жемчуг», «Изумруд», «Яхонт». А вообще такие названия в торговом флоте носят в основном небольшие буксиры, исследовательские и вспомогательные суда.

Полосатые соседки

Рассказ

А мы, разумные люди, обвиняем их в жестокости и свирепости.
АЛЬФРЕД БРЕМ

Авенир
КРАШЕНИННИКОВ

Рисунок
В. Ганзина

Обычно я просыпался рано, когда еще только-только светало, сбегал по каменным влажным ступенькам к речке, умывался ломкой водою и садился за работу или забирал удилице, либо с корзинкой отправлялся по грибы. А в это утро проленился в душистых сумерках сеновала, открыл глаза, когда в щели под крышей, в скважины от выпавших сучков пучками сыпались разноцветные солнечные лучи.

Я не успел еще шевельнуться, не успел подогнуть ноги, лишь приподнял голову над подушкой и вдруг замер. Под крышей сеновала еще плавала синеватая муть, угадывались в ней какие-то страшные полушария. И оттуда, с высоты, с переливчатым звоном спускался, завивался воронкой шагучий смерч, вспыхивал в лучах самоцветами. Тонкий низ этой воронки ввертывался в сено где-то у моих босых ступней. Я словно чувствовал, как щечок ветерок стремительного движения.

«Это осы,— догадался я.— Осы!»

Но что же делать? Сколько я смогу пролежать на-вытяжку? А если шевельнусь — в подошвы вошьются тонкие ядовитые иглы.

Я уже имел удовольствие с ними познакомиться. Однажды решил перерубить на куски высохшую до трещин слегу. Приспособил ее одним концом на землю, другим на старую колоду, которая с незапамятных времен вдавливалась в траву за сараем. Недалеко от колоды стояла жена, сушила на ветерке волосы после купания, ждала, когда я расправлюсь со слегой, чтобы утащить обрубки к летней печке. Никакой беды мы не ожидали. Я тюкнул топором по слеге, она спружинила, с маху не поддалась. Я наметился наискосок, ударил крепче. И тут острая щиплющая боль впилась в глаз, в ухо. Жена вскрикнула, замахала руками, выгоняя что-то из волос. Неведомо как мы очутились у речки, долго мочили ледяной водой взбухающие отеки с красными проколами посередине.

Оказывается, в колоде гнездились осы...

В другой раз я собирался в город по делам. До отправления теплохода оставались считанные минуты, я спешил попрощаться с женой, которая прибирала мусор возле печки, устроенной над самым берегом. Внезапно точно осколок стекла врезался в верхнюю губу. Слезы брызнули. В таких случаях очень помогает холодная вода, сок петрушки или лука, но лечиться времени не оставалось. Жена быстро наполнила в речке полулитровый термос, вставила его в карман моего рюкзака, и я пошел по тропинке, как говорят боксеры, в состоянии «грюги».

Степенные пассажиры поглядывали на меня странно, смешливые девчата прыскали в ладошки. Я терпеливо и обреченно мочил из термоса платок, прикладывал его к губе, к носу, ощущая под ним непонятное вздутие. В салоне теплохода подошел к зеркалу и охнул: на меня смотрел Ведущий «Необыкновенного концерта» из кукольного театра Образцова.

На пристани я еле-еле смог улестить шофера такси — он с подозрительностью косился из-под козырька фуражки на человека, скрывающего истинное лицо свое под развернутым носовым платком. Дочь открыла мне дверь в квартиру и отшатнулась, подумала: кто-то явился в противогазе!

О каких уж делах могла идти речь! Я позвонил в неотложку. Милая женщина в белом халате, с трудом скрывая смешинки в глазах, похвалила меня, что вызвал, смерила температуру, осмотрела гортань — нет ли отека и предупредила:

— У вас аллергия на пчелиный и осиный яд. — И дала мне больничный на три дня...

Потом все мои домашние, да и я с ними, от души хохотали, вспоминая волшебные изменения моего облика.

Но в это утро мне было не до смеха. Известно, что на подошвах человека, несмотря на всю их толстокожесть, тысячи нервных окончаний, и я каждым из них ощущал: вот сейчас, вот-вот сейчас саданет!

Все же осторожно, со скоростью самой нерасторопной улитки я подтянул, согнул в коленях обе ноги, сполз на лесенку; скатился вниз и легко вздохнул. Осы, видимо, заняты были важным делом, на этот раз пощадил меня.

На почтительном расстоянии я в разгоревшемся свете дня разглядел: под крышей футбольными и теннисными мячами, шариками пинг-понга висели осиные гнезда. Я забирался на сеновал поздно, в полутьме, когда крылатые хищные соседки уже спали. И вставал я, как уже говорил, до солнца. Вверх, в темнеющий двускатный угол не всматривался, даже не подозревал, какая угроза надо мной нависла.

В прошлые лета прицепляли там осы одно-два гнездышка величиною с детский кулак. Да разве стоило обращать на это внимание! Иногда в избе ни с того ни с сего раздавалось тонкое вьедливое жужжание. Странное существо, с яркими золотыми поясами поперек черного агатового тела, ударялось в стекло, ползало, дрожа узкими прозрачными крыльями, хищно двигая челюстями. И тогда ощущение опаски, боязни являлось, и надо было убить эту крылатую хищницу, иначе она не даст сидеть за столом, не даст читать при огне. Она может «ударить»! Да кто ее звал сюда? Ловила бы, рвала бы на куски бабочек, гусениц, мух — там, на воле!..

Как-то я видел, как охотилась оса за летящей бабочкой-капустницей, полосатый веретеном кидалась на нее сверху, сбоку. А эта порхающая тихоня с таким проворством уклонялась, увертывалась, отлетала в сторону, заранее точно угадывая удары, что не поверил бы, если бы не наблюдал сам. И вот ведь странно устроена психика человека: я жалел бабочку, я радовался, когда она спряталась где-то в травах, слылась с ними. Но ведь умом, умом-то знал, какой вред растениям наносят эти легыкрылые создания...

Ну, а теперь что делать? Нынешнее лето, видать, оказалось для ос благодатным: вон сколько жилья себе наладили. Надо попросить у пасечника его боевые доспехи, поставить лестницу, в сумерках снять все эти футбольные и теннисные мячи в мокрую тряпку. Иначе покоя не жди.

Наверное, я сказал это вслух, потому что жена откликнулась:

— Ты прав. И начинать надо с летней кухни.

Кирпичную плиту летней кухни я сложил на земляной площадке возле самого спуска-лестенки к речным зеленовато-серебряным струям. Над плитой на четырех столбах соорудил крышу-навес от дождя и жарких лучей. На доски крыши опускались ольховые ветки с чистыми нынешними побегам и косматыми прошлогодними шишечками. Здесь было хорошо готовить нехитрое деревенское варево да и просто посидеть вечером, слушая переговоры струй с галечником на перекате.

И надо же — у самой лесенки под крышею кухни осы вылепили свою грушу! Дым от печки им, конечно, мешал, мы, бегая туда и обратно, им, разумеется, тоже мешали. Но пока они налаживали свое жилье и разрешались потомством, мы их не замечали. Но вот как-то наш котенок Кузька, игрунец, интриган, прыгнул на ствол ольхи, по ветке добрался до крыши кухни, побродил по ней немного и остановился от неожиданности и любопытства. До слуха его, очевидно, донеслось таинственное гудение, которое исходило из-под закраинки крыши. Кузька помешкал немножко, прижался животиком к доскам и пополз. Он добрался до самого края, перевесился даже и весь приготовился.

— Смотри,— шепнула жена,— он, наверное, за жуком каким-нибудь...

В это мгновение Кузька вдарил лапой. Раздался невероятный вопль, совсем не похожий на кошачий. Кузька прямо с крыши стремительно пролетел в воздухе метров пять и исчез. Появился он только к вечеру с обиженной на весь мир физиономией, три дня не мог садиться...

Теперь осы не подпускали к кухне нас. Мы пробовали выкуривать их дымом, издалека, прикрывши лицо, плескали крутым кипятком. Осы упорно держались.

— Да,— сказал я,— ничего не поделаешь. Угораздило же их... Только надо, чтобы собрались все. Иначе снова отстроит.

Мы едва дождались вечера. Когда потускнела долгая заря, от луговин потянуло прохладными запахами донника, мяты, я изготовился. К пасечнику я не пошел: почему-то неловко было признаваться, что хочу уничтожить осиное гнездовье. Надел по-бабьи платок, сверху еще кепку. Глаза прикрыл целлофановой пленкой, рот завесил марлей в три слоя. Телогрейка, рукавицы, толстые штаны и резиновые сапоги завершили мой боевой наряд. Что ж, у страха глаза велики, я в самом деле опасался нападения. Жена, глядя на меня, не могла удержаться от хохота.

В два рассчитанных прыжка я очутился у гнезда, сорвал его в марлевую салфетку, чуть ли не кубарем скатился к речке, сунул в воду. Минут через десять, освободив лицо и уши, развернул марлю. В ней, в мокром месиве, еще шевелили лапами, еще пробовали двигать крыльями десятка полтора крупных хищниц. Но не это поразило, не это потрясло нас.

В то место, где только что висело гнездо и осталось едва заметное темное пятнышко, долбилась, отлетала, снова долбилась еще одна оса. Она, видимо, задержалась где-то в дороге, запоздала до исхода зари, она даже, возможно, нарушила какие-то буквы своих законов, но добралась, вернулась домой... И весь другой день с утра колотилась она в высохшее уже пятно, не веря еще в беду или помутившись разумом. А может быть, была другая, заночевавшая где-то под листком и воротившаяся с первыми лучами? Не знаю. Только порядочно лет прошло с той поры, но не забывается это, и мучает, мучает дума: как же быть, почему мы мешаем друг другу, почему вынуждены друг от друга защищаться?! И не на равных.

Большие открытия в Свердловской картинной галерее не так уж часты. Но когда это происходит, в галерее — праздник.

В первые дни января 1982 года в галерею пришло письмо из Ленинграда со штемпелем Эрмитажа. В нем сообщалось, что отныне произведение, хранящееся в фондах галереи и значившееся как работа неизвестного фламандского художника школы Питера Пауля Рубенса, следует считать, согласно последним установленным фактам и документам, произведением знаменитого живописца Антониса Ван Дейка (1599—1641).

Письмо из Эрмитажа было написано заведующим отделом западноевропейского искусства Юрием Ивановичем Кузнецовым. Именно ему принадлежала честь установления авторства безымянного холста. Но должны были пройти не один день, неделя, месяцы, чтобы можно было с полной уверенностью заявить: «Да, это Ван Дейк!»

Вернемся немного назад, к тем дням, когда сотрудница галереи Т. М. Трошина (ныне она преподает на кафедре истории искусства Уральского университета), уезжая в Ленинград, захватила с собой фотографии и цветные слайды, сделанные с этого произведения. В Эрмитаже она показала их Кузнецову. Он заинтересовался произведением, внимательно выслушал короткую «биографию» его и попросил по возможности в следующий приезд привезти сам холст.

Можно ли было надеяться на что-то, мечтать о каком-либо открытии? Да, можно. Даже необходимо, ибо без надежды на подобные открытия немислима работа в любом музее, любой галерее. Но за эти надежды, за будущее открытие надо было бороться, иметь веру в свои убеждения, надеяться на помощь коллег.

Вскоре случай представился, и Кузнецов смог воочию увидеть прекрасную живопись холста, убедиться в блестящем мастерстве и виртуозности, с каким он был написан. На формате, приближающемся к квадрату (размер 30 × 34 см), крупно выделялась голова ребенка — розовощекого, упитанного, с курчавыми волосами. Пастозное письмо, мазки, брошенные сильной и мастерской рукой, выявляли безукоризненное знание анатомии человеческой головы. Во всем облике мальчика, в его пышущей здоровьем натуре легко угадывался тот своеобразный фламандский типаж, так знакомый по произведениям Рубенса. По-видимому, это обстоятельство и дало когда-то повод причислить холст если не прямо кисти великого Рубенса, то его школе.

Здесь следует напомнить, что в мастерской Рубенса учились живо-

В галерее — праздник

**Владимир
БУЛАВИН**

См. 2-ю стр. обложки

писцы, впоследствии ставшие знаменитыми художниками. Среди них был и Антонис Ван Дейк.

Кузнецов засомневался в предложенной атрибуции:

— У меня возникло предположение, что создателем картины мог быть знаменитый Ван Дейк. Однако это надо было доказать...

Началась длительная и кропотливая работа по сбору материалов, осмыслению фактов. Первым делом он сравнил свердловский холст с большой картиной Ван Дейка под названием «Мадонна с куропатками», где было множество детских фигур. Общий колорит, в частности, позволял говорить о схожести манеры написания обоих холстов.

Во время поездки в Голландию, в 1982 году, Юрий Иванович попутно продолжил розыски дополнительных материалов.

В обширной фототеке Института истории искусств Гааги им была обнаружена фотография картины, проданной в антиквариате Лондона, оказавшейся своеобразным двойником свердловского этюда.

— Я убедился, что «Головка ребенка» из картинной галереи Свердловска — этюд с натуры. А лондонский образец — как бы следующая стадия работы художника. Тут он уже превращает ребенка в маленького херувима: вместо плечиков у младенца появились крылышки.

Кузнецову очень хотелось отыскать изображение крылатого младенца в творческом наследии Ван Дейка. Но это оказалось совершенно безнадежным делом. И вдруг опять его величество случай. Один из зарубежных исследователей Ван Дейка публикует сообщение о вновь найденных рисунках этого художника и прилагает снимки, на одном из которых узнается все тот же младенец (частное собрание, Англия). Этот рисунок предназначал-

ся для картины, которая ныне хранится в мадридском музее Прадо.

Важное свидетельство! Стало очевидным, что рисунок пером, хранящийся в Англии, тоже весьма сходен со свердловским этюдом. Разница лишь во времени: экземпляр с Урала относится к первому антверпенскому периоду творчества Ван Дейка и датируется 1617—1618 годами. Для английского же рисунка испанские специалисты указывают 1618—1620 годы.

Так были сняты все вопросительные знаки с этого небольшого холста, долгое время оставшегося в забвении, пока его не коснулась любознательная рука исследователя.

И все же одно «но» существует, оно связано с историей нашего края. Каким образом этот этюд попал в собрание местного краеведческого музея, откуда он в 1936 году поступил в Свердловскую картинную галерею? Можно предпологать, что в краеведческом музее холст появился благодаря деятельности членов Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), активно собиравших различные редкости и музейные ценности. Богатые купцы, уральские золотопромышленники, заводчики Демидовы — все они имели свои собрания старинной живописи, кичились друг перед другом своими ценностями. Мня себя меценатами, покровителями искусства, они время от времени жертвовали в художественный отдел при УОЛЕ свои картины, среди которых могли быть действительно редкостные сокровища. Однажды картина, написанная Ван Дейком, была уже обнаружена на Урале и увезена реставраторами в Эрмитаж. Особенно много сенсационных открытий происходило в первые годы Октябрьской революции, когда в брошенных буржуазией и купечеством особняках находили ценнейшие художественные сокровища.

Какой из этих путей привел нового Ван Дейка в собрание краеведческого музея, сказать трудно. И надо надеяться, что это будет не последнее большое открытие, случившееся в фондах Свердловской картинной галереи, которая таит в себе еще много загадочных полотен. Уже давно ведется, например, атрибуция значительного по своей художественной ценности произведения французского живописца второй половины XVI столетия...

Не всем любителям искусства известно, что в Ирбитском филиале галереи имеются несколько офортов Ван Дейка — портретные изображения Я. Брейгеля, Ф. Франка, Л. Идена. Они были закуплены в 1977 году в Ленинграде в частном собрании.

Воспоминания о весне

Олег
КАПОРЕЙКО

Фото автора

Я не могу себе представить, какие ощущения в мире могут сравниться с тем, что испытываешь на глухариной охоте. В ней так много неожиданного, волнующего, таинственного, трудного и прелестного, что этих впечатлений не забудешь никогда в жизни.

А. И. КУПРИН.

Впервые за многие весны, проведенные на глухариных токах, снились мне они, глухарки... Птиц было много, будто кур, они заполнили, казалось, всю покосную поляну от речушки-ключика до сосняка, что вышпался стеной перед старым вырубом. Черные, крупные, в праздничных латах, с распушенными хвостами, птицы кружились в весеннем танце, затеявая шумные бои. Я смотрел через оконце скрадка на птиц, пытаюсь их сосчитать. Глухарки постоянно двигались, делали короткие перелеты. Я сбивался, начинал снова считать и опять сбивался. Да тут еще отвлекали мое внимание копалухи-глухарки. Они походили на черепахи, у которых вместо панциря на плоской спине было ярко-коричневое с желтым отливом оперение. Глухарки, вытянув шею и без того длинные, шишели... Надо сделать снимок! Где же фотоаппарат? Он лежит, завернутый в махровое полотенце, в переднем углу скрадка. Пытаюсь дотянуться до него, но не могу.

Очнулся... Темно... Сквозь редкую стенку укрытия вижу: на холодном небе поблескивают звезды. И мышшь попискивает, шебаршит под самым ухом. Нашла же место! Забралась под шапку, возится, пыхтит.

Где ты там, негодница? Что спать не даешь? Протянул руку, нащупал, поймал, вытолкнул наружу. Беги! Шлепнулась, процуршала по сухой траве мышьиные шажки и — снова тишина.

Набросил полушубок, пригрелся и задремал. И опять глухарки, много глухарей. Танцуют, бегают, летают...

И — настоящая побудка: сработали биологические часы, никогда не подводившие меня.

Хоть время совсем раннее, настала та минута, которую жду не только я, но и глухарки.

Коротал я ночь в скрадке, согнувшись в три погибели. Ждал момента, когда мой петух-токовик, смелая и сильная птица, обронит в тишину первое колено песни, которое так похоже на звук крупной капли воды, упавшей на дно пустой деревянной бочки. И потом замолкнет и будет выжидать, вслушиваться в шорохи, прежде чем обронит на спящий лес, на поляну, болото, кусты еще раз первое колено своей таинственной песни.

Глухариная песня... Кажется, она несложная, но молодой глухарь усваивает в первую весну лишь одно, первое колено, выговаривать же все точно, ясно, громко, сухо, как это делает опытная птица, ему не дано. Надо еще потренироваться. А второе колено? Тут надобно учиться основательно, и не одну весну. Вот поэтому молодому глухарю не дается на токовище не только место, но и прав никаких. Охотники называют его скрипуном, потому как он не играет, а скеркает, скрипит.

Малыша-первогодка с токовища не прогоняют, из гордости опытная птица не вступит с ним в бой, ему лишь разрешают наблюдать издали, учиться. Но если что не так, «старик», случается, все же гонят молодежь с игрища. А глухарки? Они просто не замечают первогодков.

Я лежал на холодной, неоттаявшей земле, от которой меня отделял лишь настил из двух досок да подстилка — выдавший виды спальный мешок. Мои лесные доспехи: растоптанные валенки-самокатки, ватные штаны, телогрейка, полушубок, шапка, варежки...

Я ждал встречи с моим знакомым глухарем, которого лет пять назад окрестил Черным. Он выделялся темным оперением. Был одет в концертный фрак... И впрямь петух был здесь и дирижером, и солистом. Как он играл! С ним никто не пытался вступить в бой, разве что чужак, залетевший на токовище. Незнакомец, получив тренку, больше не показывался в этих местах. Наблюдая каждую весну за Черным, не раз убеждался, что токовик не обижал зря первогодков. Тумаки и шлепки от него получали лишь те, кто пытался зайти на его территорию, мешал ухаживать за глухарками. Черный был на токовище главой. Эту роль необходимо было отстаивать.

Весну такая птица углядывает раньше других, даже не по капели, а по дуновению южного ветра и по крепкому насту, на который можно слететь с дерева, не боясь провалиться. По твердому насту можно походить, расправив крылья, распутив их, точь-в-точь как на току, покружиться в весеннем танце, подпрыгнуть раз другой, потанцевать, наделать загадочных выкрутасов на снегу, наставить крестиков от лап.

Это называется: глухарь начал чертить. Как правило, первым чертит, словно бы метит свою территорию, именно токовик. Пока менее опытные птицы разберутся, что к чему, центр токовища он уже застолбил.

В эту весну я жил в избушке. Когда увидел это лесное жилище, не поверил глазам. Хорош домик — сработан из бруса. Открыл дверь — хоромы, да и только! Метра три в длину, два с небольшим в ширину. Железная печка, вары, оконце. Стола, правда, нет, но это дело поправимое. Раздобуду досок, сколочу, да и пол заодно перестелю, чтоб не было щелей. Брусья, из которых сработаны стены, рассохлись, местами ладонь пролезет — но и тут не беда: есть пакля, закопопачу. Хоть и немало работы, потихоньку управлюсь. Зато жить в такой избушке — не то что под сосной. И глухариный ток с моим старым знакомым — рядом, в двух километрах.

Забрезжил рассвет пятого дня моего пребывания в лесу, надел лыжи, отправился в район токовища. По на-

сту идти легко. Ночью выпала небольшая пороша, и всякий след — белки, куницы, зайца — смотрелся четко, прорисовывались каждый коготок, подушечка лапки зверька.

Вот и ток. Обошел его, но не нашел ни единого признака жизни птиц. Все вокруг, казалось, вымерло, только дятел с криком носил на свою «кузницу» шишки, ловко обрабатывал их, бросал на снег, летел за новой добычей.

Вернувшись в избушку, все думал: почему нет птиц?

Шли дни, а весна вдруг куда-то исчезла, спряталась, затаилась. Ночью мороз разговаривал с лесом совсем по-зимнему. Громко лопалась кора на березах и осинах. Дрова не горели, а таяли в печи. Даже днем, уходя на час-другой обойти лесные уголья, подбрасывал в печурку сырых дров.

Тепло ждали все лесные жители. Весна явно припозднилась. До майских праздников оставалось полторы недели. Уехать на недельку в город? Не хотелось рисковать. Поворот к теплу мог наступить сразу, прозвевать этот момент, не увидеть самого начала — потерять весну.

Хотя и не сразу, но перелом к теплу наступил. О приходе первыми сообщили птицы. В березняке увидел на снегу следы глухарей. Птицы оставили дорожки следов-крестиков, по краям которых виднелись черточки от низко опущенных крыльев. Значит, глухари готовились к встрече своего весеннего бала. Но кругом — глубокие снега!

Весь день делал скрадок. Доски в нем должны были служить также и лыжами. К вечеру собрал каркас и доставил на токовище своим ходом, как санки. И уже там накинуд чехол из мешковины с квадратными оконцами.

Ранним утром, до света, взяв теплую одежду, рюкзак с фотоаппаратурой, пошел на встречу с глухарями. Птицы «чертили» от меня далеко. Выждав, когда закончатся их время и они разлетятся, перетащил свое укрытие к сосняку, что клином выходил на поляну.

Все-таки, думал я, утро не пропало. В поведении птиц приоткрыл я еще одну неизвестную страничку. Глухари вели себя странно. Они не хотели токовать на деревьях, прилетали на токовище лишь с рассветом. Поздняя весна внесла в жизнь птиц коррективы. Что будет дальше?

Возвращаясь в избушку, встретил след глухаря, который шел к сосняку. Решил поторопить птицу. Глухари — хорошие ходоки. Не раз на осенней охоте птица не улетала, а уходила пешком из-под самого носа моей собаки и, если поднималась на крыло, то в такой лесной крепи, где из ружья ее взять непросто. Теперь птичий след повел через осинник, поляну, сосняк. Глухарь шел прямо, словно по линейке, мерял снежную целину крестиками. Птица все дальше уведила от дороги, где я оставил вещи. Примерно через километр тропления увидел, что иду по следу не один. В ряд с глухаринной дорожкой потянулся след куницы. Куница охотилась и — неудачно. Может быть, помешал я? Скорее, птица почувствовала опасность и взлетела на дерево.

Минуты ожидания рассвета. Сколько их было? Даже если собрать все лесные дневники и по записям крута-

нуть время назад, пройтись по токам, вспомнить ночевки в избушках, а то и просто так, у костра под сосной, — не сосчитать. Сколько сожжено дров за короткие весенние ночи? Сколько пройдено ночных километров?

Одна картина весны вызывает воспоминания о них. Были разные случаи, грустные и забавные. Грустные, когда под кричащие звуки бензоил падали деревья на старых токовищах, сиротел, пустел лес. Забавные... Однажды я решил проверить, что будет делать глухарь, если я лягу поперек игровой тропы. Выполз из скрадка по-пластунски в полушубке, в валенках на глухариную тропу и замер, будто бревно. Глухарь все ближе, ногами по земле шаркает, крыльями гремит. Птицу не вижу, лежу лицом к земле, но слышу, подошел глухарь совсем близко и, не мешкая, взобрался на спину, постоял — и давай топтаться, кружиться туда-сюда, туда-сюда. Поиграл на моей спине, спрыгнул. Ну, думаю, эксперимент удался, отойдет петух подальше, уползу опять в скрадок. А он вернулся и — опять на спину, и топчется, играет. Видно, принял меня за черное обожженное бревно, каких в лесу немало. Но пора обратно, в скрадок, на сырой, холодной земле лежать не такое уж удовольствие. Подмокает полушубок, ватные штаны. А глухарь никак не уходит...

Не раз я примечал — любят токующие птицы взобраться на псенок, на обрубок дерева: оттуда осмотр хороший, видно далеко. Вот теперь и моя спина служила такой вышкой.

Решаю заканчивать эксперимент. Поднялся в полный рост. И что же? Глухарь так и замер с раскрытым клювом. «Бревно» поднялось и даже шагает! Петух взлетел на сосну.

Случалось и такое: глухарь садился прямо с лета на замаскированный скрадок. Матерчатая крыша под тяжестью полупудовой птицы провисала, и петух уже сидел в полном смысле слова на моей голове.

...Глухарь, казалось, не шел ко мне, а плыл над снегом черным шаром.

Вот он перешел лесную дорожку, по которой возили зимой сено, вскочил на снежную твердую бровку и весь распустился таким цветком. И пошел, пошел прямо на мой скрадок. Спишет! Нет, отвернул, но опущенным крылом шумно задел стенку.

Петуху явно не нравился скрадок. Медленно поднимаю фоторужье. Объектив его уже смотрит в оконце. Но, увы, птица настолько близко, что не хватает фокусировки. Едва подумал о насадочном кольце, удар мощного клюва пришелся прямо по объективу, за ним второй, третий. Всякое бывало на глухаринном току, но такое!

Вот ты какой драчун! Я протянул руку в меховой рукавице. Петух и ее клюнул.

Но вот глухарь усмотрел на поляне, кажется, соперника. Бегом пустился через мелкие кусты к незнакомцу. А это был всего-навсего первогодок, который предпочел скрыться в осиннике. Моему глухарю оставалось торжествовать победу. И он заиграл песню, меняя колено за коленом.

С тех минут, как птицы покинут яичную скорлупу, начинается их жизнь в большом лесном мире. Они, под-

растая, крепнут, становятся на крыло, учатся летать, добывать корм. Первое, что начинают глухарята, — различать своих врагов. Вот и этот опытный глухарь, что был передо мной, хорошо знал, как разговаривают меж собою в ветреную и тихую погоду лес, деревья, травы. Глухарь тонко угадывал сухие щелчки обломившихся веток. Ему были знакомы трубные крики журавлей, уханье филина в ночи, глухие стоны лосей во время гона темными сентябрьскими ночами. Они птицу не беспокоили, не беспокоил и звон отбиваемых кос в разгар страдного времени лета. Глухаря загоняли в самую чаще крики ягодников, которые основательно прочесывали лес.

Все чаще и чаще слышал старик-глухарь рев бензопил. Падали деревья, рушился лесной дом. На целые километры оголялась та территория, которая долгие годы служила птицам токовищем. И бывший лес, стройный и сильный, показывал всему живому с высоты птичьего полета белые кругляши пней с проступившей на них смолой да дороги-волоки.

Когда здесь поднимется лес? Когда он станет снова тем домом, каким был еще вчера?

Токующий глухарь совсем рядом. В объективе хорошо видно весеннее оперение птицы. Пора начать съемку, но мешает маленький кустик, торчащий из-под снега.

«Шагни на метр вправо или влево, дорогой мой», — шепчу глухарю. И петух, словно услышав меня, подпрыгнул, ударил крыльями и очутился на чистом месте. Щелчок сработавшего затвора, будто звук обломившегося сучка. Только не медлить! Это та же охота, хотя и не ружейная. И главное — быстрота реакции. А петух — молодец, словно позируя, застыл на своем пятачке и поет-трубит, взывая к жизни и продолжению птичьего рода.

Осторожная птица, но каждую весну теряет бдительность. В азарте игры может не заметить, как подберется лиса, рысь... Потому-то каждый год нахожу я на токах растерзанные останки. Во время второго коленца песни птица открывает клюв так, что закрываются ушные раковины. На несколько секунд глухарь, хоть кричи, не услышит.

Припоминаю времена, когда охотник за одно утро брал по нескольку петухов. И не было тогда ничего в этом удивительного и противозаконного, так как глухарей в наших уральских лесах водилось предостаточно.

Глухариная гора — так называли мы это место. Здесь было настоящее птичье царство: встречались рябчики, лесные кулики — вальдшнепы сотнями собирались на осенних высыпках, перед отлетом, и, конечно же, тут водились глухари.

Природа позаботилась о птицах. Светлый сосновый бор с богатым черничником, с сырыми зарослями липняка, тенястых папоротников, с полянами, с сосновым подростом, с речушкой, бегущей по оврагу, коренастыми лиственницами, с рощами рябин, с крупноствольным осинником. Лесные дорожки, по которым многие годы возили дрова, сено, были продавлены тележными колесами, местами обнажившими россыпи мелкого галечни-

ка, так необходимого птицам. И корм, и дом, и покой имели здесь разные птицы.

Нет, совсем уж тихим и недоступным не был лесной уголок — Глухариная гора. В пору, когда поспевали травы, как и во всем окружающем лесу, начиналась покосная страда. Затем грибная.

Наступали сроки, открывалась охота на боровую птицу. И будили тогда лесную тишину ружейные выстрелы.

Глухариная гора, добрый, щедрый лесной уголок, раздаривала всем ягоды, грибы, дичь.

Был лес, а теперь — вырубки с кипреем.

Не пытайтесь искать Глухариную гору на карте. Немало подобных гор на Урале, и у всякой свое местное название — Лысая, Сухарная, Половинная, Змеевая... У всякой и своя судьба. Глухариная гора... Когда же, в каком году последний раз видели здесь глухаря? Опустел лес, не стало богатых ягодников. Осиротела гора, и вот она, причина: прошла рядом шоссе дорога с регулярным автобусным движением. Хлынули сюда люди. Нашествие такое пострашнее сотни охотников в открытие сезона.

...Прошли всего сутки, а лес не узнать. Запели зяблики, затрубили на Березовом болоте журавли.

Заторопилась весна, заспешила. На всю лесную округу шумят речушки, ключики, болотные паточкины.

Переставив днем скрадок ближе к центру токовища, ночью я отправился на свидание с глухарями. Лес спал крепким сном, стоило приостановиться, и было слышно, как вздыхала земля, принимая в себя влагу.

Крадучись подходил я к темнеющему среди сосен скрадку. Но случилось непредвиденное. С шумом сорвался с сосны глухарь. Он был так близко, что я ощутил брошенную в лицо волну прохладного воздуха. Не успел опомниться, как с другой сосны улетел еще один глухарь. Пока добирался до скрадка, все птицы покинули деревья.

Что же это такое? Неужели я угадал в самый центр токовища? Потеряно утро.

Решаю приходить на токовище с вечера и ночевать там. Так мой скрадок, сшитый из старых мешков, продуваемый всеми ветрами, стал ночным «домиком», а я жил прямо среди глухарей.

Итак, «охота» началась с той самой минуты, когда я устроился в своем ночном жилище, и слушал, как неугомонно выкрикивал свою песню дрозд. А вот кто-то захрумкал над деревьями. Это лесной кулик, опустив свой длинный клюв, медленно летит вдоль кромки болота, словно гуляет, наслаждаясь тишиной уходящего вечера. Он, преодолев тысячи километров от берегов далекого Нила, ищет себе подружку...

Кроме песни дрозда и хрумканья вальдшнепов уловил я необычный шорох. Будто кто идет в мою сторону. Ступит два-три шага — и молчок. Кто же это? Глянул сквозь редкую мешковину. А идет-то мой глухарь! Поднимет лапку, подержит ее в воздухе и ступит так, чтобы не хрустнула сухая травинка.

Когда глухарь подошел к скрадку совсем близко, я понял: это — Черный, мой давний знакомый. Именно он когда-то играл на моей спине.

На закатном солнце одежда птицы смотрелась особенно черной, с вороненым отливом, а клюв, словно маленькое зеркальце, поблескивал желтизной. Глухарь постоял возле моего скрадка, не убыстряя шага, подошел к сосне. Когда до дерева оставалось несколько метров, птица замерла, напряглась, взмахнула крыльями, но не полетела, а лишь подпрыгнула и очутилась на нижней ветке. Пройдясь по ней, глухарь перепрыгнул на следующий сук, и так по сучкам, вверх, словно по лестнице, поднимался до самой удобной ветки, на которой собирался провести нынешней весной немало ночей и утренних зорь. Со своего места, как с трона, токовик должен был видеть все токовище и руководить им, открывать игрище и заканчивать. Осмотревшись, Черный решает подкрепиться молодой хвоей.

Понаблюдав за своим любимцем, решил и я, за компанию, перекусить. Правда, мой стол был куда богаче: горячий чай из термоса, пряники, хлеб, несколько вареных в мундире картофелин.

Сгущались сумерки. С разных сторон поляны доносились шумные посадки глухарей. Птицы собирались на токовище с вечера, чтобы до полуночи начать концерт.

Насытившись сосновой хвоей, мой глухарь заиграл без подготовки. На голос токовика дружно откликнулись другие птицы. И начался вечерний разговор.

Совсем темно. Выкатилась луна и раздала тени деревьям, кустам. Заблестели в уголках неба яркие звезды. Птицы не умолкали. Я задремал под глухариную песню и пробудился под нее же. На небе — ни звезд, ни луны. Темнота глухая, словно плотная кошма висела вокруг меня. Чиркнул спичку — четверть третьего.

Не раз удивлялся, с какой точностью, до одной минуты, открывал утро глухарь-токовик. Прибавлялся весенний день, убывала ночь, а птица как будто высчитывала ход времени. В этом убедился, когда остановились мои часы. Пустил их по началу глухариной песни. И что же? Через неделю, уезжая из леса, на железнодорожном вокзале сверился. Ошибка во времени составила всего несколько минут.

Начало глухариной песни, первое колено — это и побудка, и сигнал всему окружающему: «Мы открываем утро, слушайте нас!». И лес слушал, и слушался — начал просыпаться. Токовик после первого колена разом перешел на второе и, рассыпавшись в неудержимом азарте, зачастил. Всматриваясь в темноту, я едва различал его: черный комочек, и только. Но он шевелился, этот комочек, жил, трепетал. Даже если бы я не слышал песни, по движению ветки, на которой была птица, мог бы определить, как она играет, какое колено закладывает.

Небо светлело, менялись краски на его шатре. Опять, как и на вечерней заре, захрумкили, заикали над лесом вальдшнепы. Их утренние полеты, непохожие на вечерние, были быстрыми, скользящими, трассы — короткими, лишь до грязи, где можно было до восхода солнца успеть поковырять длинным клювом оттаявшую землю и достать на завтрак личинок.

Пожаловал туман. Потянуло холодной сыростью. Заря разгоралась, и свет ее пришел до глухариного токовища. Птицы заиграли дружнее. А Черный пел, кажется, вот-вот он захлебнется. Не зря он глава тока.

Причиной его азарта был не только свет зари. На токовище появились глухарки. Оборвав игру, мой глухарь комом свалился на землю, тут же под сосной расфуфырился и, вытянув шею, важно пошел по поляне. Следуя примеру токовика, один за другим слетели на землю петухи.

Две весны не был я на этом токовище. Носила меня судьба в другие края. И вот снова сошел с автобуса там, где по моей просьбе шофер притормозил. С тяжелым рюкзаком за плечами буквально вывалился в двери. В автобусе зашумелись:

— Геолог, наверно...

Геолог так геолог. Автобус покатило дальше, а я уже шел знакомым лесом, в котором гуляла весна. Я не узнавал этих мест! Дорога — не та, совсем не та, разбита тракторами. По ней вытаскивали хлысты с делянок. Валяются бочки, пластмассовые воронки-кружки. Значит, пришли в лес вздымщики, сборщики живицы — сосновой смолы.

Токовище, токовище... Стою перед ним. Что осталось от него? Разве что сохранилась поляна да болотце с мелким осинником. Через токовище пролегла вырубка. Опустился на огромный пенек, оставшийся как память от той величественной сосны, которая служила не только Черному, но и другим птицам токовым деревом. По всей делянке валялись годные в дело лесины, сучья. Нет токовища, но остались ли птицы?

Вот она, избушка... Сколько раз я приходил в нее уставший, голодный. И она согревала меня, обсушивала, кормила похлебкой, поила чаем. Я ее не узнаю. Дверь сорвана с петель и отброшена, внутри грязь, битые бутылки... Исчезла «летучая мышь», нет чайника, уцелели лишь кружка да топор.

Понемногу навел порядок. Навесил дверь. Заготовил дров. А ночью вышел послушать глухарей. Шел по той же дорожке, которой ходил все годы, прислушивался, не заиграет ли где петух. Лес словно вымер...

И все же услышал: глухарь играл, хоть и одиночка, но играл. Может, Черный?

Глухарь играл без остановки, менял колено за коленом. Подошел к птице на «выстрел». Медленно уходила ночь, свет наступающего утра просочился в лес и высветил глухаря. Птица восседала на самой вершине сосны. Оперение петуха показалось мне темным, но на его мундире проблескивали перья с коричневатым отливом, эти перья говорили о молодости птицы...

В избушку возвращался кромкой поля. Голубая синь висела надо мной, звенел жаворонок. Он первым прилетел сюда, занял территорию, обозначил ее невидимые границы песней — на все четыре стороны.

Вокруг жила, пела, трепетала весна. Но глухарь не давали мне покоя. Где же те птицы, что собирались из весны в весну на токовище? Может, они за Березовым болотом? Надо заглянуть туда. Кто знает, не повстречаю ли там Черного?

Евгения Стерлигова — давний, верный друг и сотрудник «Уральского следопыта». Она пришла в редакцию вскоре после окончания художественно-графического факультета Нижнетагильского педагогического института. Первые ученические рисунки она принесла Александру Соломоновичу Ассу, бывшему тогда художественным редактором. Он опытным и острым глазом увидел за робкими линиями начинающего иллюстратора своеобразного художника, тонко и страстно чувствующего, глубоко проникающего своей неумейной фантазией в удивительные миры, создаваемые писателями-фантастами...

Евгения Ивановна иллюстрирует фантастику,

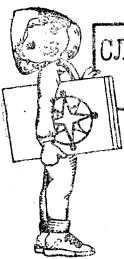

но ей под силу и изящный, изысканный юмор, и реальные, земные образы.

Редакция часто получает письма, в которых читатели просят рассказать о художнике. На 2—4-й стр. вкладки воспроизведены иллюстрации Е. Стерлиговой, созданные по произведению Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом».

Присмотритесь к ним. Они расскажут вам о художнике больше, чем любые слова. Ведь каждый рисунок — это сплав чувства и мысли.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 80-х

• Сталинградские были

Интерес к 74-й гвардейской стрелковой дивизии появился у учащихся Наумяемской школы Паневежского района после знакомства с бывшим разведчиком дивизии Бронюсом Валентялисом. Ребята решили разыскать других бойцов этого воинского соединения. Переписка с ветеранами, связь со следопытами других городов помогли школьникам восстановить для себя картины битвы за Сталинград.

Эпизоды боев, рассказанные ветеранами, свидетельствуют о неуклонности и силе духа защитников Сталинграда. После шестой атаки из всего орудиного расчета, оборонявшего территорию завода «Красный Октябрь», остался один красноармеец Михаил Маликов. А фашистские танки уже идут, и один движется прямо на пушку... Маликов схватил три бутылки с зажигательной смесью и пополз навстречу танку. Пуля сразила бойца, и последнее, что он успел — ударить бутылки о мостовую; смесь вспыхнула, растеклось пламя, образуя непроходимый барьер. И танк попятился назад... Мише Маликову было восемнадцать лет. Рассказали ребятам о нем журналисты, работавшие в дивизионной газете.

А вот что вспоминает бывший лейтенант медицинской службы хирург М. Козьякина. В блиндаж, где находились тяжелораненые, попал снаряд, но не разорвался. Следовало не мешкая выносить раненых, а куда?.. Весь берег простреливается... Снаряд окружили колышками, повязали на них марлю, чтобы никто не ступил рядом. И так, рядом со смертью, врачи и бойцы жили больше недели, пока не появилась возможность перенести раненых в безопасное место...

Герой Советского Союза бывший старшина Г. Дюдкин рассказал про себя очень скупко: «Уничтожил из орудия двенадцать танков, роту гитлеровцев, пятнадцать пулеметных гнезд. Как это вышло — мне и не описать...» Таков был накал боя, такая злость на врага, что не помня себя крушил солдат все вокруг, не думая ни о жизни, ни о смерти своей...

Сталинградские были предстают в воспоминаниях ветеранов; о них красноречиво свидетельствуют и экспонаты появившегося в процессе поиска школьного музея.

• Музей... в портфеле

В портфеле этом, действительно, целый музей: документы, фотографии, фронтовые письма, военная карта 1942 года, трофейный кошелек, сведения о танкистах — Героях Советского Союза... Все это — о 4-м гвардейском механизированном корпусе. А хранитель и собиратель «портфеля-музея» — инженер по обучению Тюменского ГПТУ-45 Б. Н. Хучахметов.

Началось с того, что к нему попали адреса нескольких бывших фронтовиков, и он им написал. Оказались они все из 4-го механизированного корпуса. Спусти шесть лет число корреспондентов-ветеранов корпуса выросло до семисот.

Б. Н. Хучахметов работает над книгой, посвященной 4-му мехкорпусу. Будет в ней и такой любопытный факт, а может быть, даже и фотографии танк, и возле него танкист И. А. Кисенко. Отец купил сыну-фронтовику боевую машину, наказав крепко бить врага. И всю войну сын-танкист воевал на «собственном» танке...

Булата Нурнахметовича фронтовики приглашают на свои встречи. Дружит он и с ребятами из 38-й тюменской школы, хочет с их помощью создать музей боевой славы 4-го гвардейского механизированного корпуса.

• Посвящено верным друзьям

В Центральной школе военного собаководства учат дрессировать собак разных пород.

Школа готовит специалистов караульной службы. Отсюда солдаты со своими четвероногими питомцами уезжают в части охранять разные объекты.

В школе есть музей. Создан он усилиями ветерана части генерал-майора Г. П. Медведева. Во время Великой Отечественной войны в нашей стране впервые в мире в подрывной работе с танками были использованы собаки. За годы войны с их помощью уничтожено более трехсот вражеских танков. Случалось даже так, что целые колонны фашистских бронированных машин уходили с поля боя, увидев «танковых» собак.

Неоценимую помощь оказали «четвероногие солдаты» в оказании помощи раненым — более 680 тысяч раненых бойцов вынесли они с поля боя. Использовались собаки и как посыльные — ими доставлено около 300 тысяч донесений.

А в миннорозыiskой службе собаки оказались просто незаменимы. Четыре миллиона мин обезврежено ими!

В музее военного собаководства представлены на витрине деревянные мины «сюрпризом», которые применяли фашисты. Никакой миноискатель не мог их обнаружить — только чуткий собачий нос находил...

• В московской школе имени З. Космодемьянской есть любительская киностудия «Аистенок». Однажды «аистята» побывали в 235-й школе Ленинграда и увидели в одной из комнат школьного музея стенд с рисунками блокадных детей. Они сняли фильм, который назвали «На войне маленьких не бывает». Содержание фильма — рисунки малышей от трех до семи лет.

• «Ветеран! Отложи на время свои дела и напиши о самом главном...» — эту просьбу-призыв содержит титульный лист «альбома Памяти», который завели следопыты Ардонской сельской школы Клинцовского района Брянской области, чтобы увековечить память об освободителях родного села. Это альбом-путешественник, потому что тому, кто не может приехать в Ардонь, его высылают.

• Более двухсот пятидесяти фронтовых операторов создавали документальную кинолетопись Великой Отечественной войны. Не вернулись с поля сражений тридцать восемь военных кинорепортеров, многие были ранены. О них рассказывает созданный в 814-й московской школе музей, который называется «Рядом с солдатом».

• Четырнадцать моделей боевого снаряжения времен Отечественной войны 1941—1945 гг. представлено в музее школы № 68 города Ростова. Макеты, среди которых есть модели танка, самолета, бронепоезда, автомата, санитарной палатки и другие, воспроизведены с максимальной точностью.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Пустыня

Дмитрий
БИЛЕНКИН

Глава первая

Упорно уже который год мне снится один и тот же сон. Синий, так я его называю. Почему синий? Не знаю, скорее он черный. Всякий раз вижу скалистую чашу кратера, две луны в ночном небе, их остекленелый свет, который всему придает неподвижность старинной, без полутонов, гравюры. Вот так: два мертвенных глаза вверх, сдвоенные у подножья тени зубчатых скал, каменная площадка кратера, куда в полном беззвучии врзается тупой клин конных рыцарей. Блестят доспехи и шлемы, блестят длинные, наперевес, копья, и эта лавина мчится на нас, прижатых к скале.

Мчится — в неподвижности. Застывший миг времени. Замер смертоносный блеск копий, не колышатся султаны на шлемах, в изломе тяжкого бега недвижны ноги коней — все, повторяю, как на гравюре.

Все это я вижу как бы со стороны. И одновременно я — среди тех, кто прижат к скале, кому некуда податься, в кого нацелены тяжеловесные копья. Для этого второго «я» движение есть, только очень замедленное. Не знаю, как согласуются оба зрения, но во сне никакого противоречия нет. Просто сначала я вижу рисунок, затем себя в нем, оказываюсь сразу и наблюдателем, и участником события. При этом тот и другой «я» с одинаково захоловшим сердцем смотрят на громаду закованных в сталь рыцарей, их безжалостный строй, в котором нельзя различить лиц, видишь лишь чешуйчатые панцири, темные прорезы забрал, щиты и шлемы. Слитность всего, шевеление тупой массы уподобляет это движение надвигу каких-то чудовищных железных насекомых, чья лавина готова подмять все и вся. И я, участник происходящего, как и мои товарищи, недопустимо медленно поднимаю разрядник, в ужасе осознаю, что выхода нет и придется бить насмерть, разить эту лавину чешуйчатого метал-

ЖИЗНИ

Повесть

Рисунки
Е. Стерлиговой

ла, а это же люди, люди! И рука замирает в последнем, таком невозможном для нас движении, и мысль колеблется — не лучше ли резануть по лошадиным ногам? Но лошади — на них почти нет металла, они-то для нас как раз живые, и воображение тотчас рисует вспоротые мышцы, сахарный излом костей, предсмертный всхрип. А секунда, когда еще можно дать огненный, под копыта, для паники и остратки залп, уже потеряна.

Вот такими мы были в канун Потрясения. Тут сон правдив.

Поразительно то ощущение безопасности, с которым мы жили. Ведь начиная с двадцатого столетия, когда человечество познало ядерный огонь, дорога пошла над пропастью, а бремя мощи росло, то и дело крепясь за плечами, как громоздкий раскачивающийся тюк. Экологический, информационный, генетический и прочие кризисы никого не оставляли в покое. О каком благоденствии, казалось, могла идти речь! Но

жизнь не подчиняется формальной логике. Каждая победа над обстоятельствами, все социальные, в трудной борьбе достигнутые преобразования, которые только и могли предотвратить тот или иной кризис, так изменили все, что бывшие времена голода, войн, угнетения и розни подернулись пеленой тумана. Конечно, старинные фантазии, в которых будущее изображалось безмятежным раем, где если и приходится преодолевать непустяковые трудности, то исключительно в далеком космосе, если горевать, то лишь от неразделенной любви, если страдать, то от неутоленной жажды познания, — такие книги вызывали у нас улыбку. Сладкие грезы об идиллии, которая, будь возможно осуществить ее, обернулась бы катастрофой, ибо там, где нет противоречий, замирает движение, торжествует скука и наступает духовная смерть!

И все же постоянство побед и долгое социальное благоденствие наложили на нас глубокий отпечаток. Мы слишком уверовали, что завое-

ванное непоколебимо. Что прошлое осталось позади навсегда, что немалый опыт предусматривательности надежно гарантирует будущее... То, что произошло, надеюсь, нас излечило. В этом, быть может, единственное благо того времени, когда мы едва не лишились самого времени.

Говорят, моя история показательна. Не знаю. Мой долг рассказать о том, как все было, выгоды делайте сами.

Начну с того дня, когда я нарушил запрет, что и повлекло за собой все остальное.

В то утро я патрулировал восточную границу центральноевропейского возмущения (какой гибкий эвфемизм для обозначения катастрофы; кто бы заранее поверил, что мы способны так успокаивать себя?). Всю ночь я мотался на предельной скорости полета и теперь не без удовольствия разминал ноги. Стояла редкая в ту пору тишина. День был мгlistый, спокойный, чуть шелестела листва. Коммуникатор молчал. Я наслаждался коротким отдыхом, брел среди светлой весенней зелени, которой все нипочем, и старался не терять из виду Барьера.

Его сиреневое свечение разрезало мир надвое. Силовое поле бритвой прошло по лесу, вспарывая корневища, траву и мох, ссекая ветви. За Барьером земля казалась вздыбленной каким-то чудовищным, все кромсающим лемехом. Слово кто-то пропахал им вслепую, затем сдернул прежнее покрытие земли и на его место уложил новое, ничуть не задев рваный грубый шов. Позади него был уже другой лес. И другое время.

Правда, здесь шов не был таким жутким, как в прочих местах. Даже неровности почвы в общем-то согласовывались, что было верным признаком малого сдвига времени. Впрочем, возраст аномалии мне и так был известен, не это предстояло установить, тут я мог спокойно наслаждаться минутами тишины.

Такими, однако, они были лишь с моей точки зрения. Барьер не достигал вершин самых высоких деревьев, и поверх него то и дело сигали белки, столь стремительно, что их длинные распущенные хвосты казались рыжими выхлопами реактивной тяги. Очутившись на той стороне, белки начинали возбужденно цвирикать и скакать с ветки на ветку. Птицы пели лишь далеко в глубине леса, здесь они проносились в молчании, а некоторые металась кругами, словно искали что-то. Еще бы! Сразу за «швом» начинался уже иной лес, и, главное, там было лето — даже сквозь зыбкое свечение Барьера я различал на кустах малиника осыпь спелых ягод. Май и июль соседствовали; белок и птиц такое, естественно, озадачивало. Нам бы их заботы!

Тем не менее в ту минуту мне было не скажу легко и радостно, но светлей, чем обычно. В природе есть что-то успокоительное: рушился мир целой планеты, признаки катастрофы были

прямо перед глазами, хватало и своей печали, а я вопреки всему испытывал удовольствие от ходьбы, шустро мелькания белок, вида спелых ягод и даже от запаха вздыбленной земли. Очевидно, сказывалась и усталость от долгого нервного напряжения. Разум честно фиксировал обстановку, сопоставлял, делал выводы, однако сознание как будто дремало, и навязчивым мотивом в нем почему-то крутилась одна и та же фраза: «Пока существуют белки, пока существуют белки...»

Что я этим хотел сказать? Что пока существуют белки, еще не все потеряно?

То, что внезапно открылось за резким изломом Барьера, начисто вышибло сонную одурь. Впереди разноцветным огнем полыхала осень! Та ранняя чистая осень, когда свежи и ярки все оттенки перехода красок от темно-зеленого к багряному, когда уже наметан шуршащий покров листвы, но убор деревьев еще плотен и густ. Скупое сообщение со спутника об очередном хроноклазме, которое привело меня сюда, плохо подготовило к встрече с этой трагичной красотой. Позади осталась весна, справа было лето, впереди — осень. Все вместе составляло нечто непередаваемое — пятое время года.

И над всем простиралось грустное мгlistое небо. Вдали на пригорке неопалимым костром горела куртина берез.

Осень клином подступила к Барьеру, но нигде не пересекала черту, и я было подивился расторопности полевинок, которые, выходя, успели оградить новый хроноклазм, как тут же сообразил, что дело не в этом. Ничего они не успели и успеть не могли. Просто новый сдвиг произошел в пределах старого. Отрадно! Небрежная скупость сообщения стала понятной: космическим наблюдателям хватало забот поважней, им некогда было возиться с уточнением характера и границ столь мелкого и неопасного возмущения.

Итак, какая, спрашивается, передо мной эпоха? Золотая осень, те же, что и теперь, березы, осины, клены. Явно не мезозой и даже не третичный период. Геологическая современность. С одной стороны, очень хорошо, а с другой, может быть, и очень плохо.

Я пригляделся внимательней. Шов, отделяющий осень от всего остального, был куда грубее прежнего. Всюду развалы, выворотни корневищ, влажные и даже как бы дымящиеся срезы глинистых увалов, рыжая муть ручейка, который уже не знал, куда ему течь, — словом, хаос. На лицо были признаки глубокого разлома времени, так как одно дело смещение на века и совсем другое — на тысячелетия: то, что в наши дни стало ложбиной, тогда могло быть луговой гладью, даже скатом холма. И наоборот. Тут нечего было ожидать плавной стыковки рельефа. Ее и не было. Ни там, где чужая осень граничила с нашей вес-

ной, ни там, где она вторгалась в иновременное лето. Только растительность была, в общем, одинаковой. Что ей наши жалкие века и тысячелетия!

И все же — какое прошлое передо мной?

Включив гравитатор, я перемахнул через Барьер и опустился далеко за чертой хаоса. Под ногами тотчас зашуршали листья, легкие вобрали в себя щемящий запах увядания. Чувства невольно настроились на встречу с осенней прохладой, но разница температур, конечно, успела сгладиться. «Интересно,— подумал я мимолетно,— что теперь будет с листвой? Опадет или сквозь желтизну увядания пробьется свежая зелень?»

Посторонние, конечно же, мысли. Строго говоря, мне следовало поскорее взлететь и разведать все сверху. Но уже от сознания этой необходимости заныли все мускулы исхлестанного ветром лица. Успеется, решил я. Так, с маленькой поблажки себе, все и началось. Слепо я вошел в лес. Безбоязненно, как привык это делать всегда.

Я старался не чересчур удаляться от стыка с прежним хроноклазмом, так как, помимо прочего, надо было еще определить, стоит ли их разграничивать Барьером. Иногда это оказывалось необходимым, однако я надеялся, что здесь этого не потребует. Плохо у нас сейчас было с энергией. Что там плохо — бедственно!

Лес густел, и как-то сразу помрачнело мелькавшее в просвете листвы небо. Мутным оно стало, недоброе. И как прежде, ни ветерка. Что меня радовало, так это чащобная захлапленность леса. Нигде ни малейшего признака человеческой деятельности, всюду ломко трещащий под ногами валежник, очевидное безлюдье, а если так — нет смысла ставить новый Барьер.

Однако я не стал торопиться с выводом и правильно сделал. Впереди обозначился косогор. Подлесок расступился, сразу открыв строй мачтовых сосен, под которыми было просторно и гулко. Вверху долгим вздохом порой прокатывался глухой шум вершин. В прогалах тускло серело небо, однако его света было достаточно, чтобы еще издали различить на косогоре какой-то темный, мерно раскачивающийся меж стволами предмет. Взад-вперед, взад-вперед, так он маятником ходил в мгlistом просвете неба. Даже вблизи я не сразу понял, что это такое, как вдруг в сознании мелькнул полузабытый образ.

Зыбка! Даже не колыбель, зыбка; память почему-то вынесла наружу именно это древнее, как мой собственный род, слово.

Зачем она здесь, в лесу?

На фоне мрачающего неба тихо раскачивалась подвешенная на ремнях такая маленькая колыбель ребенка. Внизу холмиком бугрилась еще не успевшая оплечь земля.

Это сказало мне все. Могила ребенка. Над

ней — его зыбка. Глубокой и печальной стариной повеяло на меня от этого обряда.

О древности свидетельствовала и сама колыбель. Ни единого гвоздя, все крепко и грубо сколочено никак не металлическим топором. Внутри подмокий, уже чуть прелый мех. Отполированное долгим касанием материнских рук дерево потемнело. Скорее всего верхний палеолит, время, когда покойников уже снаряжали в потусторонний мир. А что надо младенцу там, в ином мире? Только его колыбель...

Я отошел со стесненным сердцем.

Оставалось выяснить, есть ли тут сами люди. Спускаясь с косогора, я наткнулся на осклизлую, явно звериную тропу и решил ею воспользоваться. Первобытные люди умеют прятаться, и они, конечно, попрятались так, что их вряд ли сыщешь с воздуха даже инфракрасным детектором. А вот звериными тропами они, понятно, не пренебрегали, и здесь мог оказаться их свежий след.

Тропинка вела вниз сквозь кусты. Следопыт из меня, само собой, никакой, это умение давно стерто цивилизацией. Но тут не требовалось быть охотником, чтобы убедиться в обилии всякого зверья: сырая почва была истоптана острыми копытцами, в кустах что-то шуршало, вспархивало, а однажды вроде бы даже мелькнула бурая медвежья спина. Как всякий человек своего времени, я не испытывал ни малейшего страха перед хищниками, но разум велел остерегаться, и я на всякий случай достал разрядник. Сделав это, я странным образом почувствовал себя немного иным, чем прежде. Возможно, дело было в звериных запахах, на которые откликнулся инстинкт. Изменилась даже моя походка; я шел уже не так споро, глаза озирали кустарник, ноздри ловили далекие токи воздуха. Более того, я вдруг почувствовал, что вспоминаю и эти запахи, и эту узкую тропу как пережитое, словно когда-то шел по опавшей листве, шел настороженно, готовый затаиться, подстеречь, наброситься или, наоборот, убежать, хитро запутывая свои следы.

Ничего удивительного в такой перемене не было. В нашу службу подбирали людей с проблемами атавизма, потому что разведчик мог оказаться (и часто оказывался) в условиях, когда они требовались. Любопытно, что при отборе особое внимание обращали на то, любил ли человек в детстве играть в индейцев. Я любил и позже не раз задумывался над судьбой всех этих могикан, гуронов, навахо. Поразительная судьба! Сломленные цивилизацией белых прежде, чем расцветала их собственная, почти истребленные, они, как никто, завладели воображением детей всех времен, наложили такой отпечаток на духовную культуру столетий, что это их влияние не только не исчезло со временем, но и пригодилось людям в трудную для них минуту. Недавно детство человека напоминает детство чело-

вечества, и лучшее в нем не случайно воспламеняет искусство, которое, собственно, и продлило духовное существование тех же индейцев. Мужество, стойкость и верность не гибнут в разгромах.

Зачислению в разведчики еще более, конечно, способствовала моя профессия учителя. Крепче, чем нас, закалывают разве что космонавтов. И то как сказать! Во всяком случае, наша подготовка куда разнообразней, ибо мы должны быть искусниками во всем, начиная с игры в прятки, кончая популяризацией новейших космогонических гипотез. В конце концов, неожиданности далеко не каждый день подстерегают космонавтов, у них из месяца в месяц все идет по программе, и в этой работе велика доля предусмотренного. Не то у нас. Наперед неизвестно, что произойдет в следующую минуту, какой фортель выкинет тот или иной подросток, что он спросит и сделает. А реакция должна быть мгновенной и точной, иначе потом не оберешься хлопот. Конечно, и здесь есть стандартные ситуации, но и в них каждый подросток неповторим, все они изобретатели, а энергию каждого надо исчислять в мегаваттах. Тут приходится держать ухо востро, уметь все, что умеют они, только лучше, быть универсалом, чтобы никакой вопрос не застал врасплох. Всегдашнюю готовность к неожиданностям, психофизическую устойчивость к постоянным стрессам, мгновенность реакции — вот что в нас воспитывали годами, хотя, разумеется, не только это. Но именно это потребовалось теперь, когда стали нужны особого рода разведчики, а готовить их было некогда. Вот почему в наших отрядах оказалось так много бывших учителей.

Вильнув, тропинка вывела меня к перелеску. За редкими деревьями приоткрывалась пойма извилистой и мутной реки, которая тоже вроде бы не знала, куда ей течь. Еще недавно я сразу вышел бы из-за укрытия и, как положено властелину Земли, хозяйски оглядел бы местность. Теперь я этого не сделал. И моя осторожность была вознаграждена.

Затаившись в кустарнике, я почти сразу уловил впереди чье-то присутствие. Как это произошло, я не знаю. Ветер тянул в мою сторону, но вряд ли мое неразвитое, хотя и обострившееся обоняние могло подсказать, что я не один. Тогда, возможно, шорох? И это сомнительно, поскольку незнакомец, как я потом убедился, был бесшумен, подобно тени. Все же что-то сработало во мне, как сигнал. Я осторожно прокрался вперед и раздвинул мешавшие обзору ветви.

Человек!

Прижавшись к стволу ивы, неподалеку стояла девушка, почти подросток. На ней не было ничего, кроме пояса из шкур и какого-то ожерелья на шее. Волнистая грива волос явно не знала ножниц. Я затаил дыхание. Девушка, несомненно, принадлежала к тому же, что и я, виду

«человека разумного», более того, телосложением она так напоминала девушек моей эпохи, что мне даже показалось, будто я ее уже где-то видел.

Конечно, иллюзия длилась недолго. Девушка повернула голову, и на меня глянула дикарка. Нет, ее лицо не было ни тупым, ни свирепым. Дело в ином. Цивилизация утончает чувства, эмоции у нас те же самые, что и у наших далеких предков, но их спектр разнообразней, мягче и тоньше, крайности сглажены — сравните, например, взрослого и ребенка, и вы поймете, что я хочу сказать. Здесь богатства эмоциональных оттенков и переходов не было и в помине. Обычное для людей моего времени и такое редкое в древних веках выражение достоинства, — вот что сближало нас и обманывало при первом взгляде. А ведь ее дела были хуже некуда. Шутка ли, внезапно увидеть, как померк прежний день и занялся новый! Как одно небо в грохоте землетрясения сменилось другим, и в осеннем воздухе повеяло запахом весны. Вдобавок сдвиг времени, похоже, отрезал девушку от соплеменников, что само по себе было трагедией. Особенно в ту пору, когда человек не мыслил себя вне племени и прочих людей обычно считал врагами. Ведь даже Аристотель полагал изначально свободными лишь греков, все остальные представлялись ему варварами и, как следовало по его логике, естественными рабами.

Не потому ли девушка и не искала укрытия, что заранее чувствовала себя обреченной? Впрочем, здесь, на открытом месте, она по крайней мере могла издали заметить опасность и, оценив ее, либо кинуться наутек, либо нырнуть в реку, либо вскарабкаться на дерево. Здесь у нее были кое-какие шансы спастись. Выжить, пока стоит день. Ночью, не этой, так следующей, с нею, очевидно, будет покончено. Ей это, конечно, было известно.

Возможно, я последний, кто видит это юное, прекрасное в своей юности и уже обреченное существо. Было легко предвидеть бесшумный прыжок из темноты, недолгое сопротивление, вскрик...

Ну и ладно, подумал я, чувствуя себя подонком. Не мое это время. И вообще, чем я могу помочь, даже если бы имел на то право?!

Хватит, пора уходить, таким трагедиям сейчас несть числа.

Но я медлил. Я знал, что должен быть толстокожим, все мы это знали, кругом гибли и наши люди, я сам как раз неподалеку отсюда потерял дорогого мне человека, и для спасения других надо было, не отвлекаясь, делать свое дело. Надо было уходить.

Однако не успел я двинуться, как справа из лесочка показались люди. Четверо в зеленоватосерых мундирах с каким-то допотопным оружием в руках. Появление солдат здесь, в камен-

ном веке, было столь диким и неуместным, что я не сразу сообразил, откуда они взялись, хотя удивляться, в сущности, было нечему: соседняя зона находилась в двух шагах, а там был двадцатый век.

Форму я отождествил не в ту же секунду, а когда отождествил, то почувствовал брезгливое любопытство: фашистских солдат мне видеть не доводилось. Впрочем, парни были как парни. Моего возраста, рослые, загорелые, видно, привычные к физическому труду. Вопреки ожиданию, на их лицах не было ни растерянности, ни страха, разве что некоторое обалдение, вполне понятное, когда происходит неизвестно что и вдобавок из лета сразу попадаешь в осень. Но солдатская привычка приспособляться к любым обстоятельствам, похоже, чего-то стоит: держа пальцы на спусковых крючках своего оружия, парни шли осторожно и все же уверенно. На их естественно потрясенных лицах все еще как будто лежал отсвет недавних побед. Весь облик солдат словно говорил, что им, подмявшим Европу, решительно плевать на все непонятное, и пусть даже перед ними развернется ад, они и его пройдут с боем, одолеют, как уже одолели стольких врагов. Да, так они и шли, их самоуверенность завораживала.

Девушку они заметили несколько секунд спустя. И, как по команде, замерли. Крайний, белокрысый детина, сложил губы трубочкой, словно намереваясь свистнуть. На лицах остальных возникло радостно-недоверчивое изумление. Высокий, стоявший посредине парень сдвинул каску к затылку, точно освобождаясь этим движением от чего-то сугубо военного.

Было в этой их непосредственности что-то ребячье. Я даже позабыл, кто они такие, и совсем упустил из виду, какое впечатление производил на мужчин прошлого вид юной, хорошо сложенной и почти голой девушки.

Она, я в этом убежден, заметила их раньше, чем они ее. Но не шевельнулась. Даже не взглянула в их сторону. Будто их не было вовсе. Рассчитывала, что ее не заметят?

Все разъяснилось спустя минуту. Не сказав друг другу ни слова, только обменявшись взглядами, солдаты развернулись в цепь и, пригибаясь за кустами, стали быстро окружать девушку. Я чуть не вскрикнул при виде этого четко отработанного волчьего маневра. Загон, я был свидетелем загона, охоты на человека!

Девушка наконец рванулась. Но то было чисто импульсивное движение, ибо, сделал к реке два-три ковыляющих шага, она упала.

Вот оно что! Девушка так долго оставалась неподвижной просто потому, что не могла бежать.

Конечно, это поняли и солдаты. Они двинулись к ней, уже не скрываясь. Белокрысый хлоп-

нул высококого по-плечу, оба засмеялись. Все разом заговорили.

Изрядная архаика, тем не менее их речь была понятна без лингвасцета. Хуже было со смыслом реплик, которыми они перебрасывались. «Аппетитный, однако, язык...» — при чем тут язык? «Во, выставилась, на такое паскудство только унтерменши способны!» — интересно, а это как понимать? «Дурак, раз выставилась, значит, дело знает. Сначала допросик...»

Белокрысый удовлетворенно потер руки.

Что?! Я не поверил своим ушам. Бред, не слепые же они! Ведь перед ними девочка. Раненая! Неужели эти мужественные, так повеселевшие ребята, неужели они способны...

Никакой ошибки, о том у них и шла речь. Разумеется, они перенервничали, взвинчивали себя бравадой, но это только распалаяло их. Просто мне было нелегко влезть в их шкуру, хотя в историческом, точнее, в хронологическом смысле фашисты были куда ближе ко мне, чем эта девочка из пещер. Переодень меня в их форму, я выглядел бы очень на них похожим. Подошвы их крепких сапог твердо и уверенно придавливали траву. Меж ними и дикаркой остался лишь шаг. И тут она встала на ноги, напряженно, но без страха глядя в их веселые лица.

Очевидно, выражение этих лиц ее обмануло. Впрочем, кто знает!

Они о чем-то заговорили с нею, ветер отнес слова, и, не получив ответа, перешли к действию. Самый рослый из них обошел девушку сзади и, перекинув оружие через плечо, быстрым и точным движением заломил ей руки.

Дальнейшее его, надо думать, удивило. Девушка с неожиданной силой тряхнула плечами, высвободилась.

Улыбку сдуло с их лиц. Задний вскинул оружие и отскочил вбок. Да, это были профессионалы... Двое других, не сговариваясь, ударили девушку. Один сделал молниеносную подсечку, кулак другого врезал в скулу. Девушка упала.

Рассуждать было некогда, руки опередили мысль. Я вскинул разрядник. Ширкнувшая над голой молния — зрелище, надо полагать, впечатляющее для тех, кто в глаза не видел разрядников. Я не сомневался, что эти типы кинутся врассыпную, как зайцы.

Ничего подобного. Они остолбенели, да, но им нельзя было отказать в мужестве и находчивости. Они действительно кинулись врассыпную, но лишь затем, чтобы залечь поодаль друг от друга, вскинуть автоматы и полоснуть очередь в мою сторону. Что значит солдатская выучка! Они не видели, откуда вылетела молния, и вряд ли поняли, с чем имеют дело, тем не менее уверенно ответили огнем на огонь. Пули тут же осыпали ближайšie ко мне кусты. Легко было догадаться, что так будут прочесаны и все остальные.

Я никогда не был под обстрелом и не сразу поверил в реальность происходящего. Помог опыт бесчисленных игр; в мгновение ока я оказался на земле, бесшумно залег и занял боевую позицию. Все же я никак не мог побороть изумление. Мне все еще казалось невероятным, что кто-то моей силе осмелился противопоставить свою, что режущие листья пули несут смерть. Мелькнуло даже шальное желание перехватить пулю, как я это, бывало, делал со стрелами, когда мы играли в индейцев. Потребовалась не одна секунда, чтобы рассудок взял верх.

Тем временем обстрел вслепую сменился прицельным, видимо, они уловили какое-то движение. Я лишний раз убедился, что имею дело с профессионалами. Одна пуля взрыла землю рядом с моей рукой, другая просвистела над ухом. Ах, так!..

Я не хотел их убивать, да и не имел на то права. Но наказать эту нечисть я мог и не преминул это сделать. До предела сузив угол поражения и уменьшив заряд, я аккуратно, чтобы никого не задеть, воткнул по молнии перед носом каждого из бандюг.

Земля польхнула.

Это подействовало. Стрельба разом оборвалась, brave парни пустились наутек, вилля задами, по-пластунски заскользили меж кочками. Этого, я решил, таким пакостникам мало. Не дам я им отступить по-солдатски: бандитам — бандитово! Несколькими вспышками, которые слегка подпалили их сзади, я заставил молодчиков ускориться и уразуметь, что спасение в бегстве. Наконец-то до них дошло, чего я от них хочу! И что противиться моей силе бессмысленно.

Они задали деру, — только замелькали подковки сапог. Так они, верно, еще не бегали! Наконец их спотыкающиеся фигуры скрылись километрах в полутора.

Тогда я встал и вышел из-за кустов. Хотя парни и получили по заслугам, на душе было мутно, словно я развлечения ради поиграл в кошки-мышки. Девушка лежала среди проплешин гари, она была без сознания, что меня не удивило, — еще бы, натерпеться такого! И только когда я над ней наклонился, мне стало ясно, в какой тупик я себя загнал. Ладно, от затянутых в мундир подонков я ее избавил. А что дальше? Если эти бандиты и не вернуться, то уж хищники точно не заставят себя ждать.

От этой очевидной мысли мне стало совсем тоскливо. Прежде я разглядывал девушку, решая абстрактную задачу ее дальнейшей судьбы. Конечно, я и тогда ее жалел, но то была беззащитный подросток, измороженная девчушка. Ее голова припала к руке, словно она спала, правая нога была неестественно вывернута в лодыжке, под глазом вспухал синяк, из полуоткрытого рта с неровным дыханием вырывались постанываю-

щие всхлипы. Над бровью, совсем как у Снежки, темнела родинка. Тут мне стало совсем нехорошо, разом всплыло все, о чем я старался не думать.

Став на колени, я осторожно ощупал поврежденную ногу. Закрытый перелом, тут не могло быть двух мнений. В клинике ее сразу привели бы в порядок, но о клинике нечего было и думать. Положив руку ей на запястье, другую опустив на лодыжку, я сосредоточился, впустил в себя ее боль и попытался наладить психорезонанс. Может быть, мне и удалось бы все довести до конца, но она открыла глаза. Хорошие у нее были глаза, добрые. Я боялся, что она завопит в испуге, и улыбнулся, как улыбаются детям, когда хотят их успокоить. Она не закричала, даже не ворохнулась, только зрачки расширились. Вряд ли моя улыбка была причиной такого ее спокойствия. Просто успел возникнуть слабый психорезонанс, она почувствовала, как от прикосновения моих рук слабеет боль и по всему телу разливается благодетельное тепло.

— Лежи, маленькая, лежи, — сказал я, когда она попробовала приподняться.

Слов она, конечно, не поняла, но голос подействовал. Она опустила голову, и я готов был поклониться, что читаю в ее взгляде благодарность. Я снова улыбнулся ей, и она, к моему удивлению, ответила тем же. Это было уже странно, потому что древние племена, как я уже говорил, любого чужака склонны считать врагом, а я в своей одежде был для нее чужаком вдвойне. Впрочем, так ли удивительна ее доверчивость? Язык взглядов, жестов и голоса прекрасно понимают даже животные.

Тем лучше? Или, наоборот, хуже... Психорезонанс, конечно, давно оборвался, а я был слишком взволнован, чтобы установить его снова. Так или иначе медицинским пакетом все равно надо было воспользоваться. Мое движение, когда я его доставал, вызвало скорее оторопь, чем испуг.

— Ничего, ничего, — говорил я, втирая в опухшую лодыжку биоактивную пасту. — Все будет хорошо...

Она что-то проговорила в ответ. Я потянул руку за лингвасцетом, но оказалось, что он уже вставлен в ухо, я и не заметил, когда успел это сделать. Конечно, лингвасцет ничего не перевел, — в его распоряжении пока было слишком мало слов чужой речи. Наступил мой черед по тону голоса и выражению лица соображать, что именно было сказано. Кажется, ничего враждебного.

Что же, однако, делать с нею дальше? Бросить ее я уже не мог, остаться с нею — тоже. Был один-единственный выход, но тогда я вступал в конфликт с установленным правилом. Накладывая повязку, я все еще колебался. Пожалуй, только сейчас я ощутил силу дисциплины как что-то внешнее и, оказывается, не всегда справедливое.

Такие понятия, как долг, обязанность, уже давно стали для меня чем-то вроде воздуха, которым дышишь. А что может быть естественней дыхания? Что может быть естественней выполнения внутреннего долга? Всегда как-то так получалось, что любой поступок совпадал с велением совести. И когда Горзах приказал ограждать чужие времена барьерами, ни в коем случае не допускать проникновения людей другой эпохи в нашу, то это решение было в такой же степени его, как и моим. Не только потому, что оно основывалось на общем решении, но и потому, что в нынешней ситуации казалось единственно возможным и верным. Не хватало еще, чтобы к общему хаосу добавилось вторжение невесть каких племен и народов! Подумать страшно, что бы могла натворить даже та четверка молодчиков с автоматами, ворвись она в любой наш поселок... У кого там окажется под рукой разрядник?

Словом, Горзах был кругом прав. Только что же мне делать вот с этой бедняжкой? То, что издали представлялось несомненным и, конечно же, благодетельным для самих людей прошлого, теперь означало смертный приговор этой девочке. А ведь в ее беде были виноваты мы сами! Одни мы, никто больше. И то, что наша вина была невольной, ничего не меняло по существу. Наша ошибка вырвала ее из далекого прошлого и перебросила сюда. В моем, не каком ином времени оказался живой человек, которого по долгу совести и всем законам морали я должен был спасти, а из соображений высшей целесообразности и согласно приказу, наоборот, обязан был оставить там, где ее растерзают не фашисты, так хищники. Добро бы еще мои попытки помочь встретили ужас, отталкивание, злость. Нет, она доверилась мне. Что же теперь — бросить ее и погубить?

— Не пугайся,— сказал я тихо.

Я поднял ее на руки. Она не сопротивлялась, только в глазах возник немой вопрос. Ее интуиция была поразительной! Похоже, она понимала мое состояние и верно оценила намерение, потому что стоило жестом попросить ее обнять меня и сцепить руки на шее, как она тут же сделала это с таким же доверием, с каким это сделала бы любая девушка моего времени. Я даже усомнился в верности всего, что читал о людях палеолита.

Убедившись, что она крепко сцепила руки, я включил гравитатор и полого взмыл со своей ношей. Дрожь прошла по ее телу, но она не забилась, не вскрикнула. В ее глазах застыло безмерное удивление.

Я задал такую скорость, что воздух стал упругим и нас пронизывал ветер, а защитный колпак я включить не мог, поскольку энергии едва хватало на все остальное. Мой костюм, как и подобает, тотчас отозвался на охлаждение тела и усилил подогрев. Но девушка могла замерзнуть,

и я было подумал, не остановиться ли, не натянуть ли на нее куртку. Но нет, к холоду ей, похоже, было не привыкать, недаром до катастрофы она по осенней погоде разгуливала почти голышом. Она лишь прижалась тесней. Струящиеся по ветру волосы щекотали мое лицо и руки, сквозь ткань одежды я чувствовал быстрые толчки ее сердца.

Барьер остался далеко позади, здесь была уже наша территория. Наша? Давно ли мы считали своей всю Землю... Ни в каком кошмаре нам не снилось, что ее придется делить с теми, кто жил задолго до нас. С людьми и с нелюдьми.

Хорошо, что во время прежнего полета я заметил эту пещерку, теперь не надо было искать убежище. Я затормозил у входа, внес туда девушку на руках, и — велика власть искусства! — в моем воображении возник образ рыцаря, спасающего принцессу от злого дракона. Я возмущенно затряс головой, настолько неуместной была вся эта романтическая чушь.

Нарвать травы и устроить девушку поудобней было делом недолгим. Не слишком удобное ложе, но вряд ли она привыкла к лучшему. Я оставил фляжку с питьем, все неизрасходованные концентраты и, быстро повернувшись к выходу, слабо помахал рукой. На большее у меня не было душевных сил. Она посмотрела мне вслед как бы в раздумье, слегка недоуменно, с тем недосказанным выражением лица, которое было так свойственно Снежке. Снова меня оглушило это поразительное сходство, которое буддисты объясняли бы переселением душ, но в котором не было ни грама мистики. Ведь тип человека почти не изменился с пещерных времен, а закон больших чисел есть закон больших чисел. Если даже в одном поколении человек может найти своего двойника, то что же говорить о сходстве во множестве поколений!

И все-таки я не мог отделаться от впечатления чуда.

— Не беспокойся, я приду,— пообещал я, хотя не был уверен не только в завтрашнем дне, но и в следующей минуте.

Глава вторая

Так я нарушил запрет и стал преступником. Может быть, это слишком сильно сказано, но чувствовал я себя поганом. Даже не потому, что перенес девушку на свою территорию (тут я не сомневался в своей правоте), а потому, что не мог никому об этом сказать. Не мог, ибо в таком случае Горзах... Да, что бы сделал Горзах? Само собой, распорядился бы вернуть девушку обратно. Ведь для него она была статистической единицей, мало что значащей, когда речь идет о спасении миллиардов. Тут ничего нельзя было

доказать, Горзах был бы столь же прав в своем решении, как я в своем. Оставалось и дальше сохранять тайну. Не свою, личную, что было естественно, а такую, которая затрагивала общество, чего ни со мной, ни с моими друзьями не случилось ни разу.

С запозданием я сообщил в Центр результаты разведки и доложил свои на этот счет соображения. По делу никаких вопросов не последовало: хроноклазм был ничтожный, на такие мы уже перестали обращать внимание. Не вышло за пределы Барьера — хорошо; не возникли при этом огневики — прекрасно!

Однако мой голос, похоже, сказал больше, чем я того хотел.

— Что-нибудь не так? — этот дежурный был мне незнаком, разговор велся по радио, но я мысленно увидел его участливое лицо.

— Все в порядке, — быстро ответил я. — Немного устал.

— Тогда извини. Доброго отдыха!

— Спасибо.

Он отключился. Голос у него был с хрипотцой, тоже вымотался, бедняга. Меня кольнуло невольное чувство вины.

Мало что так рассеивает скверное настроение, как неспешный, ради отдыха, полет над непотревоженной землей, плавное скольжение над лугами и перелесками, откуда волнами накатывает запах весенних трав, свежей листвы, болотцев и терпкой хвои. Я летел по прямой, подо мной всюду была земля нашего века, которую и ребенок мог безбоязненно обойти босиком. Лишь в одном месте путь клином пересекал Барьер. Я не стал его огибать, потому что именно там должен был находиться Карл-Иоганн (а может, Фридрих-Вильгельм), который всегда приводил меня да и других в хорошее расположение духа. Конечно, за те дни, что я его не видел, он вполне мог исчезнуть вместе со своей мызой. Уже ни за что нельзя было поручиться, и, говоря кому-нибудь «до свидания!», никто не знал, увидит ли своего друга или тот канет в глубину веков, а то и миллионолетий. Думать об этом не имело смысла.

Карл-Иоганн, он же Фридрих-Вильгельм, оказался на месте. Черепичную крышу дома я заметил издали и, снизившись, нырнул в густую крону деревьев, которые осеняли мызу. Я не боялся напугать Карла-Иоганна (опыт показал, что это невозможно), мне лишь хотелось полюбоваться им без помех.

Полюбоваться было на что. Карл-Иоганн, как всегда, стоял у порога своей чистенькой мызы (возможно, домик назывался как-то иначе, но первый, кто его обнаружил, употребил слово «мыза», так и пошло). Сухопарый, уже в летах, Карл-Иоганн стоял, как на параде, его медная кираса ярко блестела на солнце, которое наконец выглянуло из-за облаков. Блестела и накло-

ненная к земле шпага. Рыжие усы хозяина топорщились. Словом, Карл-Иоганн-Фридрих-Вильгельм, или как его там, пребывал в своей обычной позиции. За его спиной копошились куры, такие же чистенькие, как аккуратно подметенный дворик, как ровные кирпичи стен, как до голубизны вымытые окна, как тщательно подстриженные кусты жимолости вдоль ограды. Кур горделиво опекал огненно-рыжий осанистый пестух.

И, это посреди всеобщего раздора! Никто из нас не видел Карла-Иоганна в другой позиции, разве что дождь загонял его под навес. Вероятно, он отдыхал, но когда — непонятно. Ему было безразлично, печет ли солнце его седую, с хохолком на макушке голову, обычно, впрочем, прикрытую шлемом с насечкой. Похоже, так же безразличен ему был род возможной опасности, любую он был готов встретить быстрым и точным выпадом шпаги. Он стоял гордо и ничего не боялся. Кремень-старик! И какой контраст с жителями соседнего городка, которые, обнаружив неладное, подняли вой и, не зная уж по какой причине, возможно, религиозной, экспромтом затеяли небольшую резню. Ну и дал же им Карл-Иоганн, когда они к нему сунулись! С тех пор он и утвердился в своей позиции. Хотя нет. Это случилось раньше, когда он заприметил в небе нашего разведчика. Нисколько не удивился, но со своей точки зрения вывод сделал правильный: человек, летящий, как птица, может коршуном обрушиться на дом и семейство, а потому надо бдеть непрерывно. Что он и делал. Семейство же его, как говорили, состояло из пухлой розовощекой жены и трех весьма независимых карапузов, которые иногда прорывались во двор, за что маменька их тут же порола хворостинной. От нее мы и услышали имя хозяйина. Правда, она почему-то называла его то Карлом-Иоганном, то Фридрихом-Вильгельмом.

Впрочем, это несущественно. Мужество и стойкость Карла-Иоганна вызывали уважение. Опрятность, с какой поддерживался дом, тоже. Во всем теперешнем хаосе это было, пожалуй, единственное место, где все шло, как заведено, как должно, как прежде, непоколебимо. Скала в бушующем море! Конечно, бравый воитель защищал только себя и семью, однако в этой комичной фигуре было такое достоинство и такое презрение к опасности, что на сердце становилось легче.

Странные мы все-таки существа, люди! Были, есть и, видимо, будем.

Я немного полюбовался старым чудачком (за это время он лишь чуть изменил позу — как на тросточку, слегка оперся на шпагу). Делать мне здесь было решительно нечего, и, прошептав Карлу-Иоганну «до свидания!», я взмыл в небо.

Зона возмущений осталась позади. В небе нашего времени, как и внизу на дорогах, никакой

паники, естественно, не было. Однако все, что могло двигаться, двигалось на предельной скорости. Сновали реалеты, мчались наземные машины, где-то возникали, а где-то, наоборот, свертывались эмбриодомы, сами реки, казалось, текли ускоренно. Впрочем, кто знает, может, так оно и было...

Подходы к Центру перекрывали передвижные трансформаторы масс-энергии, решетчатые раструбы которых тупо смотрели во все стороны света. Могло ли их действие что-либо предотвратить, оставалось вопросом теории, но так казалось надежней. Уж лучше сомнительная защита, чем никакая. Южноазиатский региональный центр, правда, погиб, но там оборона была слабей, и оставалось надеяться, что эта выдержит. Как и за счет чего? В том-то вся и беда, что этого никто толком не знал. Работу нашего штаба, как всех прочих, на всякий случай дублировал Космоцентр. Но и там было неспокойно.

В общем, ко всему стоило относиться с хладнокровием Карла-Иоганна и грести, пока руки удерживают весло.

Сам Центр располагался в средневековом замке, от грубых стен и башен которого веяло спокойствием и мощью. Казалось, ничто не может поколебать кладку массивных, понизу замшелых каменных блоков, башни свысока взирали хмурым прищуром бойниц, могучие контрфорсы, казалось, противостояли самому времени. Замок пережил сотни бурь, выдержал десятки войн и осад, у его подножья таякали мортиры, рвались авиабомбы, а он стоял все так же насупленно и горделиво.

Это впечатляло. Пожалуй, выбор его в качестве Центра был оправдан психологически. Конечно, древняя кладка стен уступала в прочности материалу современных эмбриодомов, тем не менее она могла противостоять урагану любой силы, даже землетрясению, а большего не

требовалось, так как против хроноклазма уже ничто не могло устоять. Тут, по крайней мере, всякий ощущал за своими плечами Историю, несомненную, как бы материализованную в облике этих башен и стен, требовательно взирающую на нас.

Была еще одна причина, почему Центр обособился в замке, и тоже скорей психологическая. Развитая в нас способность к сомыслению и сопереживанию оставалась благом, но резкий, как сейчас, всплеск психической деятельности мог опасно срезонировать там, где сгущались силовые линии ноосферы, и нарушить работу Центра. Толстый камень стен ослаблял психополе, а главное, он действовал успокоительно, поскольку сознание привыкло связывать тишину с укромностью, мощь стен с безопасностью, замкнутость с отъединенностью.

Опускаясь на шершавые плиты внутреннего дворика, где у подъезда были различимы протертые колесами экипажей колеи выбоины, я физически ощутил эту двойственность. Все вокруг внушало спокойствие, однако мысли, чувства вдруг зашевелились, я даже слегка промазал и при посадке больно ударился пятками. Слишком многие сейчас с надеждой и нетерпением думали о Центре, мысленно взывали к нему, это эмоциональное напряжение отозвалось во мне, как шелест невидимого, но близкого пожара. Что делать — чем гуще ионосфера, тем сильнее ее возмущения, тем отчетливее они для нас. Интересно, когда и кому впервые удалось почувствовать это не в толпе, которая зримо генерирует психическую напряженность масс, отчего трудно уловить скрытую причину той или иной внезапно разразившейся эмоциональной бури. Во всяком случае уже в двадцатом веке наиболее чуткие люди подметили, что даже в тихих на вид коридорах крупных редакций, телецентров и министерств их охватывает напряженность, сходная с той, которая пронизывает человека в насыщенной электричеством атмосфере.

В гулкой прохладе замка мне сразу полегчало, хотя работа была в разгаре и каждый встречный, разумеется, спешил. Но то была несуетливая спешка. Никто не сбивался с ног, не мчался с вытаращенными глазами, не метался в растерянности, усталые лица были спокойны, сдержанно невозмутимы, все делалось как бы само собой, быстро, четко, красиво, никто из встречных не забывал приветливо кивнуть, даже если при этом прыжком одолевал пролет, чтобы, не теряя плавности хода, тут же скрыться из виду.

Какой контраст с тем, что мне довелось наблюдать в иных веках! Никогда прежде мы не видели себя в зеркале далекого прошлого и толком не представляли, насколько изменилось человечество. Да, физический облик, в общем, остался прежним, исчезла лишь грубоватость лица и телосложения. И чувства не претерпели существенных перемен. Тем не менее мы как

будто столкнулись с другой расой. Все, что для нас стало нормой, там было исключением, — неуязвимое здоровье, развитый ум, сама собой разумеющаяся сила, красота гармонично сложенного тела, гибкая пластика движений. Но дело было не только в ужасающем обилии нищих, больных, полуголодных, не только в быстром и всеобщем старении, которое так безжалостно уродовало людей прошлого, что при виде полевой, годам к пятидесяти, дряхлости нас брала оторопь. Различие оказалось куда более глубоким и тонким, оно коренилось в сознании. Шаткость психики, мгновенный переход от униженной покорности к ярости, от молитв к жестокостям, от трезвой, в быту, рассудительности к безумию фанатизма, — вот что потрясло сильнее всего.

Не верилось, что это наше, исторически близкое, прошлое. Что люди, лобызавшие руку свирепого хозяина, падающие ниц перед раскрашенными досками и статуями, сбегающиеся на публичные пытки и казни, как на праздник, — наши не столь уж далекие предки. Да как же все это вышло и утряслось за немногие столетия, которые разделяли нас? Не усилиями же редких мудрецов и подвижников! Что могли одиночки...

Все преобразуется согласно законам социального развития, но сами события движутся поступками людей, вот этих, никаких других. Чего-то мы не успели или не смогли разглядеть в тех толпах, знание исторических закономерностей не наполнилось живым содержанием, мы содрогнулись — и только.

Во многом, как мне кажется, это и предопределило наше решение все и всех изолировать Барьерами.

А ведь если вдуматься, то еще вопрос, кто и от чего должен был содрогнуться. Все предки, начиная с моей девочки из палеолита, вправе были спросить нас: вы-то, умудренные и могучие, вы-то как могли дойти до жизни такой, что уже в который раз поставили под удар само будущее земли?!

На лестнице мое движение затормозилось, ибо с верхней площадки в плотном кольце свиты спускался Горзах. Его круглая костлявая голова мелькала в им же созданном водовороте движения лиц, поверх то и дело просверкивал быстрый, физически ощутимый взгляд его маленьких, глубоко посаженных глаз. Нисходя по ступеням, Горзах одновременно слушал, просматривал бумаги и отдавал распоряжения. Говорил он не повышая голоса, тем не менее его слова легко перекрывали шум. «Понятно, действуйте!.. В этой схеме есть уязвимое звено — вот здесь... Пустяки, человек может все, даже то, чего он не может, — если хочет... Промедление — худшее из решений, отстраняйте тех, кто этого до сих пор не понял!.. Что? Ну, это закон бутерброда; спокойно намазывайте другой кусок, вот и все...»

То, что делал Горзах, было верхом организаторского мастерства. Его мысль с ходу проникала в суть любого вопроса, сверкала, как остро заточенный клинок, мгновенно рубила узелки проблем. Секунда — решение, секунда — решение, так без устали, словно играючи, и непреодолимое вдруг становилось преодолимым, темное просветлялось, сомнительное оказывалось бесспорным, неуверенность сменялась решительностью, каждый словно получал заряд бодрящей энергии. Молодые, вроде меня, смотрели на Горзаха с обожанием.

Я прижался к стене, пропуская свиту великого Стабилизатора, который сейчас, подобно Атланту, удерживал на плечах весь накренившийся мир. Все мы его поддерживали, но широкие плечи Горзаха, конечно, составляли центр.

Проходя, он еще успел кивнуть мне. Трудное это было мгновение, но все обошлось — Горзах ни о чем не догадался и тут же перевел взгляд. Пространство за ним очистилось, я взбежал и свернул в коридор. Пронесло!

Не было дозорного, который после разведки не поспешил бы к Хрустальному глобусу. Ни на что не опираясь, он висел в центре зала, где некогда пировали рыцари и копоть факелов еще темнела на стенах. Мягкий, льющийся изнутри свет выделял все складки материков, все западинки океанских равнин, изгибы хребтов, над которыми прозрачно голубела вода, а к югу и северу, сгущаясь, белели поля вечных льдов. Только при взгляде на Хрустальный шар общее положение дел становилось по-настоящему зримым.

Ко мне, едва я направился к шару, устремился кибер с каким-то аппетитным блюдом в клешне манипулятора. Многие вот так перекусывали на ходу, но мне сейчас было не до этого, я досадливо отмахнулся, и кибер так же бесшумно, как и возник, исчез в чреве огромного камина.

Облик Хрустального шара мало изменился за последние сутки. Земной шар казался изъезженным. Ало горели оспины глубоких провалов времени, которых, к счастью, было немного, хотя никто не мог понять, почему. Преобладала желтая, розовая, оранжевая сыпь. Лихорадило все континенты, планету трясло от полюса и до полюса.

Я легко отыскал место, где только что побывал. Так, едва заметное желтоватое пятнышко... Ничего примечательного для тех, в кого там не стреляли сгинувшие с лица земли фашисты.

— Любуешься?

В дверях, чуть наклонив голову и улыбаясь, стоял Алексей Промыслов, просто Алексей, длинный, нескладный, зеленоглазый, рыжеволосый. Казалось, никакие события в мире не могли стереть с его продолговатого лица эту чуть ироническую усмешку.

«Мы, рыжие, все такие, — любил он по-

яснять. — Потому и уцелели в обществе нормальных-новолосых». Никакой самый близкий друг почему-то не мог назвать его Алешей; он, сколько я его знал, а знал я его с детства, всегда и для всех был Алексеем.

— Что нового? — вырвалось у меня.

— А что может быть нового? — он рассеянно взглянул на шар. Красноватые у Алексея были глаза, невыспавшиеся, и говорил он, словно позевывая. — Все обычно. Природа жмет на человечество, на нас, теоретиков, жмет Горзах, мы ждем на природу, так все и уподобляется кусающей собственный хвост змее.

— Мало на вас жмет Горзах!

— А ты ему подскажи что-нибудь из опыта прошлого... На хлеб и воду посадить, например. Очень, говорят, способствует медитации, и как раз в духе Горзаха. С него станется...

— Что ты взъелся на Горзаха? Он свое дело знает.

— Кто спорит! Отличный руководитель. Только он человек из другого века.

— Как это?

— А так. Тебе никогда не приходило в голову, что можно родиться не в своем веке? Скажем, Леонардо да Винчи или Роджеру Бэкону куда более соответствовала бы наша эпоха. Ну, а Горзах... — Алексей вяло помахал рукой. — Он прирожденный полководец. Войн нет, нашел себе другое применение. Природовоитель, специалист по кризисным ситуациям. Что, однако, было у нас до сих пор? Микростабилизация отдельных участков геосфер, доосвоение Марса, вакуум-полигоны и тому подобная рутина. И вот, наконец, дело по плечу! Всемирная катастрофа. Тут надо действовать масштабно, решительно, если потребуется, беспощадно, и лучше Горзаха здесь трудно кого-нибудь сыскать. Ум, опыт, воля, энергия, авторитет! Все правильно, все неизбежно, шторм требует беспрекословного повиновения капитану, иначе все пойдём ко дну. Но, милый, тем самым психологически мы скатываемся в далекое прошлое. Вот кто ты теперь?

— Как кто? Дозорный наблюдатель, разведчик.

— Солдат ты, мой милый, солдат. А Горзах — фельдмаршал. И я солдат. Ничего другого сейчас быть не может. Но мы-то не привыкли, мы из другого теста. А Горзах знает, кем мы обязаны стать, и депит нас железной рукой. Опять же все правильно, только восторгаться здесь нечем, а кое-кто уже восторгается Горзахом, видит в нем надежду, оплот, чуть не спасителя. Короче, в нашем сознании ожили и наливаются соком свеженькие пережитки прошлого. Хотя это неизбежно, ликовать мне почему-то не хочется.

— Ты преувеличиваешь. Наша мораль, традиции, воспитание, психосимбиоз...

— Знаю. И тем не менее. Мне здесь видней. Ладно, у тебя-то как?

Я отделался парой общих фраз. Алексей тотчас уловил неладное, но не сказал ничего, наоборот, сменил тему, заговорив о работе своих теоретиков. Им приходилось несладко, ибо если с деятельностью Горзаха связывалась надежда предотвратить худшее, то от теоретиков ожидали кардинального решения. А что они могли сделать за короткий срок? Положим, они быстро выявили связь между последней серией опытов по трансформации космического вакуума и внезапным нарушением структуры времени. Ну а дальше? Каким способом можно было прекратить эти «времятрясения», когда целые куски настоящего проваливались в бездны прошлого, а на их место выпирали совсем другие эпохи?

Действие опередило предвидение. На этом человечество уже много раз сбжигалось, и нам даже казалось, что впредь ничего подобного случиться не может. Однако случилось. Может быть, именно потому, что проникновение в глубины физического мира первым повлекло за собой грозные последствия — человечество столкнулось с этим еще в середине двадцатого столетия. Именно тогда были приняты и первые меры предосторожности. Затем физика оказалась как бы в тылу. Экологический кризис повлек за собой революцию в биологии, навалились медико-генетические проблемы, позже вниманием завладел психоадаптационный кризис, который революционизировал уже гуманитарные науки, искусство, литературу и педагогику. И на всех этих этапах центральными оставались социальные проблемы, которые были ключевыми при решении всех остальных. Физический мир стал выглядеть спокойным, во всяком случае, не главным участком познания. Ослаб приток талантов, уменьшились затраты, притупилась бдительность. И природа нанесла контрудар.

Может быть, так, хотя Алексей был несколько иного мнения. Случайную ошибку предвидения он считал глубоко закономерной и потому неизбежной. Мы всегда окружены неведомым, говорил он. Мы всегда знаем гораздо меньше, чем следовало бы знать. Иначе не может быть, потому что никогда, ни при каких обстоятельствах мы не способны достичь абсолютного, решительно во всех областях, знания. Этот краеугольный вывод диалектического материализма так же верен в нашем столетии, как и в девятнадцатом, когда он был впервые сделан. Отсюда следует, что любое движение вперед всегда сопряжено с риском и никакое предвидение не гарантирует полную надежность. А цена ошибок растет. «Чем дальше в лес, тем крупнее волки», — добавлял он, переиначивая старинную поговорку. — А волков бояться — на печке лежать. Ну, а на печке лежать — бока отлежать. У нас, понимаешь, просто нет выбора».

В глубине души Алексей был пессимисто-оптимистом, сколь ни противоестественно такое со-

четание. Пессимистом, потому что не слишком верил в свободу воли и полагал, что обстоятельства повелевают нами с той же жестокостью, с какой давление и температура обращают воду в лед или в пар. Оптимистом же он был потому, что не видел в этой зависимости ничего страшного, ибо «кто предупрежден, тот вооружен» — это во-первых, а во-вторых, условия, в которых мы оказываемся, все более зависят от нашей собственной деятельности. Поэтому не надо быть дураками, только и всего. Логически он тут, помоему, противоречил сам себе. Он это признавал, но ничуть не смущался, поскольку считал, что всякая новая, прежде неведомая нам истина обязательно парадоксальна, а так как подобных истин должно быть бесконечно много, то без парадоксов и противоречий в рассуждениях не обойтись и не стоит из-за этого нервничать, — все объяснится в свое время или несколько позже.

— И вообще, — говорил он, щурясь на глобус, — так ли уж очевидно, что всю эту катавасию вызвали опыты с вакуумом? «После этого» не обязательно «вследствие этого», сие было известно задолго до расцвета наук. Приходится думать над параллельными вариантами. Тебе известно, откуда взялись огневики и что они такое?

— Если бы! — я махнул рукой. — Но при чем тут огневики?

— Они не вписываются ни в какую картину прошлого Земли. И еще. Хроноклазмы есть, время крошится, а причинность какой была, такой и осталась. Не странно ли? Добавлю, что хроноклазмы... какие-то они все аккуратные.

— И что же?

— Так, небольшая бредовая идея... Помнишь историю Суэты?

Конечно, я ее помнил. Кто же ее не знал? Безжизненная, вполне заурядная планета у Ригеля. Она перестала быть заурядной после того, как исчезла. Совсем. Вторая экспедиция не обнаружила Суэту. Ее не было на орбите, ее не было нигде. Там, где она прежде находилась, осталось лишь облачко пыли, словно планету слегка обдули, прежде чем взять, как это делают с предметом, который слишком залежался на полке.

— Не понимаю, какая тут связь, — сказал я.

— Возможно, никакой, — Алексей стоял, покачиваясь на носках, и рассматривал светящийся хрусталь земного шара, словно прикидывая, можно ли его обернуть платочком и сунуть в карман. — Но, видишь ли, я кое-что сопоставил. Исчезало ли что-нибудь и в Солнечной системе? Да. Мы за последнее время распылили не один астероид.

— Верно, — я попытался уловить дальнейший ход его мысли. — Мы виртуализируем астероиды, а кто-то подобным образом проэкспериментиро-

вал с Суэтой? Логично, только ведь эта давняя гипотеза.

— Есть и кое-что новое...— в немигающих глазах Алексея дрожал теплый отсвет Хрустального шара.— Понимаешь, те опыты с вакуумом, которые мы сочли первопричиной хроноклазмов, в них, строго говоря, не было ничего принципиально нового. Мы трижды все перепроверили — ни-че-го! Рутина, стандарт, обыкновенность. Откуда же такие последствия?

— Чашу переполняет капля...

— Ты дослушай! Гибель Суэты, как и полагается, вызвала в вакууме своего рода ударную волну. Так? Так. Рассуждаем дальше. Волна возмущений, само собой, катится со скоростью света, тогда как наши звездолеты опережают свет. В результате мы заранее узнаем о гибели Суэты и обретаем возможность сложить дважды два. Но не делаем этого, ведь все произошло так далеко от нас. Что нам Ригель, это же за тридевять земель! А ударная волна меж тем приближается. Все как в задачке для твоих детишек. Расстояние до Ригеля известно, скорость известна, время исчезновения Суэты можно прикинуть; спрашивается, когда примерно волна должна была докатиться до нас? Прикинь-ка в уме...

Я прикинул, и мне стало не по себе. Получалось, что волна возмущения накрыла нас где-то перед катастрофой!

— Ты уверен?!

Алексей слабо пожал плечами.

— Пока я уверен в одном. До сих пор мы жили и действовали так, будто кроме нас во Вселенной нет никого. Мы, как последние идиоты, убедили себя, что контакт между цивилизациями ограничен посылкой сигналов или материальных тел. А он может быть косвенным, опосредованным, вот в чем штука... Боюсь, что этого до поры до времени не учитывают и другие цивилизации. Слепота космического эгоцентризма. Делаю, как мне удобно, что хочу, то и ворочу, о других и мысли нет... Так поступаем мы, и ту же ошибку, возможно, допустили те, у Ригеля. С той разницей, что их эксперименты пограндиозней. Они, надо думать, приняли должные — с их точки зрения должные! — меры предосторожности и бабахнули подалее от своего дома. А тряхнуло нас.

— Но почему же тогда...

— Почему пострадали именно мы? Да потому, очевидно, что больше нигде не экспериментируют с вакуумом. В установках что-то, вполне возможно, вошло в резонанс, усилило слабые колебания — и пошла цепная реакция!

— Слушай...— волнение сорвало меня с места, ноги сами понесли вокруг Хрустального шара.— Слушай, ведь это очень серьезно! Тут цепь косвенных доказательств... Ты говорил с Горзахом?

Взгляд Алексея стал сонным. Сколько лет я

его знал, а все равно он частенько ставил меня в тупик. Только что гневался, доискивался до первопричин, объяснял,— и вот равнодушный взгляд из-под полуприкрытых век, откровенное выражение скуки, едва сдерживаемая зевота.

— Все знают те, кому это необходимо знать,— пробормотал он.— Все может оказаться простым совпадением... Или чем-то совсем иным. Огневики-то почему и откуда? Ты с ними сталкиваешься, пригляделся бы. Может, они того, посланы... Засланы...

Он качнул рукой и, сутулясь, побрел к двери. Я не стал его удерживать, это было бесполезно, уж таков Алексей. При всех обстоятельствах он чувствовал себя свободным, как ветер, возможно, это-то и позволяло ему так раскованно мыслить.

Напоследок он все-таки обернулся.

— Кстати, уверен ли ты, что Горзаху моя идея придется по вкусу?

Глава третья

Если Алексей хотел меня сразить, то он своего добился. Казалось, под черепом, сопя и толкаясь, зашевелилась добрая семейка ежей, которым срочно потребовалось свести счеты друг с другом.

Это было уже чересчур, мне вполне хватило бы и утренних переживаний. Настолько чересчур, что я бессмысленно воззрился на закопченные стены, которые, надо полагать, выдвигали и блеск оружия, и свадебные пиры, и придворные интриги, а теперь равнодушно смотрели на, может быть, и неглупого, но вконец обалдевшего парня в тяжелой амуниции хроноразведчика. Сколько подобных парней, должно быть, стояло в этом темном и обширном зале!

Хватит, прикрикнул я на себя. Алексей ни секунды не тратит на пустое, ничего не говорит просто так, но часто впадает в ошибку, предполагая в собеседнике равноценный ум, и потому смысл его слов остается темным. Все, как в построениях иного гениального математика: «Из данного преобразования со всей очевидностью вытекает, что...» — и все промежуточное, для него и в самом деле очевидное, пропущено, а ты изволь сигать через пропасть. Ну что же, ну что ж... Время есть, сейчас все спокойно обдумаем, разложим по полочкам, проанализируем, и что-нибудь, авось, проявится.

Ничего я не успел обдумать.

— Конечно, где он еще может быть?

Этот голос я бы узнал из тысячи, и, хотя судьба свела меня с Феликсом Бекаа совсем недавно, на душе сразу полегчало. Карие, с золотистым ободком, глаза Феликса смотрели мягко, даже застенчиво, но я-то знал, сколь неполно это впечатление. Та сила, которую излучал Горзах, была

и в моем командире, только в его присутствии вас не пронизывал ток нервной энергии. При знакомстве с Феликсом почему-то ни у кого не возникало вопроса, умен ли этот человек, красив ли, добр; иное поглощало внимание — редкость характера. Ведь характер потому легко прочитывается, что душевные качества сочетаются не как попало и наличие одного предполагает присутствие другого, либо родственного, либо, наоборот, полярного свойства. Так, смелость невозможна без решительности, жестокость нередко сопровождается сентиментальностью, и, выявив в незнакомом человеке какое-то одно свойство, мы интуитивно охватываем всю ассоциацию, а то и весь характер. Но есть маловероятные, даже, казалось бы, запрещенные сцепления; вот они-то как раз и составляли склад Феликса. Глубокая и постоянная самоуглубленность противоречит открытости, рационализм ума враждебен художественной эмоциональности, всегдашняя задумчивость препятствует решительности. А в Феликсе все это гармонировало отнюдь не по закону полярности! В прозрачной капле росы переливаются все краски мира; все понятно и просто, когда есть солнце. Но видеть такое при любом освещении?

Впрочем, в Феликсе ничто не блистало ярко. Физически, возможно и психологически, в нем смешались едва ли не все человеческие расы, над его обликом потрудились многие нации, и невозможно было сказать, кто он — европеец, азиат или полинезиец. Так же нелегко раскрывался и его духовный облик. Задумчивый и рассеянный взгляд карих, с золотинкою, глаз, тонкие, кажущиеся хрупкими плечи, — попробуй угадать в таком лидера, бойца, командира! И все-таки это чувствовалось. Настолько, что едва наш отряд сформировался и оставалось выдвинуть командира, как мы дружно избрали Феликса, хотя он не был ни космонавтом, ни учителем, ни тем более стабилизатором; он был уже известным художником-видеопластом.

Тем не менее мы не ошиблись.

— Общий сбор, — сказал Феликс. — Ты как?

— Разумеется!

— Тебе положен отдых.

— Это не важно, я не устал.

Иногда голос значительней слов. Если бы я мог воспроизвести не только слова Феликса, а их звучание, мне уже нечего было бы пояснять. Так, еще минуту назад мой ответ был бы ложью. Но не теперь. Не знаю, откуда взялись силы, только призыв словно открыл какие-то шлюзы, я подтянулся, я снова был бодр и свеж, меня охватила радость, что во мне нуждаются, что все нелегкие размышления можно отложить на потом, что с этой минуты я уже не принадлежу себе, мое дело действовать, как скажут, действовать хорошо, как надо, как я уже привык, не в одиночку — и это прекрасно. Трубили трубы, под

окном бил копытами горячий конь, неважно, что никакого коня не было, да и быть не могло, важно, что трубы трубили сбор.

— Я готов!

Феликс улыбнулся своей обычной мягкой, как бы для себя улыбкой.

— Не торопись. Это упреждающий поиск.

— Что? — у меня пересохло горло. — Огневика?

— Они самые.

— Ясно, — сказал я. — Тем более...

В действительности ничего ясного не было, скорее наоборот. Огневика еще не возникли, им еще только предстояло возникнуть, пока существовала лишь уверенность Феликса, что так будет. Уверенность, строго говоря, ничем не обоснованная. Просто у Феликса на них чутье. Сверхинтуиция. Так бывало не всегда, но достаточно часто: он предугадывал время и район их появления. Предчувствовал хроноклазмы, которые должны были выбросить огневиков. Как — этого он и сам не мог объяснить. Многих это поражало, многих, только не Алексея, который находил эту способность Феликса весьма интересной, безусловно полезной, но, в общем, тривиальной. Будущее, говорил Алексей, всегда отображает тени, всегда дает о себе знать, это давно известно. В принципе, добавлял он, все предельно просто; хотя наш мозг в силу чисто эволюционных причин настроен преимущественно на восприятие настоящего, есть люди более чуткие, особенно среди художников. Они-то подчас и улавливают для всех еще незримые тени будущего. Угадывают же пчелы по осени, какой будет зима! А разве их информационный аппарат сравним с нашим? От человека надо ждать гораздо большего, потому что его мозг неизмеримо сложнее. И точка, и все... Нет, не все. Дар Феликса бесценен, в нем, быть может, таится самый важный для нас секрет. Так почему, черт побери, вы даете Феликсу рисковать собой?! Это варварство, дичь!

Однажды он это сказал при Феликсе, и тот ему ответил так, что Алексей — Алексей! — смутился. С тех пор он обходил Феликса стороной.

Меж тем, если кто-нибудь что-то и знал об огневиках, то именно Феликс.

— Ясно, — повторил я. — Справимся, не впервые. Я готов.

Феликс кивнул.

— Я не стал связываться с тобой по информации, — сказал он, когда мы двинулись по коридору. — Не люблю этих кричалок. Ты что-то хотел обсудить наедине, не так ли?

Я невольно замедлил шаг. Проницательность Феликса меня не удивила и не обескуражила; уж если незнакомый диспетчер что-то уловил в моем голосе, то друг тем более мог почувствовать неладное. Именно Феликс был тем человеком, которому я мог, даже обязан был довериться,

ему я и хотел рассказать о своем проступке, рассказал бы, наверное, если бы не известие об огневиках. Тут у меня все прочее вышибло из мыслей. А у него нет. Это меня встревожило. Значит, мелькнула догадка, дело серьезней, чем я думаю. Нехитро ощутить беспокойство друга и поспешить к нему, когда ты свободен, и совсем другое, готовясь к схватке, пойти его разыскивать, лишь бы поговорить с ним наедине.

Сбивчиво я пересказал ему всю историю. Феликс, не перебивая, слушал.

— А что мне оставалось?.. — выкрикнул я под конец. — Не было, понимаешь, не было другой возможности спасти эту девочку...

Феликс приостановился.

— И это все?

— Разумеется!

— Тогда почему это тебя тяготит?

— Как почему? — мне показалось, что я ослышался. — Ведь я нарушил приказ!

— И правильно сделал, невозмутимо ответил Феликс. — Если приказ допускает гибель человека, он должен быть нарушен.

— Но его утвердило человечество!

— Тем самым отменив совесть? — золотистые глаза Феликса потемнели. — Сообрази, о чем говоришь! Человечество думает, обязано думать с самосохранением, так. Тут надличностная забота, иной счет, в этих координатах приказ Горзаха верен, и мы обязаны его соблюдать. Но если одновременно не беспокоиться о судьбе каждого отдельного человека, во что тогда выродится забота о миллиардах? В бесчеловечность!

Лицо Феликса стало жестким.

— У того же Горзаха, — добавил он уже спокойно, — нет возможности думать о каждом в отдельности. У нас таких возможностей больше. Вообще: если кто-то может спасти человека, но не делает этого, кто он тогда? Убийца.

Он энергично потрянул головой. Его волосы разметались, как от ветра, звук шагов чеканил каждое слово, в последних мне даже послышался звон брошенного в ножны меча. Но разве перед ним был противник?

— Да, — проговорил он, упреждая мою догадку. — Наихудший наш враг — мы сами. Не только ветряные мельницы могут прикинуться великанами, но и великаны — мельницами, потому что мы все, к счастью или к несчастью, немножечко Дон-Кихоты. Уж я-то знаю, как это бывает с призраками собственного воображения... Чудак!

Он обнял меня на ходу. Наверное, он чувствовал гораздо больше того, что мог и хотел сказать. Ход сузился, рука Феликса упала. Где-то над бойницей, мимо которой мы проходили, пищали ласточки, очевидно, в расшатанной кладке стен было их гнездо. Стертые ступени вывели нас к башне, где некогда коротали время дозорные замка. При нашем приближении массивная дверь распахнулась, и я увидел всех наших ребят.

О, они подготовили встречу! Давно замечено, что ожидание опасности подстегивает грубоватый юмор. При виде Феликса все вскочили, изображая выкативших грудь служаек, бравых солдатшек и прочих удалцов-молодцов. Раскатилась выбитая ложками по днищу тарелок дробь. «Смир-р-рна! — рывкнул чей-то бас. — Отец-командир идет! На кра-ул!» Гигант Нгомо даже попытался щелкнуть каблуками, только у него не получилось, видимо, тут был свой давно утерянный секрет.

— Вольно! — скомандовал Феликс и так живо изобразил в ответ надутого спесью генерала, что грянул хохот. — Все сыты, преисполнены долга, — и как с боеприпасами?

— Братцы, — сказал я умоляюще. — Нет ли чего поесть?

Сам не знаю, почему я это сказал. Есть мне, правда, хотелось, но, очевидно, дело было не только в еде, иначе я давно воспользовался бы услугами кибера.

Ко мне сразу со всех сторон потянулись руки. Руки, а не захваты манипуляторов. На огромном дубовом столе мигом очутились хлеб, колбаса, помидоры, сыр. Я ел, надо мной подшучивали, я, как мог, отбивался и чувствовал себя так, словно не было ни горя утрат, ни бессонной ночи, ни загадок, которые мне задал Алексей, ни близкой опасности, ничего. Это не было изменной памяти, нет. Посреди лютой стужи, которая морозила сердца тревогой, нас грел костер братства, его незримый отблеск играл на лицах, и надежней этого тепла не было ничего. Он был обещанием. Обещанием, что все изменится к лучшему, что иначе не может быть, когда вокруг столько друзей, столько сильных умов и рук, и так везде, на всей планете. Что нам разверзшийся ад! Мы молоды, мы крепки, мы все одолеем.

Как бы двойным зрением вижу я тесную караулку, узкие просветы окон, потертый кирпич стен, заваленный оружием и снаряжением дубовый, на приземистых ножках, стол, деловую сумятицу вокруг аппаратуры, проворно нарезающие ветчину и хлеб руки Жанны, всех, с кем меня свела судьба. Мы смеемся неприязнительным шуткам, не знаем, что будет с нами завтра, каждый готов выложиться без остатка, все былые заботы отпали, осталось главное — жизнь, товарищество, хлеб. Неуверенность в будущем обострила всякий миг настоящего, все стало примитивным, зато ярким, как никогда.

На краю смерти — иллюзия бессмертия. За маской веселья — горе и ярость, которая ищет выхода. А где разрядка? Трудно возненавидеть природу, с хроноклазмом не схватишься врукопашную, проблеме не снесешь голову. Всю неистраченную ярость можно обрушить лишь на огневиков. Ожесточение и усталость сузили нас, боя мы ждем, как освобождения, он пугает нас своей опасностью и все же пьянит. Наконец-то

конкретный враг! Так мы к нему относимся, не можем не относиться. Все просто и ясно: или он тебя, или ты его. Иное — в сторону! Редкая свобода безмыслия, и, как странно, она нам по душе, точно и не было веков цивилизации. То есть, конечно, былая культура не исчезла совсем, наедине каждый размышляет о многом, но таких минут все меньше. Стоит нам собраться по сигналу тревоги, как мы становимся тем, чем и обязаны быть, — мечом человечества. А меч не должен знать вопросов, сомнений и колебаний. И тот, кто его опускает, тоже. Сомнения и колебания могут быть до или после, но не во время удара. К несчастью, у человечества не было никакого «до», разить пришлось сразу.

Мелькают проворные руки Жанны, постукивает нож, мой пример оказался заразительным, всех вдруг одолел голод, мы едим, говорим и смеемся, это веселье на тонком льду, мы длим эту минуту, упиваемся ею, но ход событий немолчим, одно слово Феликса «подъем!» — и все обрывается.

Теперь слышен лишь топот башмаков, лязг в общем-то бесполезного оружия, от стен веет внезапным холодом, он уже внутри нас самих.

Все быстро, четко, привычно, говорить больше не о чем, мы понимаем друг друга без слов. Трудно поверить, что еще недавно никто никого не знал, что Феликса волновала красота мира, Нгомо лечил детей, а Жанна колдовала над ароматом «снежных яблок», чей вкус, как говорят, обещал затмить все ранее известное. Мы избегаем наверх и строим планируем с башни. Наши реалеты ждут нас за парком. Внизу мелькает пруд, который так плотно охвачен густыми ветлами, что вода в нем всегда кажется темной. Сейчас небо хмурится, вода черна и по-осеннему усыпана желтыми листьями. Откуда их занесло? Неужели оттуда, где я был утром?

Возможно. Теперь все возможно.

Все по местам. Мы стартуем в зенит, стартуем так, что нас вжимает в сиденья. Машины клином рассекают облачность, и через четверть часа мы оказываемся над непогодой, которая быстро движется к замку.

Непогода — это мягко сказано. То, что мы видим сверху, вряд ли даже соответствует урагану. Это иное. Ведь что бы раньше ни происходило возле земли, в высих стратосферы, где мы летаем, всегда был хрустальный покой ясно в фиолетовом небе солнца. Теперь и эти небеса не узнать.

Мы летим, а снизу, теснясь, напирают оплетенные молниями громады туч. Их мрак охвачен жгучим блеском, порой он разверзается палящим, как из жерла вулкана, огнем, тогда все мчится на нас клубящейся жутью атомного взрыва, грозного своей тьмой и ленивой неспешностью, с какой надвигаются эти сверкающие молниями горы мрака. Реалет колышет, как бумаж-

ный кораблик на волнах, подернутое фиолетовой дымкой солнце глядит с зенита воспаленным глазом циклопа. Кажется, еще немного — оно не выдержит, лопнет, прорвется, все прожжет и испепелит. Либо, наоборот, мутнея, угаснет тлеющим угольком, и на нас опустится бесконечная ночь. Хуже всего, что так может быть; никто же не знает, затронут ли хроноклазмы Солнце и каким огнем оно вспыхнет тогда. Вспыхнет или, напротив, канет в дозвездную тьму.

Точно сам гнев природы глядит на нас сквозь иллюминаторы, а мы, притихнув, глядим на него. Сейчас нам явлено то, что мы предпочитаем утаивать и скрывать друг от друга, — наше ничтожество перед безумием природы. Вот она, правда. Вот к чему мы пришли после стольких побед, после обуздания всех бурь и землетрясений. Мы снова отброшены назад, беззащитны, как у порога пещер, если не хуже...

Ярость стихий завораживает, я с трудом отвожу взгляд. Лица серы какой-то минеральной пепельностью и все повернуты к иллюминаторам. Нет, не все. Жанна вяжет. Вызовом всему мелькают спицы, их корсткий взблеск бросает на упрямое девчачье лицо острое, как от бритвы, отсветы. Губы Жанны чуть шевелятся, узкие, обычно насмешливые глаза напряженно следят за движением пальцев. Гневу природы она противопоставляет свое уютное и домашнее занятие. Так ведет себя едва ли не самая неукротимая из нас, девушка, которая пришла к нам в отряд, села на пол и заявила, что выставить ее можно только силой. Но и тогда она все равно вернется, так что нам лучше принять ее сразу.

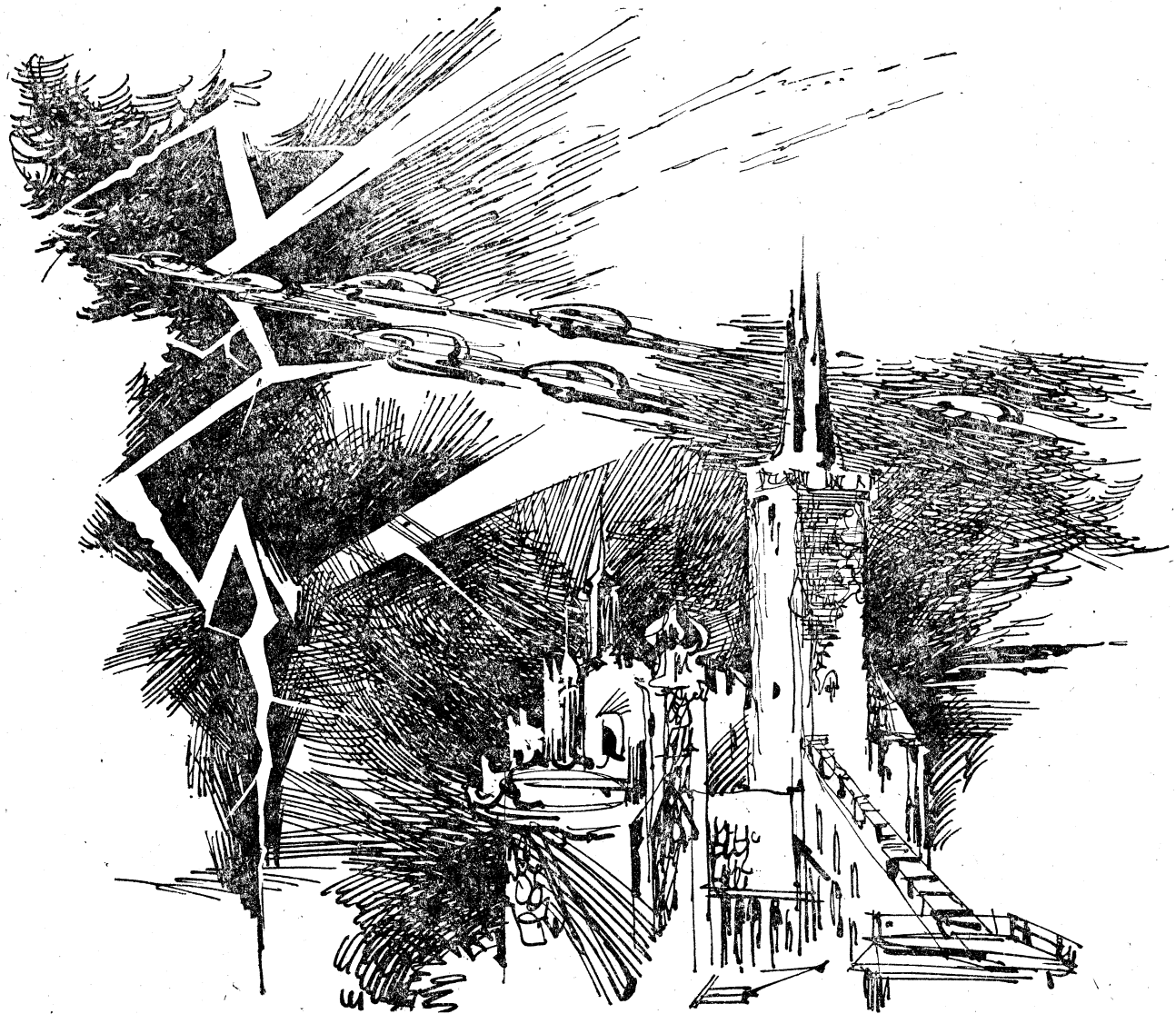
Теперь наша Жанна д'Арк вяжет свитер, легко догадаться, кому. Вот только знает ли об этом Феликс? Истово мелькают спицы, бросая на худое лицо быстрые отсветы-порезы.

Человек создан для борьбы, возможно, и так. Но борется он, чтобы обрести покой. Правда, когда покой затягивается, нам снова хочется бурь и побед.

Подняв голову, Феликс обвел всех нас долгим взглядом. Лицо Жанны встрепенулось. Нгомо, чьи стиснутые в кулак руки каменели на подлокотниках, встретив взгляд Феликса, яростно, словно его душили, мотнул головой. Он потянулся к карману, в его руках мелькнул стереоролл; с тем же яростным усилием Нгомо вдавил клавишу, и грянула музыка, так внезапно, что все вздрогнули.

Она гремела, наполняя собой раскачивающийся реалет, подавляя все прочие звуки. «Память памяти» Снегина. Я не любил эту вещь, считая, что музыка прошлого хороша сама по себе и незачем ее переосмысливать, тревожа тени великих классиков. Но сейчас, в фиолетовом отсвете сматенного неба, все звучало иначе. У меня даже перехватило дыхание. Споря с тем, что было вокруг, музыка утверждала свое, вела

ритм тысячелетий. Рядом, в нас, гармонировали безмятежные пасторали и боевые звуки тамтамов, над тревожной поступью Седьмой симфонии Шостаковича небесной зарей всплывали мелодии Баха, бетховенская патетика странно и удивительно сливалась с откровениями «Звездного хода» Магасапсайя, все крепло, мужало, возвышалось памятью дерзких, мятежных, неустроенных веков с их ужасом кровавых битв и устремлением к надвечному, падением в тоску и трепетным порывом к звездам всечеловечности. Все великое в музыке было теперь с нами, здесь, сейчас, в это мгновение готовой разразиться и все поглотить катастрофы.

Все подались вперед, казалось, ожил сам воздух. Порывисто, чуть не брезгливо, Жанна отбросила вязанье. Нгомо еще выше поднял свой стереоролл, такой крохотный в его черной лапше. Сквозь зыбкий свет и подкатывающую мглу нас мчала упругая скорость реалета. Лишь

Феликса не затронуло общее движение. Его прикинув к иллюминатору лицо теперь было повернуто ко мне в профиль. Слышал ли он музыку, ощущал ли ее, как мы? Наверное. И все же он был далеко от нас. Не отрываясь и не мигая, он всматривался в ужас неба, какого еще не видывала Земля.

Он был с ним наедине. Он вбирал то, от чего мы отводили взгляд. Неподвижный и бледный, он сам был подобен стихии, так страшно она его переполняла, так он с ней спорил, так его дух торжествовал над ней. Или, наоборот, примирялся? Я даже похолодел. Так вот что значит быть художником, глазом человечества! Пропустить через себя даже то, что способно всех погубить, не забыть ни одной краски, ни одного переживания, почувствовать в гнев природы, как в свой собственный, стать им.

Стать им... Да. Все пропустить через себя, все! Вобрать. Уподобиться. Пережить. Быть мо-

жет, залюбоваться тем последним взмахом косы, которую занесла над тобою смерть, во всяком случае запомнить, как блещет эта сталь... И не закрыть при этом глаза.

Наоборот! Во взгляде Феликса, каким он смотрел, читался вызов. Ты, безмозглая, готовая затупить солнце, собираешься уничтожить меня? А я тем временем изучаю тебя, проникаюсь тобой, ненавижу тебя, восхищаюсь тобой, ты уже в моей памяти, и когда ты исчезнешь, лишь я могу воссоздать твой образ. Ты разрушаешь, я созидаю, ты несешь мне смерть, я дарую тебе бессмертие. Нет, мы не равны и никогда не будем равны...

Возможно, не это говорил его взгляд, но только единоборство было, тут я не мог ошибиться.

Музыка смолкла. Словно в ответ последнему аккорду, просияло яркое свободное солнце. Черно-огненные тучи внизу стали понемногу рассасываться, то ли выдохлись сами по себе, то ли их наконец одолели метеоустановки. Реалет перестало колыхать, под нами приоткрылась земля, все задвигались, шумно заговорили. Феликс, жмурясь и протирая глаза, прошел к пилотам, Жанна проводила его обеспокоенным взглядом, Нгомо, мощно откинувшись на спинку сиденья, подбросил на ладони стереоролл и улыбнулся чуть сконфуженной улыбкой.

Сколь велика власть наглядного! Стоило небу утихнуть, как рассеялось и ощущение неотвратимой беды. А ведь погодные катаклизмы были далеко не худшим злом, современным поселкам и зданиям они вообще не могли причинить серьезного ущерба. Но, вглядываясь в подступающий к солнцу мрак, вряд ли кто-нибудь из нас думал, скажем, о древних вирусах и микробах, которые, попав в наше время, возможно, несли с собой куда большую угрозу. Эту опасность устраняли где-то там, в тишине лабораторий, она не имела ни вида, ни цвета, редко кто вспоминал о ней. Нас тревожило осязаемое и конкретное. Дымящаяся разломами хроноклазмов земля. Погода. Огневики. Люди прошлого. Потопы. Из морских глубин выныривали «атлантиды», и тогда на побережья с обрушивались цунами. Мобильным постройкам нашего века это опять же мало чем грозило, их, получив предупреждение, свертывали и перебрасывали в глубь континента. Но что было делать с бережно хранимыми кварталами старых городов, с архитектурными памятниками Лиссабона и Токио, Бомбея и Нью-Йорка? Участвовавшие землетрясения нередко удавалось подавить в зародыше, бури — ослабить, но океанским волнам мы могли противопоставить лишь дамбы и силовые поля, которыми нельзя было перекрыть все. С архитектурных шедевров всюду и везде срочно снимались структурные копии, однако какой-нибудь восстановленный позже до мельчайшей щербин-

ки Руанский собор был бы лишь дубликатом, его заново воссозданные стены уже не хранили бы прикосновения рук прежних создателей, и мы сразу чего-то лишались.

Над побережьем, куда наконец вырвалось звено наших реалетов, не оказалось туч, и, пролетая над одним из старых городов, мы все увидели воочию. Все снова притихли, когда эта панорама раскрылась. На земле, в спешке, которая была заметна и с воздуха, машины и люди возводили дамбы, ставили заслоны силовых полей, которые мерцали вдали радужными, как в мыльных пузырях, отливами. В топкой грязи предместий муравьями копошились киберы, над ними мошками вились люди. Город уже подвергся атаке, кое-где вода сверкала прямо на улицах. Простертый от белых зданий набережной простор океана был безмятежен, как в добрые старые времена, но его искрящаяся солнцем гладь в любой час могла вздыбиться, рушась на эти дамбы, на эти здания, на всех, кто этому обвалу противостоял. Люди, конечно, успели бы отлететь, но какво им было бы увидеть мутный водоворот там, где был город, который они не смогли защитить? Нет, что ни говори, наша работа, по сравнению с этой, была благодатью, хотя и считалось, что именно мы находимся на переднем крае.

Реалет качнуло в крутом развороте, море, кренясь, отвалило назад. Строй грузовых машин в точности повторил маневр.

— К оружию, граждане, к оружию! — объявляясь в дверях пилотской, провозгласил Феликс. — Спутник передал засечку, идем на сближение!

— Сколько их? — быстро спросил Нгомо.

— Врагов не считают, а уничтожают, — луч солнца косо перечеркнул лицо Феликса, его искрящиеся глаза смотрели возбужденно и весело. — По штуке на боевую машину, довольны?

— Ого! — воскликнул кто-то.

— И мы, как обычно, первые? — уточнил Нгомо.

— Естественно, другие не успеют, мы ближе всех.

— Значит, в одиночку с копьём на льва, — задумчиво подытожил Нгомо и, еще немного подумав, кивнул: — Можно.

— Нужно! — звонко выкрикнула Жанна. — Феликс прав: врагов не считают, а уничтожают!

— Это не я, — мягко поправил ее Феликс. — Это было сказано много столетий назад.

— Тем более!

Феликс неодобрительно покачал головой, Жанна вспыхнула, не отводя от него глаз. Зря она, конечно, все это говорила, вернее, так говорила, дело предстояло серьезное. Каждый понимал, чего стоит промедление, и каждому было ясно, что это такое — схватка один на один. С копьём на льва, вот именно, с копьём на льва...

Мало-помалу шум голосов затих, каждому хотелось остаться наедине и внутренне подготовиться к тому, что нам всем предстояло.

Феликс уселся рядом со мной и, не торопясь, развернул на коленях карту. Тем временем гул моторов стал резче, от призрачно мерцающих плоскостей реалета потекли голубоватые струи уплотненного воздуха, земля внизу заскользила быстрее.

Задумчиво, по-детски постукивая светокарандашом по губам, Феликс долго вглядывался в испещренную какими-то отметками карту, затем решительно провел длинную черту.

— Странно,— пробормотал он.— Что же их ведет по ниточке?

Он сказал это, видимо, для себя, так тихо, что услышал лишь я один.

— Ты о чем?— в моей памяти ожил вопрос Алексея.

— Об этом,— Феликс щелкнул карандашом по карте.— Огневики всегда движутся по прямой. Всегда.

Я кивнул, это было всем известно, такая особенность перемещения огневиков помогала с ними бороться.

— Мы сразу их давим, сразу,— так же задумчиво проговорил Феликс.— Никто не спрашивал себя, что было бы, если бы им дали... погулять.

Карандаш рассек воздух.

— Погулять!— я покрутил головой.— Об этом страшно подумать.

— Верно. Но так же верно другое. Сегодня ночью мне приснился гадостный сон. Будто меня не то допрашивают, не то экзаменуют рыжие, похожие почему-то на спрутов, только безглазые, огневики,— он поморщился.— Впрочем, не это важно. Но там был один любопытный вопросик... Словом, проснувшись, я сделал одну простую вещь. Я проэкстраполировал движение всех, какие были, огневиков. Вышло что-то несуразное: на линии их движения позже всегда возникали хроноклазмы.

— Ничего себе!— я присвистнул.— И как это понимать?

— Не знаю. Мы уничтожаем огневиков, но мы их не понимаем. Не пони-маем!— Феликс ударил кулаком по колену.— Что они такое? Откуда берутся? Их выносят хроноклазмы, но лишь в одном случае из двух. Что кроется за этой статистикой? Чем больше огневиков, тем слабее хроноклазм. О чем говорит эта закономерность? Почему,— может быть, это самое главное,— огневики всегда устремляются к будущим очагам? Тысяча и одно «почему», а мы знай себе палим из мортир.

— У нас нет выбора,— сказал я.

— Это у камня нет выбора— падать ему или лежать.

— Ты думаешь?

— Я ищу.

— И?

— Теоретик лучше понимает камень, пчелу и цветок, когда от них удаляется. У меня все наоборот. Чем я ближе к огневикам, тем, кажется, лучше их понимаю. Но с ними приходится драться, вот в чем беда! А чтобы драться, надо озлобиться.

— Еще бы!

— И это тупик. Мы все смотрим сквозь призму своих представлений и своих эмоций. Двойной светофильтр! Вся наша умственная работа сводится к попытке сорвать эти очки и взглянуть на мир непредвзято. Иногда это почти удается. Есть во мне сейчас ненависть, злора?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Нет,— я покачал головой.— Нисколько.

— Возможно. Зато есть предвзятость. Эх, хоть на минуту почувствовать бы себя огневиком!

Он говорил вполне серьезно. Я содрогнулся. Его лицо замкнулось, напомнив мне тот миг, когда он вглядывался в бурю, только сейчас взгляд был обращен внутрь, к себе, то золотистое, что было в глазах Феликса, потухло и потемнело. О чем он думал в эту минуту?

Но это длилось недолго. Лицо Феликса вздрогнуло, как от толчка, он поспешно взглянул на наручный курсограф.

— Бэдленд,— донесся до моего слуха удовлетворенный голос Нгомо.— Удачное место выбрали огневики, дурной земли не жалко.

— Всякую жалко,— возразила Жанна.

Я не прислушивался к их спору. Руки сами искали занятия, я вынул, разобрал и снова собрал разрядник. Взгляд же следил за бурой пустыней внизу. «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле...»— с навязчивостью молитвы всплыли в памяти с детства знакомые строчки стихов. С бесцветного неба наплыла свинцовая мгла, степь потемнела, заволокла. Рокот двигателей притих, тело на миг сделалось невесомым, реалет камнем пошел вниз.

Нас встретила тишина безветрия. Небо было мглистым и каким-то плоским, вдали оно незаметно смыкалось с такой же плоской и безвидной землей, только степь была побурей, она остро пахла пылью, и на ней всюду топорщились колючки. Однообразие нарушала лишь глинистая, с неровными скатами, ложбина; на дне ее поодаль пасся меланхоличный верблюд, которому, видимо, так надоела всякая, в том числе сыплющаяся с неба техника, что наше прибытие он не удостоил вниманием.

Жанна умчалась прогонять верблюда, а мы занялись разгрузкой севших за нами машин. Каждый украдкой поглядывал на восток, откуда должны были появиться огневики и где теперь Жанна сражалась с двугорбым упрямым, который был явно рассержен тем, что ему не дают спокойно отобедать лакомыми колючками. По-

ка только эти две фигуры маячили на горизонте.

Мы должны были успеть, Феликс не мог ошибиться в расчете времени встречи, однако меня познабливало, я тоже поглядывал на восток, делал все проворно и механически, ибо мыслями был уже там, где находился враг. Барьеры оставляли людей и животных, но не огневики; под их натиском силовые поля лопались, как пленки мыльных пузырей. Единственное, что достоверно было известно об огневиках, так это то, что они — сила. Иногда они принимали облик, схожий с обликом живого существа, отчего и возникла гипотеза, что до биологической жизни на Земле развивалась какая-то иная, плазменная, нам неведомая, может быть, протопланетная или даже звездная. Но все эти догадки немногого стоили, так как чаще всего огневики ходили лишь на самих себя, то есть вообще ни на что. Ничего не удавалось понять, да и времени не оставалось, чтобы присмотреться, — огневики перли, сметая все, леса вспыхивали, реки вскипали при одном лишь их приближении. Их надо было сразу остановить, иначе всю планету быстро испещрили бы шрамы пожарищ. Выход был только один — немедленное уничтожение.

Легко сказать! Настоящего оружия против огневиков, в сущности, не было. Тоже парадокс. Уж если в прошлом что совершенствовалось, так это оружие. Но когда с войнами удалось покончить, оно стало ненужным. И мы мало что могли противопоставить огневикам. То есть, конечно, спешно изготовленные и опробованные термоядерные бомбы разносили их в клочья. Но это было лекарство худшее, чем сама болезнь, нам хватало и того генетического ущерба, который испытания ядерного оружия нанесли в свое время человеку и биосфере, — последствия давали знать до сих пор. Даже в нашем отряде был человек, которого они коснулись: Жанна. Да, она перенесла генооперацию еще тогда, когда ее сердце билось под сердцем матери.

Оставались лишь те средства разрушения, которые применялись в горных работах и в космосе. Но ими трудно было одолеть этих тварей (если это действительно были твари). Сами сеющие огонь, чудовища стойко противостояли нашей технике. Конечно, они были уязвимы, конечно, гибли, но какая мощь, какая невероятная живучесть и какой напор! Земля содрогалась, когда они шли.

А Алексей еще просил к ним приглядеться...

Все эмиттеры-«черепахи» уже съехали по откидным пандусам, развернулись цепью, все скуггеры взмыли вверх и рассыпались строем. Каждый из нас занял свое место у борта машины. Последней примчалась раскрасневшаяся Жанна, которая, наконец, справилась с верблюдом, прогнала упрямец далеко в степь и теперь на ходу оттирала с куртки зеленоватую жижу его презри-

тельных плевков. Мы с трудом подавили улыбки. Феликс погрозил ей. В ответ она с вызовом вскинула голову и королевской походкой прошествовала к «черепахе». «Смейтесь, смейтесь, — говорил ее весело-дерзкий взгляд. — Сколько мужчин — и хоть бы один... По-вашему, раз скотина, значит, гибни?!»

Феликс, крикнув, снова уткнулся в свой визор, по которому со спутников нас информировали о перемещении огневиков.

Потянуло ветром, у наших ног закрутилась пыль. Было не по себе вот так стоять под мгlistым небом на плоской невзрачной земле, зная, что ничего этого скоро не будет.

— По машинам! — взмахнув рукой, кричал Феликс.

Последнее, что я увидел: Жанна, белкой скользнувшая на броню, Нгомо, чье посеревшее лицо оскалилось улыбкой (он помахал мне), Феликс, который, широко расставив ноги, продолжал стоять и смотрел, как мы исчезаем в люках. Все, люк захлопнулся.

Теперь я на все глядел сквозь перекрестье прицела. Вокруг расстилалась та же мирная степь, слева и справа горбились другие «черепахи», над нами уже дрожал столб перегретого воздуха. В щитках эмиттера уныло посвистывал ветер. Едва не касаясь мгlistой облачности, в небе застыли скуггеры, похожие на диковинных крылатых ежей.

Для разминки я несколько раз взял их на прицел. Повинуясь взгляду, черное перекрестье скользило по глади ветрового спектролита и замирало точно на скуггере. Все действовало исправно. За доли секунды я мог поразить все, что находилось в пределах видимости, хоть крохотный бугорок на горизонте, хоть всю степь сразу. Тем не менее меня била дрожь. По опыту я знал, что это пройдет, но заранее справиться с ознобом мне ни разу не удавалось.

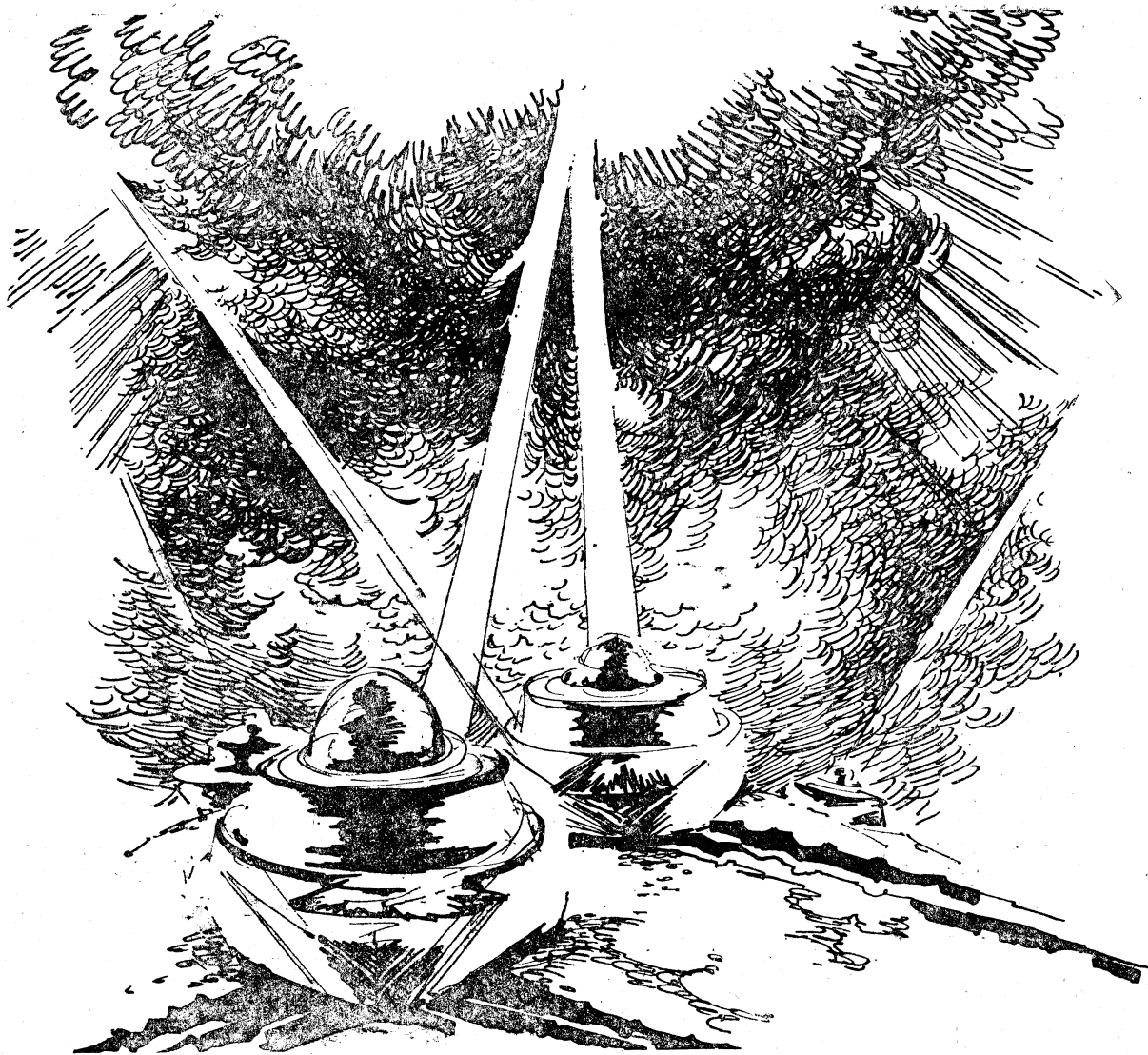
О приближении огневиков возвестило облачко. Воздушное и невинное, оно возникло на горизонте и тут же вытянулось строчкой белых барашков, словно там, вдали, парил и мчался допотопный паровоз. Гряда облаков стала быстро заволакиваться рыжеватой пылью, расти, и все это далекое, мутное, теперь уже дышащее, как хрип-лая громоносная труба, покатило на нас.

Я включил инфразвуковую защиту и стронул «черепаху». Степь поплыла, колыхнулась, тесная коробка машины наполнилась сдержанным гулом мощных двигателей.

— Павел! — в наушниках плеснулся радостно-возбужденный голос Феликса. — Слушай, я, кажется, догадался! Сообразил, что такое огневики!

— Ну? — сиденье подкинуло меня. — Ну?..

— Эх, некогда объяснять! Олухи мы, олухи... В энергии, дело в энергии! Ладно, извини, не утерпел. Поздно, действуй, все!

В наушниках щелкнуло.

Я увеличил скорость, размышлять было некогда. Черт побери, молодчина Феликс! Все будет хорошо, все и так прекрасно, если сначала Алексей, затем Феликс... Надо только побыстрей со всем этим там, на горизонте, управиться.

Там все уже было клубящимся хаосом и мутью сотен смерчей. Мы разворачивались наперерез. Инфралокатор наконец выделил семь тепловых, в разбросе друг от друга, очагов, движением взгляда я тут же перевел прицел на ближайший. Едва различимые скуггеры кружили над фронтом теперь близкого, взрывом распухающего громоносного вала.

Цель!

Сделано, перекрестье стоит, как влитое.

Максимум!

Перекрестье налилось алым светом.

Огонь!

Мысленная команда не заняла и секунды. От других эмиттеров, точно так же, как от моей «черепахи», вдаль протянулись лилово-бледные на сумрачном фоне полосы. Синхронно с неба ударили скуггеры.

Что-то ахнуло в глубинах пыли и пара, багрово засветилось внутри. Автоматика работала безупречно, плазменное лезвие вонзилось точно в центр того теплового сгустка, в котором скрывался огневик, и било, полосовало, рвало. Энергии было достаточно, чтобы уже минуту спустя почва там потекла лавой, но по опыту прошлого я не тешил себя надеждой. Можно было подумать, что вся эта лавина огня для противника так, освежающий ветерок. Мерзкие исчадья, не знаю уж какого ада, не только не разлетелись в клочья, не только не пустились наутек, а наоборот, ринулись в атаку.

Начиналось главное — то, чего не могли сде-

лать киберы. «Отставить автоматику! — мысленно крикнул я. — Ручное!»

Теперь держись... Тяжелее всего заставить себя ослабить луч, подпустить огневика на ближнюю дистанцию, точно подгадать, когда потребуется вся мощность, и уж тогда врезать наверняка.

Я уменьшил импульс.

Багровое, осветленное, клубящееся рванулось в зенит, надвинулось, точно прыжком. Вихрь на мгновение разорвал тучи, в просвете мелькнул кровавый шар солнца, казалось, он мечется в небесах. Все тут же скрылось. В спектролит брызнули струи песка. То был первый предвестник бури, смерча, самума такой силы, что рушились все привычные представления о возможном и невозможном. Вот так, пока мы ничего не знали об огневиках, и гибли первые отряды — машины сметало, как щепки, камни таранили непробиваемую, казалось бы, броню, и ворвавшийся жар спекал все внутри.

Но теперь мы были научены.

— Семь, внимание! — крикнул я в эфир. — Готовлюсь!

— Пятый, слышу, — хрипло отдалось в наушниках. — Я, седьмой, готов!

— Я, шестой, вас понял! Бейте!

Сжав ручку фиксатора, я до упора вогнал в почву манипуляторы. Выждал одну, самую долгую в своей жизни секунду. По спектролиту уже чиркали камешки, молотом били по броне.

— Максимум! — заорал я и в то же мгновение переместил луч со своего огневика на соседний.

То же самое сделал седьмой, стоящий через один от меня эмиттер. На этот раз, как было заранее договорено, все брали на себя мы, нечетные.

На уже близком огневике разом скрестились молнии пятого, шестого, седьмого эмиттера. В максимуме!

И огневик, как положено, взорвался.

С ним вместе, казалось, взорвался весь белый (нет, теперь уже багровый!) свет. Я слышал, как скрежещут до упора вогнанные в землю манипуляторы моей машины. Пламя снаружи, жалобный скрип металла — все это было не так существенно. Важно было немедленно, сразу, повторить маневр теперь уже с моим огневиком. Мамочки родные, да как же мне его нащупать? Прицел ослеп. Да и у соседей, должно быть, тоже...

Если бы у нас было побольше «черепах»! Как все было бы спокойно и просто при трехкратном превосходстве... Кто мог, однако, предполагать, что эти уникальные, предназначенные для далеких и трудных планет машины потребуются на Земле, да еще в таком количестве?!

Я бил вслепую, вгонял луч туда, где по моим расчетам должен был находиться огневик. Не

легче приходилось соседям, правда, им-то угрожала меньшая опасность, ведь с их противниками уже было покончено. Никакая автоматика тут уже не могла помочь, надо было чувствовать соседа, угадывать движение его луча, чтобы одновременно могли сложиться хотя бы два импульса. Хотя бы два! Чтобы точка в точку... Киберы этого не могли, в их бессилии мы убедились еще в первом сражении, когда все наивно полагали, что с огневиками можно расправиться, сидя в безопасности перед обзорным экраном и подавая легкомысленные реплики — с кем, мол, связались, безмозглые твари...

Теперь от проворства и интуиции друзей зависела моя жизнь. Я бил и бил лучом, если что и ощущая, то скользкий бег мгновений, каждое из которых десятикратно умножало опасность.

Я ждал, что очередная секунда грянет взрывом, который встряхнет машину, как погремушку, оторвет, покатит, я повисну на ремнях вниз головой, и это будет последнее, что я запомню. Предвестником ожидаемого просвистел пробивший спектролит камешек. Щеку обожгла струя горячего воздуха, глаза заслезились. Теперь от меня уже мало что зависело, мое дело было, ни на что не взирая, бить лучом в крутящуюся завесу охваченного огнем мрака, что я и делал.

Все чувства так огрубели и сузились, что я не удивился, когда в просвете мелькнул силуэт другой «черепахи». Значение этого факта я оценил с бесстрастностью автомата: кто-то понял, к чему все идет, и вывел свою машину к моей, чтобы увидеть направление моего луча и подстроиться к нему. Единственное, что меня тогда поразило, и то смутно, это само перемещение машины в условиях, когда под напором вихря моя собственная едва держалась. Такое если и было возможно, то чудом. Так положиться на удачу, так смахивать в бушующих потоках мог разве что Феликс.

Мощь наших залпов слилась.

Все побелело беспощадным запредельным светом, которого не мог смягчить никакой светофильтр. И тут же словно чья-то мягкая нога пнула мою машину. Из-под меня со стоном рванулось сиденье. Падая, я ухватился за что-то. Новый толчок, затем боль и тьма.

Очнулся я в горячей и мутной тишине. Я висел вниз головой и, трясая ею, долго не мог понять, зачем нахожусь в такой неудобной позе, — именно зачем, а не почему. Еще я никак не мог сообразить, откуда такая пылица и что за железка у меня в руке. Ах, да, это обломок фиксатора, который, само собой, не был обломком, когда я за него ухватился...

Все кое-как стало на свои места. Сквозь душную мглу откуда-то снизу пробивался тусклый свет аварийной лампочки. Горло словно продрало наждаком, рот полон песка. Ленивое удовлет-

ворение (все-таки прикончили огневика!) сменилось тревогой. Закончен ли бой? Цела ли машина? В порядке ли я сам?

Вроде бы да. Я неловко расстегнул ремни и сполз, вернее, плюхнулся вниз. Тело нигде не отозвалось болью, но повиновалось так, будто мускулы заменили ватой. И сознание было настолько нечетким, что я глупейшим образом попытался решить сразу три задачи: выплюнуть песок, оценить состояние «черепахи» и нашарить запор люка там, где он должен был находиться, но где его теперь не было, поскольку пол и потолок поменялись местами.

К тому же взгляд перемещался как-то рывками, не удавалось ни сосредоточиться на предмете, ни увидеть все сразу. Цепляясь за торчащую над головой спинку сиденья, я кое-как приподнялся. В висках резануло болью, однако зрение прояснилось. Внутри машины, если не считать сломанной рукоятки, все было цело. Наконец отыскался и запор донного люка. Порядок, люк не заклинило.

Ничего особенного снаружи не было. Горячая муть. Ветер резал глаза, кожу больно кололи песчинки. Все было терпимо.

Все терпимо, когда проходит вялое онемение тела, когда возвращается боль, а с нею жизнь. Никаких огневиков — и жив, жив!

Отворачиваясь от жалающих порывов ветра, я спустился на опаленную землю и сделал несколько куцых неуверенных шагов, чья затрудненность после всего пережитого меня не удивила.

Откуда-то из ветра и мглы вынырнули две фигуры, в которых я едва признал друзей — такими черными были их лица. Оба кинулись ко мне молча, вскрик радости был в самом их молчании, нет, не радости, скорей облегчения. И даже не так, я не сразу понял, что означало это молчание.

Они зачем-то обхватили меня за плечи, повели так, словно помогали калеке.

— Что это вы, бросьте... — начал было я, но, перехватив их взгляд, тут же уставился на свою странно повернутую, волочащуюся ногу.

Как я мог вылезти, даже идти, ничего не заметив! Зато теперь, когда мне открылась истина, ногу пронизала такая боль, что я обвис на руках друзей. «Ну вот, — тупо шевельнулось в мыслях. — Тогда была правая, сейчас левая... Хотя нет. Тот перелом был не у меня и очень давно... Как давно? Утром же было...»

— Подождите, — сказал я, когда меня уже подтащили к машине. — Где Феликс?

— Нет Феликса, — беззвучно ответил Нгомо. — Феликс погиб.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Еще

О

НЕВИДИМКАХ

«После войны интерес к невидимкам в чистом виде заметно угасает», — писали мы в предыдущем номере в ответах на микровикторину «Недели». И даже попытались вскользь объяснить равнодушие современной фантастики к невидимкам ненужностью, обреченностью этих последних в самом близком будущем...

Спешим уточнить: речь шла именно о «чистокровных» невидимках типа Гриффина, в целом же — далеко не все так просто. И невидимки, как мы еще убедимся, не собираются исчезать с горизонтов человечества, даже и самых отдаленных, и появляться в фантастике они вовсе не перестали — не случайно иные ответы на этот вопрос сопровождалась списками литературы в 15—20 названий!

Другое дело, что жизнеописанием невидимок, подробных рассказов о тернистых путях, приводящих героев к достижению недостижимого, мы в современной НФ, пожалуй, и впрямь не обнаружим: за прошедшие десятилетия изменилась фантастика — изменились и ее невидимки.

Каковы же они сегодня? Что ж, давайте посмотрим...

Прежде всего, хотя и исключительно мимоходом, фантасты нет-нет да и совершенствуют аппаратуру, создающую эффект невидимости. Так, в повести С. Снегова «Посол без верительных грамот» мы обнаружим, к примеру, «защитные костюмы, создающие гравитационную, оптическую и электромагнитную прозрачность». Понятно, что даже в исключительных обстоятельствах далеко не всякий гражданин будущего может получить к ним доступ...

Нередки в фантастике разнообразие «купола» (щиты, колпаки, экраны, завесы, зоны, зеркала...) невидимости, экранирующие от окружающих не единичного индивидуума, а малые или большие груп-

пы персонажей, иной же раз — и целые поселения. Вспомним хотя бы невидимый остров Давид из повести В. Крапивина «Дети синего фламинго»... Подобные щиты, кстати, появились в фантастике отнюдь не в самые последние годы. Еще в романе «Большевики по Чемберлену», вышедшем в Москве в 1924 году под нераскрытым звучным псевдонимом «Гов. Инкогнито», отряд комсомольцев отправлялся в Индию, вооружившись вполне неуобразными «натурографами», которые фотографировали окрестности спереди и сзади движущегося каравана и тут же завесой проецируемых пейзажей окружали отряд, надежно его маскируя.

Иные персонажи НФ достигали невидимости с помощью гипноза («Невидимая схватка» или «Кто же он?» Г. Мартынова) либо благодаря психологически обоснованной «слепоте» окружающих (классический образец — примеркавшийся всем почтальон из рассказа Г. Честертона «Невидимка»).

В особую группу невидимок стоит выделить тех, кто получил необычайное это свойство в результате мутаций (семейство Хогбенов у Г. Каттнера, к примеру) или же в процессе длительной эволюции (таков, скажем, неуничтожимый герой в рассказе А. Ван-Ворга «Чудовище»).

Ну, а инопланетяне? По самой природе своей, в силу сложившихся условий существования, они способны оказаться для землян и полупрозрачными Видящими Суть Вещей в «Балладе о звездах» Г. Альтова и В. Журавлевой, и совершеннейшими невидимками из «Вариантов выбора» Р. Шекли. И появление у них аппаратов, по желанию — на время — придающих чудесное свойство, кажется нам делом совершенно естественным, едва ли нуждающимся даже в самых поверхностных пояснениях: «научились», «умеют» (как умеют, к примеру, Гиг и его невидимки в трилогии «Люди как боги» С. Снегова) — и все тут... Собственно, точно такковы и земляне на других планетах: «таблетки невидимости», различные генераторы в виде поясов и т. п. — всегда у них под рукой; нам, читателям, и на ум не придет усомниться во всемогуществе наших отдаленных потомков!

Ведь мы же основательно приучены к мысли о возможности такого могущества: приучены с самого детства — сказками.

Современная фантастика, давно уже не ограничивая себя одними только научно-техническими прогнозами, охотно и многое черпает в сказках.

Вот и шапку-невидимку мы легко обнаружим не только в сказках всех времен и народов или, к

примеру, у злокозненного колдуна из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», но и в книге К. Булычева «Девочка с Земли», и в диалогии Х. Тухтабаева «Волшебная шапка» и «Конец Желтого Дива», и — современную, ставшую кепкой — в развеселой повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Не приходится говорить о популярности волшебных колец. Многие читатели «Недели» с нескрываемым удовольствием вспоминали в своих письмах мужественных «невисокликов» Бильбо и Фродо из книг Д. Толкьена «Хоббит» и «Хранители»... А иные предметы чародейства? Самое необычайное обличье подчас обретают они в фантастике — вплоть до... волшебной галоши (в повести М. Сергеева, которая так и называется: «Волшебная галоша»!).

А такой, например, способ? «Кто успеет сорвать цветок папоротника в полночь и положить его под язык, тот превратится в невидимку...» Не сказка ли?! А процитировали мы начало повести А. Кутуя «Приключения Рустема», в дальнейшем вполне реалистически рассказывающей о похождениях юного героя...

И, наконец, сверхъестественные существа вроде знаменитого старика Хоттабыча, повесть Л. Лагина о котором появилась еще в предвоенные годы. Подобных существ ныне в фантастике, сказочной и юмористической, поистине видимо-невидимо. Сотворить для своего любимца или повелителя маленькое чудо исчезновения из глаз людских — сущий пустяк для них! Это для них куда проще, чем, скажем, отладить собственное изобретение: вот уж триста лет бьется бакалавр черной магии М. Ф. Редькин над усовершенствованием портков-невидимок (превратившихся сначала в кюлоты, потом в штаны и, в конце концов, в брюки) — ан, и во вполне современном НИИЧАВО не оставляют его неудачи...

Но — стоп! Полагаем, мы уже в полной мере убедились: живучи, ох, многолики и живучи невидимки в современной фантастике!

**Юрий
КУРОЧКИН**

На хорошо сохранившуюся книгу, конечно же, приятно взглянуть. Но иногда и затрепанный томик может вызвать чувство благодарного уважения и волну теплых воспоминаний, которые искупают его неказистость.

Вот как, например, этот, что лежит сейчас передо мной, взятый с дальней, но особо хранимой полки: «Я. И. Перельман. Занимательная физика. Книга первая. Издание четвертое. Петроград, 1919 г.»

Изданию досталось книге за эти годы: с нею прошли мои детство и отрочество, да и не только мои — не один десяток товарищей разных лет прошел через ее школу, приобщился не просто к физике, но и к основам научного взгляда на окружающий мир. И хотя никто из нас, кажется, не стал ученым-физиком, уверен, что все мы сохранили глубочайшее уважение и благодарность к «Занимательной физике» и ее автору за то многое, что она дала нам в наши юные годы.

Да что мы, на этой книге за 70 лет ее жизни (первое издание вышло в 1913 году, а последнее — пока! — двадцать первое, в 1982 году) выросло и воспиталось не одно поколение читателей.

«Занимательная физика» была у Я. И. Перельмана не единственной книгой подобного жанра — за ней последовали «Занимательная арифметика», такие же геометрия, алгебра, механика, астрономия и другие. Он настолько увлекся популяризацией науки, что, кажется, совсем забыл о своей основной специальности — ученого-лесовода.

Увлекаясь сам, он увлекал за собой других — авторами подоб-

Профессор занимательной науки

ных книг становятся по его призыву многие известные ученые. По его инициативе и под его редакцией в ленинградском издательстве «Время» в 1920—1930-х годах была создана целая энциклопедия занимательной науки. Тогда вышли «Занимательная авиация» К. Вейгелина, «Занимательная география» С. Аржанова, «Занимательная зоология» А. Никольского, «Занимательная химия» и «Занимательная электротехника» Н. Рюмина, «Занимательная минералогия» А. Ферсмана, «Занимательная ботаника» А. Цингера...

Известен был Перельман и как страстный пропагандист идей К. Э. Циолковского. Книга Якова Исидоровича «Межпланетные путешествия» вышла так давно, что в это сегодня трудно поверить — в 1915 году, а впоследствии много переиздавалась. Он стал и одним из первых биографов Циолковского, который глубоко уважал и высоко ценил популяризаторскую деятельность Перельмана.

Юношам двадцатых годов Перельман памятен как редактор любимого многими журнала «В мастерской природы», выпускавшего в качестве приложений библиотечку с описанием занимательных и полезных приборов и ремесел.

В моем домашнем архиве счастливо сохранился пакет с письмами Якова Исидоровича 1934—1935 годов. Тогда я, молодой сотрудник Свердловского детского журнала «Техника смены», решил просить у маститого популяризатора совета — как сделать отдел науки и техники в журнале более занимательным. Написал ему без особой

надежды на ответ, помня о его занятости — ведь помимо работы над новыми книгами, многочисленными статьями в газетах, журналах и сборниках, редакторской и организаторской работы, он преподавал в Военно-морском училище имени Фрунзе, был научным сотрудником Астрономического института при Ленинградском университете, состоял членом многих ученых обществ, в том числе зарубежных (например, Британского и Американского межпланетных обществ).

Но ответ не заставил себя ждать долго — вскоре пришло письмо, написанное на удивление четким, прямо-таки каллиграфическим почерком, свидетельствующим об исключительной аккуратности пишущего, об уважении к тому, кто будет читать.

За первым письмом последовало второе, третье, четвертое... Советы выдающегося мастера популяризации многим помогли молодому областному журналу. Яков Исидорович намеревался и сам принять участие в нем как автор, но... в это время он увлекся новой идеей, которая вскоре завладела им целиком, заставила свести к минимуму все остальные дела. Он писал: «В ближайшие месяцы я буду целиком поглощен работой по организации в Ленинграде Дома занимательной науки». Так и оказалось — целиком.

Об этом интереснейшем, совершенно замечательном учреждении, первом и тогда (кажется, и до сих пор) единственном в мире комбинате занимательной науки с обширной научной программой, с анфиладой демонстрационных залов (под которые был отдан

один из дворцов на Невском), с комплексом аттракционов, с издательским сектором, выпускавшим листовки, буклеты, книжки-малютки и проч. и проч. — много писалось, а те, кому удалось побывать в нем, помнят его до сих пор.

К сожалению, война прервала деятельность Дома занимательной науки. В блокадном Ленинграде, не пожелав расстаться с ним, в марте 1942 года погиб и сам Яков Исидорович, не дожив до своего шестидесятилетия — он родился 5 декабря 1882 года.

...Оглядывая выстроившиеся на полках многочисленные уже теперь тома разных «занимательных наук», видишь, что идея Перельмана оказалась очень живучей — что ни год, то новые и новые выпуски встают на полки библиотек и книголюбов. Но, ознакомившись с ними поближе, видишь и другое — не все они следуют методике и стилю, предложенным Перельманом. В некоторых занимательность присутствует разве что в названии. А стоило бы вспомнить об изначальных установках серии, принесших ей успех и многолетнее неувядющее внимание читателя. И мечтается о том, что представительный редакционный совет, составленный из видных ученых, разработает долголетнюю программу выпуска классических образцов этого жанра и создания новых, достойно продолжающих начатое Перельманом дело.

Это было бы достойным памятником выдающемуся энтузиасту пропаганды знаний и научного мировоззрения — Якову Исидоровичу Перельману.

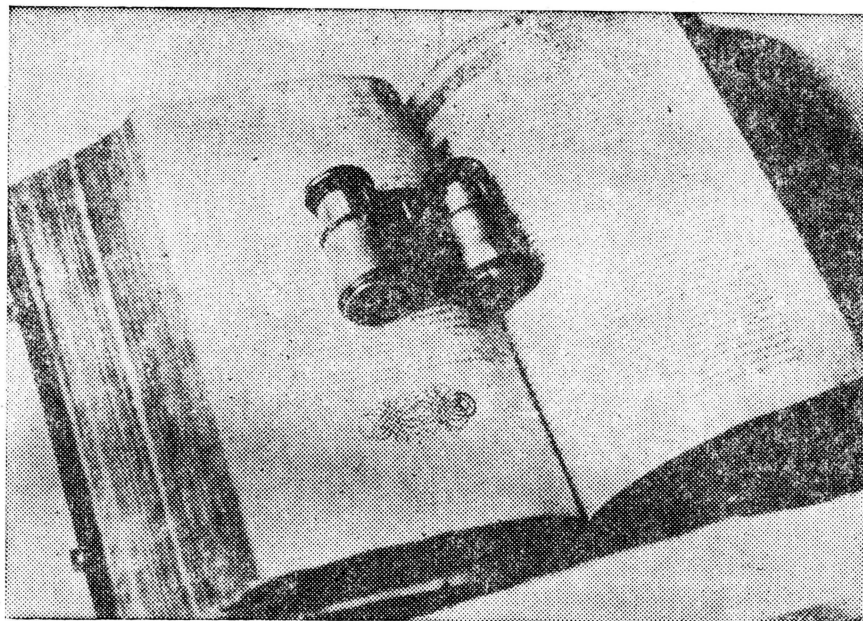

ЕЩЕ ОДИН ШЕДЕВР

Летом 1981 года в редакцию пришло необычное письмо. В конверт, кроме рукописного послания, был вложен свернутый вчетверо лист потемневшей от времени бумаги большого формата с текстом, отпечатанным кирилловским шрифтом. Автор письма, житель одного из небольших старинных городов Свердловской области, прочитав в «Уральском следопыте» публикации о древних русских книгах, решил поинтересоваться, что за фолиант находится у его родственников.

В редакции установили: присланный листок — страница знаменитой на весь мир Острожской Библии, которую отпечатал великий просветитель славянских народов Иван Федоров в 1581 году. Значит, где-то на Урале сохранился еще один экземпляр редкостной книги!

Об истории Острожской Библии уже рассказывалось в одном из номеров журнала («Уральский следопыт», № 10, 1980 год). Отметим лишь, что находка еще одного экземпляра этой удивительной по красоте и обилию помещенного в ней орнаментального материала — заставок, концовок, инициалов разных типов, строк вязи, маргиналов, наборных отливных украсе-

ний — событие большого научного значения.

По характерным, оригинальным украшениям, даже не зная кириллицы, можно легко определить, что перед нами лист именно из Острожской Библии, а не из какой другой. В редакцию прислали лист только с одним инициалом. Правда, и строчной шрифт не спутаешь ни с каким другим, если хоть раз видел федоровскую Библию или репродукции ее страниц, он так и называется — острожский кириллический.

После обращения к каталогам, в которых указаны все необходимые признаки, чтобы установить идентичность изданий, мы убедились, что принадлежность присланного листа экземпляру Острожской Библии доказана, о чем и сообщили автору письма. Лист, разумеется, заказной корреспонденцией был отправлен обратно. Мы обратились к корреспонденту с убедительной просьбой сделать все, что можно, чтобы сберечь обнаруженную ценность.

Долгонько не было ответа, но вот пришло еще одно письмо. В нем сообщалось, что книга сейчас находится у родственников автора письма, что при желании он может забрать ее себе и распорядиться ею

по своему желанию, что книга неплохо сохранилась, правда, отсутствует первый титульный лист.

А далее автор восклицает: «Вот все говорят: ценнейшая вещь, редкость, в музей сдать и т. д. А как это практически сделать? Кому предложить?»

Вопрос сложный, однозначного ответа не дашь. Предложи подарить музею — вдруг обидится, ведь вещь денег стоит, и немалых. Напиши: продайте, а владелец возьмет да подарит. В общем, посоветовали мы определить книгу в музей, а в какой и каким способом — пусть сам решает и действует, как подскажет совесть. Главное — не дать шедевру пропасть, сделать его общенародным достоянием.

На снимке: еще один экземпляр Острожской Библии, открытый на Урале.

Ю. РЯЗАНОВ

Фото Л. Щербакова

Корреспондент Максима Горького

Документ, уточнивший личность одного из корреспондентов А. М. Горького, обнаружил в Солигаличе рабочий местного известкового комбината Н. Тихомиров. В архиве своего покойного отца, работавшего в сороковых годах редактором солигаличской районной газеты, он нашел письмо от А. Ф. Яковлева, заведовавшего в ту пору районным отделом сельского хозяйства. Автор рассказывал, как в 1930 году написал он письмо Горькому, лечившемуся в Италии. Вопросы, поднятые в том послании и волновавшие тогда многих начинающих писателей, касались литературной учебы. Алексей Максимович ответил своему корреспонденту обстоятельным письмом. (Ныне оно широко известно и вошло в 30-й том сочинений писателя, изданный в 1956 году).

В комментариях сказано об авторе очень скупо: «Учитель Пеньковской школы Ивановской области». Однако сведения эти ошибочны. Мне удалось отыскать самого Анания Федоровича Яковлева. Он на пенсии и живет в Вологде. Учителем Яковлев никогда не был. После окончания общеобразовательной школы поступил в Костромской землеустроительный техникум. Среди учащихся этого заведения было немало ребят, пробывавших свои силы в поэзии и в прозе. Приверженцы различных литературных течений и группировок, которых в то время было в стране великое множество, ребята в бесплодных дискуссиях искали ответ на главный занимавший их вопрос: нужно ли учиться, чтобы стать писателем, или это дар в человеке от природы? Решили обратиться к М. Горькому. Письмо ему написал комсомольский активист Ананий Яковлев. Ответ авторитетного арбитра положил конец спорам: настоящий литератор обязан учиться всю жизнь и как писать и что писать — таков был смысл горьковского письма.

Сам А. Ф. Яковлев писателем не стал: не захотел быть посредственностью в литературе. Зато землеустроитель из него вышел превосходный. Многие годы работал он в сельском хозяйстве Верх-

неволжья. Заместителем командира минометной батареи участвовал в Великой Отечественной войне. После тяжелого ранения был демобилизован и вновь вернулся в сельское хозяйство.

Бережно хранил Ананий Федорович оригинал письма великого писателя. Только в 1941 году, перед уходом на фронт, передал его в Институт мировой литературы, где оно и хранится поныне.

В. ПАШИН

Были другие премьеры...

В этот день — 9 августа 1942 года — по гитлеровским планам фашисты должны были захватить Ленинград.

И в этот день в осажденном Ленинграде прозвучала Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, партитуру которой доставили в город самолетом через кольцо блокады.

Лучшие командиры и солдаты подразделений, оборонявших Ленинград, получили приглашение на первое исполнение симфонии. Командующий Ленинградским фронтом генерал Говоров отдал специальный приказ: подавать огневые позиции противника, заставить их замолчать. И в этот вечер на улице Бродского у стен филармонии и на площади Искусств не упал ни один фашистский снаряд.

Известно и уже много раз писалось о том, как собрали оркестр, как вызывали бойцов-музыкантов с передовой линии фронта, как репетировал с ними дирижер Ленинградского радиокомитета Карл Ильич Элиасберг.

Это была историческая премьера Седьмой симфонии. Но не первая...

«Седьмую симфонию Дмитрий Дмитриевич Шостакович сочинил в блокадную осень 1941 года в Ленинграде», — так сказано во многих статьях. Но это не совсем точно. Сам композитор писал в своих воспоминаниях: «Июль, август, сентябрь... За три месяца я написал четыре пятых своей Седьмой симфонии. К концу года она была закончена».

Первое исполнение симфонии состоялось 14 марта 1942 года в Куйбышеве во Дворце культуры, в котором шли спектакли Большого театра Союза ССР.

Сотрудник филыала газеты «Правда» К. В. Потапов так описывает этот концерт:

«Что творилось в зале. Радость, горе, слезы — все чувства смешались! Шостакович выходил на сцену несколько раз, растерянный, оглушенный приемом публики. Аплодировали все, в том числе летчики, танкисты, приехавшие с фронтов войны».

Интересно, что статья А. Н. Толстого о симфонии Шостаковича была напечатана в «Правде» 16 февраля 1942 года. Выходит, еще до куйбышевской премьеры? Да, именно так: в начале января Толстой побывал на генеральной репетиции оркестра и был потрясен музыкой Шостаковича. Он писал в своей статье:

«Шостаковича Гитлер не напугал... На угрозу фашизма — обесчеловечить человека — он ответил симфонией о победном торжестве всего высокого и прекрасного, созданного гуманитарной культурой... Шостакович прильнул ухом к сердцу родины и сыграл песнь торжества».

Когда началась война, в небольшой городок Белебей был эвакуирован духовой оркестр.

1 ноября 1941 года в городском театре Белебея состоялся концерт оркестра и была исполнена первая часть Седьмой симфонии. А потом в Башкирию из Куйбышева приехал сам композитор. Исполнение первой части Седьмой симфонии духовым оркестром взволновало Д. Д. Шостаковича, концерт прошел с большим успехом. Это было 12 декабря 1941 года.

И еще об одном концерте, состоявшемся до ленинградской премьеры. 22 июня 1942 года симфония прозвучала в Лондоне в исполнении оркестра под управлением Генри Вуда в присутствии десяти тысяч человек.

Но всегда мы будем помнить о главной премьере — когда в самом голодном и тяжелом для Ленинграда 1942 году была исполнена Седьмая симфония великого советского композитора Д. Д. Шостаковича.

Б. ГАЛИН

ВОТ УЖЕ ДВА ГОДА, КАК Я ЖИВУ И РАБОТАЮ НА «МАТЕРИКЕ», И, КОГДА ПРИХОЖУ ДОМОЙ, В КОТОРЫЙ РАЗ ГОВОРЮ САМ СЕБЕ, ЧТО — ВСЕ, УЕДУ, И ПОЧЕМУ ЭТО Я БОЛЬШЕ НЕ ВИЖУ РОЗОВЫХ ОБЛАКОВ, ПОХОЖИХ НА ПЕРЬЯ ФЛАМИНГО?

НОЧЬЮ НАСТУПАЕТ БЕССОННИЦА, ЛОМАЮТСЯ В РУКАХ СПИЧКИ, ПЕНЕЛЬНИЦА НАПОЛНЯЕТСЯ ОКУРКАМИ, И В СЕРЫЙ ПРЕДУТРЕННИЙ ЧАС, КОГДА ГАСНУТ ЗВЕЗДЫ, КО МНЕ ПРИХОДЯТ, КАК СНЫ, РАЗДУМЬЯ О МОЕЙ СТРАНЕ, ИМЯ КОТОРОЙ — КАМЧАТКА.

ОБ ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ГОВОРЯТ И ПИШУТ МНОГО, И РЕДКОЕ ПИСАНИЕ ОБХОДИТСЯ БЕЗ УПОМИНАНИЯ О ВУЛКАНАХ; С ВОСТОРГОМ ЗАЕЗЖИЕ ЛИТЕРАТОРЫ ПОВЕСТВУЮТ О ПРЕЛЕСТЯХ ГОРЯЧИХ ИСТОЧНИКОВ В ПАРАТУНКЕ И МАЛКАХ — ЗОНАХ ОТДЫХА ЖИТЕЛЕЙ ПЕТРОПАВЛОВСКА. А ТОТ, КТО ПОБЫВАЛ В ЧУДЕСНОЙ ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ, УЖ ВЕРНО, С ПОЛГОДА ПОТОМ ТВЕРДИТ: «ВОТ КОГДА Я В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕЗДИЛ ТУДА...» НО КАМЧАТКА ПО СУТИ СВОЕЙ — ЭТО БЕСКРАЙНЯЯ, НЕОГЛЯДНАЯ ТУНДРА. ЭТО ТОЛЬКО НА ЮГЕ ПОЛУОСТРОВА ВЛАСТВУЕТ ЭКЗОТИКА.

В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ КАМЧАТКИ НЕТ НИКАКИХ ОСОБЫХ КРАСОТ. КРАЙ ЭТОТ, НЕКОГДА НАЗЫВАВШИЙСЯ ГИЖИГСКИМ ПРОМЫСЛОВЫМ РАЙОНОМ, НЕЗАТЕЙЛИВ И СУРОВ. ОН ПРОСТ И СКРОМЕН, КАК КАРТИНЫ РОКУЭЛЛА КЕНТА. ОН ОБНАЖЕН В СВОЕЙ ЗИМНЕЙ БЕЗЗАЩИТНОСТИ ПЕРЕД ВЕТРАМИ, ВНЕЗАПНО НАЛЕТАЮЩИМИ ОГРОМНЫМИ СНЕЖНЫМИ ТУЧАМИ, КОТОРЫЕ МОМЕНТАЛЬНО ЗАНАВЕШИВАЮТ ГРАФИЧЕСКУЮ ЧЕТКОСТЬ СОПОК, БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ ПРОСТОРОВ И ОСЛЕПИТЕЛЬНУЮ ЯРКОСТЬ ВАСИЛЬКОВОГО НЕБА.

ЛЕТОМ ЭТА СТРАНА СПЕШИТ ЖИТЬ. КАЖДОЕ ДЕРЕВО, КАЖДЫЙ КУСТИК И ТРАВИНКА ТОРОПЯТСЯ ПОЛУЧИТЬ ОТ ЖАРКОГО, НЕИСТОВОГО СОЛНЦА ТЕПЛО, НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ДОЛГОЙ ЗИМОВКИ. ЗА ОДИН МЕСЯЦ ВСЕ СПОСОБНО ЗАЗЕЛЕНЕТЬ, ЗАЦВЕСТИ И ДАТЬ ПЛОДЫ!

НА СЕВЕРЕ КАМЧАТКИ МОЖНО УВИДЕТЬ МАЛЕНЬКИЕ ГОЛУБЫЕ ОЗЕРЦА, ШЕДРО РАЗБРОСАННЫЕ ПОВСЮДУ, НЕБОЛЬШИЕ СОПКИ И КРЯЖИСТЫЕ ВЕРШИНЫ ГИГАНТСКИХ ХРЕБТОВ, ПРЕКРАСНЫЕ РЕКИ С ГОЛУБОЙ ВОДОЙ И РАСПАДКИ С РАЗНОЦВЕТНОЙ ГАЛЬКОЙ...

ПО БЕРЕГАМ РЕКИ ПЕНЖИНЫ РАСТУТ УДИВИТЕЛЬНО ГУСТЫЕ ЛЕСА, В КОТОРЫХ СТОИТ ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА. В ЧАЩЕ, ЗАВАЛЕННОЙ СУШНЯКОМ И ПРОШЛОГОДНИМ ТРАВОСТОЕМ, НАТЫКАЕШЬСЯ НА СЛЕДЫ ЛОСЯ ИЛИ МЕДВЕДЯ, ОТПЕЧАТАВШИЕСЯ НА СЫРОМ ПЕСКЕ. ВЕТЕР СЮДА НЕ ПРОНИКАЕТ, И СКВОЗЬ РЕДКИЕ ПРОСВЕТЫ В СПУТАННОМ НАВЕСЕ ИЗ КРОН ДЕРЕВЬЕВ ВИДНЫ ПРОБЕГАЮЩИЕ ПО НЕБУ ОБЛАКА.

ПРИВЫКНУТЬ К ЭТОЙ СТРАНЕ СРАЗУ ТРУДНО. НЕЗАТЕЙЛИВАЯ, НЕЗАМЫСЛОВАТАЯ, НЕ ОБЛАДАЮЩАЯ НЕСКРОМНОЙ ПЫШНОСТЬЮ, ОНА УДИВЛЯЕТ ПОСТЕПЕННО И ЭТО УДИВЛЕНИЕ НЕОТВРАТИМО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПРИВЯЗАННОСТЬ,

СНЫ о Пенжинке

Николай
СЕМЧЕНКО

Знакомство

Я попал впервые в пенжинские края с юга Приморья, где щедро лились светлые, ненадождливые дожди. Их изредка прерывали вспышки августовского солнца. А в Петропавловске-Камчатском с ясеней падали желтые листья. Здесь я пересел на самолет «Як-40» и через положенное время оказался в промежуточном аэропорту Тиличики. Отсюда разный тундровый люд на маленьких «аннушках» добирается до своих жилищ. «Аннушками» здесь ласково называют самые надежные в условиях Севера самолеты «Ан-2».

Самолет покружил над косой бухты Корф, похожей на крыло чайки, и медленно полетел к Каменскому — центру Пенжинского района. С каждым часом солнце становилось все больше, оно ослепляло, и, глядя вниз, я видел бесконечные цепи озер, редкие всплески темных лесочков и зеленую гладь тундры.

Рядом со мной сидел дед с чрезвычайно косматой, будто никогда не знавшей гребня бородой. Когда мы уже подлетали к Каменскому, он толкнул меня острым локтем:

— Эвон, глянь-ко: озеро!

Я посмотрел в иллюминатор.

— Дак я на ём щуку поймал, — дед примерился, прищурился, развел руками на всю ширь плеч. — Двадцать семь килограмм вытянула...

— Эх, ну и дед! — встрял в разговор молодецкий курсант, ехавший, как видно, на побывку.

Старик, осердившись, цыкнул на паренька: — Молод ицо прекословить. Фотографию с энтой щуки взяли пропечатать. Вот, гляди, — он достал из кармана мешковатого черного пиджака сложенный вчетверо номер «Камчатского комсомольца». — Внук мой читал да и говорит: «Тут, дед, про тебя пропечатано...» Смотрю — и точно: про меня. Был у нас в селе один из газеты...

Курсант помедлил, но газету взял и пробежал заметку глазами.

— Да, не заливаешь, вроде... Извини, дед.

Старик принял от курсанта газету, сложил ее вчетверо и бережно засунул во внутренний карман.

С этого разговора и началось мое знакомство с Пенжиной...

Золотые челны сентября

Однажды вечером, уже на материке, достал свои камчатские блокноты. На их страницах — размытые дождем записи, подпалины от костра. А между листьями попадаются необыкновенные закладки — маленький листик карликовой березы, черное перо из сорочьего хвоста. А вот засушенные цветы рододендрона. И вдруг откуда-то из глубин одной толстой тетради, плавно кружась, падает золотистый листок тополя. Ярко сияют на нем оранжевые закраины. Ах, боже мой, все сразу отчетливо вспоминается. И я долго не могу успокоиться, и когда гашу ночник, вдруг сразу приходит сон...

Все случилось внезапно. Небо посерело, и легкий ветерок несмело шевельнулся в тугой траве. И вдруг поднялся незримым бушующим великаном. Зазвенели в домах задетые его неуклюжей рукой стекла, понеслись по улицам пустые ведра, оглушительно брэнча дужками; слетело с крыши железо и, как лист бумаги, закружилось в воздухе. Всю ночь ветер урчал и ругался, с кем-то вел бой.

Утром молоденькие березы, распрямляясь, потянулись к чистой золотой заре. Ветер, принесший первый холодок, преобразил их: с веточек, покрытых густыми точками родимых пятен, позванивая, слетали пожелтевшие за одну ночь листья.

— Поедем на рыбалку, — сказал Михаил. — Погода сейчас надолго установилась ясной. Но недели через две надо ждать дождей, потом — заморозки...

Сердитый ветер, гонявший звонкие голосистые ведра, был первым предупреждением смены погоды.

Моторная лодка легко неслась по Пенжине, и холодные брызги обжигали лицо. Мы направлялись к неширокой, мелкой речке Оклан.

Окланская вода настолько чиста и прозрачна, что сквозь нее виден каждый камешек. Еще эта вода — обманщица: она как бы приближает дно к глазам, и тогда неопытный рыбак опасно глушит мотор и пробует шестом глубину.

В окланской воде почти нет химических примесей и пахнет она смородиновым листом, — целые плантации этого кустарника растут по-над берегами реки.

— Один мой приятель уехал из этих мест в Москву, — рассказывал Михаил. — Загрустил там

по Камчатке и, затосковав, попросил прислать ему бутылку окланской воды...

Я зачерпнул кружкой из Оклана. Вода была холодной и вкусной.

Мы пристали у песчаного мыса, заросшего бурой травой. Над ней переплетались в рукопожатях ветви чозении — высокой серебристой ивы. Говорят, древесина этого дерева по твердости не уступает железу.

На отмели трепетали серые стайки тоненьких иголочек. Они выпрыгивали из воды и хватали похожих на микроскопические запятые мошек. Когда над заливчиком пролетал редкий для этой поры овод, мальки бросались враспынную: пугались. Для них овод был все равно что самолет. А ведь на следующее лето из иголочек вырастут почти взрослые рыбки, и овод станет для них обычной пищей.

По воде плыли желтые, с краснотой, листья смородины, и рыбки тоже бросались от них в разные стороны, замирали у камней.

Пока Михаил колдовал над костром, я нашел огромную корягу, выступающую из воды, забрался на нее с удочкой. Несколько длинных теней метнулось от моего отражения. Это были красивые рыбины с пятнистыми спинками. Плавники похожи на яркие крылья тропических птиц.

Крючок с наживкой плясал у них под самым носом, но рыбины, лениво шевеля великолепными плавниками, и не думали обращать внимания на приманку. Наконец одной из них эта игра надоела, и она, стремительно налетев на крючок, затрепетала в воде. Серые искорки брызнули на солнце.

— Это кунжа, — сказал Михаил. — Удачливый ты рыбак! Ее не так просто поймать...

Рыбацкий азарт захватил, и вскоре в ведерке забилось два длиннотелых хариуса с плавниками-лепестками розы. Им было тесно, а может, они боялись кунжу и потому все время пытались, изогнувшись белыми брюшками, выпрыгнуть из посудыны.

В тот же день я выудил и громадного чира. Весил он чуть ли не три килограмма. Я уже знал, что Пенжина и Оклан — единственные на Камчатке места обитания этой рыбы. Ловят чира еще на Печоре и Анадыре и, может быть, их притоках — там, где вода чистая и холодная. Камчатский вид этой рыбы считается особым. Окраска у него более темная, чем у других сиговых, питается он только мелкими моллюсками и хирономидами. Оттого и мясо его белое, нежное, чуть сладковатое. Полагают, что в Пенжине пока достаточно этой деликатесной рыбы.

Рыбалка была удачной, и довольный Михаил, возлежав у костра, похваливал дымящуюся уху, в которой плавал кружочками золотистый жир.

По реке медленно двигались золотые челноки — листья берез, чозении. Говорят, на них в стародавние сказочные времена плавали малень-

кпе ыльпычон-карлики и блестящими острогами добывали рыбу. Хотя мы и не были ыльпычонами, но на целый год запасли вяленого чира и вспоминали во время вьюг и метелей золотые челны сентября.

Евражки

На Севере крепко порой пристаёт к человеку какое-нибудь прозвище. И не к какому-нибудь середнячку, а к личности незаурядной, примечательной. Здесь неинтересных людей никак не отмечают.

В Каменском одна женщина, работавшая в рыбкооповской столовой поварихой, во всех разговорах значилась Евражкой. Слово это, какое-то милое и на слух добродушное, было мне незнакомо, и я все пытался узнать, что же оно обозначает. «А ты погляди на нее внимательнее, — говорили мне. — Сам и увидишь!» Женщина эта имела привычку держать руки, согнутые в локтях, перед грудью, кистями вниз. Была она доверчивой и доброй, могла в любую чепуху поверить.

А потом я узнал, что евражки — это зверьки такие.

Рыжеватые евражки, или, по-нашему, суслики, живут на сопках, среди камней в глубоких норах. Они намного крупнее материковых зверьков.

Евражки эти невероятно любопытны. Завидев или услышав, к примеру, человека, они становятся столбиками у входа в норки и, вытягивая голову, разглядывают пришельца. Передние лапки у них при этом лежат на животике полусогнутыми. Любопытствуя, они непрерывно что-то свистят. (А может быть, обмениваются впечатлениями по поводу увиденного?)

К ним можно подойти почти вплотную, если двигаться потихоньку. Но и скрывшись в норку, евражка через несколько секунд снова высунет наружу свою добродушную усатую мордочку и опять начнет тихонько посвистывать. Отойдешь подальше, смотришь: суслик снова стоит столбиком у входа в жилище.

Доверчивых евражек звери крупнее и нахальнее почти не трогают, и есть в этом свой смысл. Для них камчатский суслик — даровой работник. В недолгое пенжинское лето он запасает орехи на зиму. Труд этот нелегкий: нужно достать с веток стланика почти игрушечные шишки, вышелушить оттуда орешки-невелички, потом аккуратно уложить их — зерно к зерну — в подземных хранилищах. На эти запасы и покушается в голодное время медведь, да и белка не обзавается, если подвернется случай попасть в евражкины закрома. Нередко в отсутствие хозяина кладовую разворовывает его полосатый собрат —

бурундук. В стародавние времена, рассказывают, и тундровые люди — коряки — подкармливались у евражек. Считалось, что орехи, собранные ими, крупнее, вкуснее и полезнее для здоровья.

Евражку легко приручить. Однажды мы заехали по Пенжине далеко вверх, в места глухие, безлюдные. Быстро темнело, и, наскоро поставив палатку и отужинав, мы легли спать, чтобы с зарей начать рыбалку.

Утром я проснулся первым. Брезент провис, по нему мерно стучал дождь. Выглянув наружу, сразу увидел: почти у самого входа в палатку стоит столбиком евражка, в передних лапках держит кусок хлеба (очевидно, забытый нами накануне) и быстро-быстро жует его.

Увидев меня, суслик юркнул в траву, через минуту-другую снова появился и, отряхиваясь от росы, стал пристально разглядывать нарушителя своего спокойствия. Стараясь не делать резких движений, я бросил нашедшуюся в кармане галету. Свистнув, евражка мигом опустила на все четыре лапки и сделала шаг, остановилась, поднялась, поглядела на человека — опять на четвереньки. Так и добралась до галеты. Любопытно ведь, что же такое ей бросили!

Так, день за днем, мы приучали евражку есть из наших рук. Еду она даже клячила. Встанет на задние лапки — и ну сердито цвиркать...

За пять дней мы так привыкли друг к другу, что жалко было оставлять ее одну на острове. Потом туда ездили наши друзья и говорили, что тоже подружился с милым, любопытным сусликом.

Морские зайцы... и Пугачева

На просторах Пенжинской губы часто встречаются кекуры — островерхние большие камни. Они — сигнал лодочнику: здесь мель и подводные скалы. Ориентируясь по ним, можно беспрепятственно добраться до удивительного острова Аппапель.

С ходу пройти сюда на моторной лодке не очень-то легко: кругом отмели. Нам обычно удавалось высадиться только с западной стороны Аппапеля.

Интересен этот остров своими птичьими базами. Птицы сидят рядами на каменных выступах скал и, словно торгуясь о чем-то, беспрестанно кричат и, волнуясь, спорят друг с другом. Появление людей вызывает здесь великий переполох. Чайки с пронзительными криками носятся над самой вашей головой, а маленькие сероватые мартыны, нахальные и отчаянные птицы, никируют прямо на человека и лишь в каком-нибудь сантиметре от его лица взмывают вверх. Скажу прямо, очень это неприятно.

Если птицы все-таки скоро привыкают к людям, этого не скажешь о нерпах и лахтаках.

Они — весьма осторожные — долго не решаются взобраться на свои лежбища. Плавая и ныряя у берега, лахтаки во все глаза смотрят на пришельцев. Эти звери — одни из самых крупных ластоногих. Верхняя губа у них раздвоена, и поэтому зовут их морскими зайцами. Впрочем, еще и потому, что, как и косо́й, лахтаки очень боязливы. Малейшее резкое движение, незнакомый запах обращают их в паническое бегство.

С нами была милая женщина Оля. Она знала, как приручить лахтаков. Оля включала магнитофон с песней Аллы Пугачевой «Бубен шамана», и звери потихоньку, словно замороженные, выбирались на берег и вскоре как ни в чем не бывало лежали под горячим летним солнцем, млея от жары и веселой музыки. Морские зайцы почему-то не любили классических произведений, и сколько мы ни пытались, так и не приучили их к Баху и Шопену.

Лахтаки скоро привыкли к нам и разрешили подходить к себе на пять — десять метров.

Однажды я нечаянно подслушал Олин разговор с одним лахтаком.

— Какой ты красивый, губастик, — говорила Оля, пододвигаясь к нему. — И усы у тебя пушистые и невозможного роскошные...

Лахтак глядел на нее веселыми глазами.

— Ну, не бойся меня, пожалуйста! Я тебя только поглажу, ладно?

Лахтак насторожился и показал, фыркнув, свои зубы.

— Ух, какой сердитый! — продолжала Оля. — У тебя щетина вон какая серенькая, мягкая, на верное. Ну, не убегай!

Лахтак бултыхнулся в воду.

— Заяц ты и есть заяц! — вздохнув, сказала Оля. — Разве я похожа на лису? Тем более — морскую...

Но заяц был уже далеко в море, которое для него — всегда спасение от неожиданностей суши. Улепетывая от нас, лахтаки всегда приходили на косых: бросались из стороны в сторону, петляли, словно хотели запутать свои следы. Откуда им, глупым, знать, что следы на воде и так не остаются?

На Аппапеле лежбище лахтаков и нерп не большое — всего сто пятьдесят голов. А раньше, до ограничения на них охоты, и того меньше было. Толстая кожа морских зайцев шла на подошвы торбасов — меховых сапожек. Ласты же издавна считаются большим деликатесом. Потому и уничтожали зверя...

От Аппапеля недалеко до мыса Елистратова. Острова близ него — места глухие, никем не посещаемые, и птице, и зверю тут живет вольготно. Сразу гложешь от шума: здесь размещаются невероятно огромные базары бакланов, топорков, чаек. Птицы живут на отвесных скалах, издали похожих на неприступные башни старинных замков.

Звук мотора нашей лодки поверг в бегство многочисленную компанию лахтаков и нерп. Они не скоро успокоились и только к вечеру — не век же сидеть в воде! — поодиночке начали выбираться на пляжи с золотистым мелким песком.

Здесь мы увидели ларгу — красивую пятнистую толстуху. Ларги — те же лахтаки, только меньше, изящнее. Ларги не хотят водиться с трусливыми родственниками и место для отдыха выбирают отдельное — на голых плоских камнях. Они не очень пугливы, но и не сильно-то храбры. Оле удалось однажды подойти настолько близко к одной ларге, что зверь чуть не ударил ее хвостом по руке. Больше Оля с ними знакомиться не пыталась. Звери эти все-таки сильные.

Вот такие «зайцы» водятся в море, в которое впадает медлительная река Пенжина.

Праздничные снега

Вчера трава была зеленой и мягкой, а сегодня на нее упал иней, и она хрустит под ногами. Позади остаются темные следы; трава грустно пригибается к земле и не в силах распрямиться. Ручеек по бережку покрыт тончайшими осколочками льда, зато лужи — полностью зеркальны, и сквозь их стекло видишь пристывшие снизу яркие осенние листья. Воздух стал чуть терпким, кисловатым на вкус, и, вдыхая его, хочется идти без конца...

А потом через несколько дней внезапно прилетит самая зимняя, самая пушистая, самая теплая птица — снег. Ее приносит ветер.

Снег начался внезапно. Стало тихо, и осторожные сороки, перелетая с ветки на ветку, боялись выдать себя голосом.

Воздух наполнился легким движением. Снежинки медленно кружились и не хотели опустаться на землю.

Мороза убавилось, и я решил выйти за село, чтобы принять участие в снежном празднике. Тонко позвякивали худенькие сосульки на ветках тальника, и звук этот был поразительно громким. Неба не было. Был сплошной снег. Он покрывал деревья, кусты, лепился на мое лицо и превращался в холодные капельки воды.

Я вытянул ладонь, и на нее опустилась снежинка. Она была похожа на маленькую белую звезду — красивая и пушистая. Я не уберег ее — она тут же истаяла. Она не могла принять тепло. Снежинке нужен был, наверное, снеговик. Они бы поняли друг друга.

Сорочий подарок

За долгую зиму я привык к этой сороке. Вообще-то в селе было много других сорок: они летали возле домов, франтовато помахивая длин-

ными хвостами-вилками, заглядывали в окна, и ребятишки выносили им в стужу какую-нибудь пищу, чтобы птицы не замерзли от холода. С ними свыклись, как в больших городах с голубями.

Моя сорока была старой и мудрой. Когда термометр по утрам показывал минус пятьдесят градусов, она выбиралась из пакли за карнизом, где пристроилась на зиму, и начинала требовательно стучать в стекло. Я просыпался и подходил к окну, и сорока, скашивая блестящие глаза на термометр, что-то хрипло кричала. Наверное, она говорила: «Ну и засоня! Спишь в тепле, а я погибаю!..»

Я открывал форточку и, чтобы птица не ругалась больше, сыпал на большую фанерку-кормушку хлеба, обрезков сыра и колбасы. Она внимательно наблюдала за моими руками, отскочив на безопасное, по ее мнению, расстояние. Я знал, что сорока любит сушеную корюшку — маленькую рыбку, пахнущую свежими огурцами. Если я не клал корюшку на кормушку, сорока начинала браниться хриплым голосом и, прыгая по фанерке, так громко возмущалась, что на ее крики прилетало еще несколько птиц, чтобы посмотреть, в чем дело. Они, немного помолчав, тоже начинали браниться.

Тогда я высовывал в форточку их любимый деликатес — корюшку, и моя сорока, царственно поглядывая на остальных, выбирала самую вкусную рыбку. Только после этого другим птицам разрешалось приступить к дележу угощения.

Позавтракав, сорока куда-то улетала. Летала она низко, почти над самой землей: от незаметных снегом кустов и деревьев, от теплотрассы, опутавшей все село, все-таки было тепло, и птица не боялась замерзнуть.

Весной, когда стал таять желтый снег, а ручейки робко засочились из сугробов, сорока вздумала делать мне ответные подарки. То и дело я обнаруживал на кормушке фольгу от конфет, разноцветные стекляшки и невесты где найденные бусинки. Птица, наверное, думала, что я тоже люблю разные блестящие и сверкающие вещи.

Однажды я увидел на фанерке тонкое золотое колечко с аквамаринном. «Ого, — подумал я. — Сорока-то моя — воровка!» Пришлось повесить объявление, чтобы отыскать настоящую владелицу драгоценности. Ею оказалась девушка Лариса, живущая в доме напротив. Днем она проветривала квартиру и не закрыла форточку.

Когда солнце совсем пригрело землю и вспышками радуги засверкали в тундре первые цветы, все сороки исчезли из села. Улетели строить гнезда и выводить птенцов вдаль от людей. Одно дело, видеть, жить зимой с людьми, другое — налаживать свою семейную сорочью жизнь: здесь никто не должен мешать. Но каждую зиму старая сорока вновь поселялась за карнизом моего окна. Видно, привыкла.

Рододендроны

Есть на севере чудесные цветы — рододендроны. Весной они выпархивают из-под снега огромными желтыми бабочками, и сопки становятся лимонного цвета. Набежит ветер — и цветы, покачиваясь на стеблях, кажется, вот-вот взлетят и, набирая высоту, растворятся в синем воздухе.

Долга северная зима, и люты ее причиндалы — морозы, поземки, бураны. Солнце почти не показывается, и только древняя коряжская богиня Завина-кугагт помогает отличить день от ночи. Она обожает румяниться, и короткие зимние дни полностью использует на любимое занятие: небо, розовое с утра, постепенно становится к вечеру ярко-красным.

В стужу и холода с пронзительной тоской понимаешь, что быстротечное лето с нежными белыми ночами — самая большая награда за долгое терпение.

Засидевшись дома, пойдешь бродить по сопкам и вдруг вспомнишь, что тут, под ногами, цвели весной рододендроны, и ты по-детски радовался им и приносил букет из бабочек любимой женщине... А сейчас цветы спят. И находит вдруг на тебя беспричинное беспокойство: да тут ли они, под снегом? А вдруг их убьют морозы — и значит, не будет праздника весной?

Снег не так глубок. Отгребашь горсть за горстью — и вскоре в ямке видишь: вот они, рододендроны! Зеленые, крепкие на ощупь листья и среди них — о, чудо! — маленькие чешуйчатые бутоны. Значит, тоже ждут — не дождутся тепла прекрасные вестники весны.

Осторожно срываешь несколько веточек и, чтобы не замерзли по дороге, держишь под тулупом. Несколько дней стоят рододендроны в вазе, удивляясь теплу и свету — и вдруг, словно опомнившись, начинают набухать бутоны. И однажды утром, просыпаясь, ты не веришь чуду: прекрасные желтые бабочки расселись на тонких веточках среди зеленых листьев. И сердце твое успокаивается: значит, там, в полоне у зимы, копят силы все травы и цветы, чтобы вместе с тобой встретить весну.

Белый свет

Старый коряк рассказывал мне, что у гордого сильного Ветра есть жена — Заря, или Завина-Кугагт. Давно они живут вместе. Сколько коряки есть на свете, столько лет этим возлюбленным. Как только Ветер, возвращаясь из своих странствий, подумает о Завине-Кугагт, щеки ее начинают румяниться. Каждое их свидание вот уже которую тысячу лет — как в первый раз. Днями Ветер бродит в других странах. Только к ночи возвращается домой. Ах, если бы оборвать ход

времени, спутать день и ночь, если бы сблизить закаты с рассветами! Чтобы друг оставался рядом дольше, чтобы можно было бесконечно показывать ему чудеса: белый хрупкий подснежник, синюю незабудку среди снегов, прекрасные сережки ольхи, рододендронов роскошные цветы. И, собрав все свои силы, смешала Заря день и ночь, остановила ход времени — так получилась белая ночь. Она всегда или почти всегда безветренна, ветер любит Зарю.

Белые ночи — волшебное творение Зари. Чуть-чуть веришь древней сказке, когда не кончается белый свет, малиново полыхают небеса, а мглу истончает золотистая сетка лучей невидимого солнца. Выйдешь на улицу, поднимешь голову к небу, а там — белыми лебедями летят облака. Живущие где-то вблизи села чирки стремительно возникают в воздухе и пытаются подняться вверх, наверное, к чуть бледнеющему на небе созвездию Атага — Утячье гнездо. Так называют на Пенжине-реке Плеяды.

Ночь — призрачно-белая. Виден каждый листочек на молодых пушистых ивах. Пахнет березой, и клейкие зеленые сердечки ее веточек легко и радостно трепещут.

Где-то тихо-тихо поет вода, перескакивая с камешка на камешек. Иду на звук. Ручей спрятался в сумрачной лощине. Со всех сторон обложил его кедр — разлегся лапами на валунах и зачарованно глядится в воду. Легкие струны, бесконечно переплетаясь, играют с упавшими в ручей отражениями. Разбивает их серебряным хвостом неизвестно откуда взявшийся здесь хариус. Раззадорившись, пытается схватить рыбина легкую пушинку. Она спасется — прилипает к моей руке. Испугавшись меня, веселая рыба прячется где-то в камнях. Тоже не может уснуть. Слишком ясная, пьянящая стоит ночь...

Кое-где еще видны залежи снега. Он сжался в маленькие серые кучки. Из-под него уходят-убегают ниточки ручейков, унося последние силы зимы. Даже трава уже не боится снега: проросли зеленые стрелки какого-то растения и стоят, гордо покачиваясь над виновником своего зимнего заточения.

Постепенно ночь делается розовой, и легкие облака на горизонте — словно перья. Засмотревшись на них, тронешь нечаянно куст ольхи — и слетит с него сухой дождик из желтой пыльцы.

И вдруг в небе появится чудесная армада розовых чаек. Они, смеясь и плача, пролетят над тобой, и ты в оцепенении сразу и не поймешь, что розовыми их сделала заря.

В белые ночи и дышится легко, и радостно становится на сердце: наконец-то после долгой зимы резко и стремительно наступает лето; и вдруг возникает пронзительное желание — сбросить медлительность, засветиться внезапной улыбкой и жить торопливо и стремительно. Как все вокруг живет в северные летние ночи.

Придешь домой и не спишь. Ты словно побывал в храме и хочется говорить возвышенно и просто. Открываешь любимую книгу стихов и вдруг тебя озаряет: «А ведь правы коряки, придумавшие такую прекрасную сказку!» И у тебя есть чудесная женщина, которая долго и молчаливо ждет тебя, и румянятся ее щеки, когда ты думаешь о ней. И так необходимо иметь на свете белые ночи, чтобы почувствовать все это. И так станет жалко, что ты — не Ветер.

Труженики

Когда сопки стали желтыми от цветущих рододендронов, тундра — пестрой от трав и цветов, проснулись шмели. Это были особенные, северные шмели — грозные, в мохнатых бархатных шубках, с большими головами. По ошибке они иногда залетали ко мне в комнату. К своему стыду, первого увиденного в своей пенжинской жизни шмеля я принял за громадную осу и, конечно, пытался спастись бегством. Случившийся рядом Михаил, улынувшись, взял длинный карандаш и, подпихивая им яростно бьющегося о стекло шмеля к открытой створке, сказал:

— Это — труженик. До смертного часа он собирает нектар цветов для своей семьи.

Целое лето я видел шмелей среди цветущих растений. Они невозмутимо летали к ним на свидание даже в дождь и ветреные дни.

В один из осенних дней, когда холодок уже трогает лицо, а с берез падают яркие желтые листья, я увидел в низине под сопкой пышные заросли иван-чая, который обычно цветет до первых снегов. Подошел ближе, и на земле, среди сухой травы, обнаружил двух шмелей. Они ползали, вибрируя крыльшками. «Собрались погубить, что ли?» Но нет, вот один взобрался по длинной былинке на стебель иван-чая, передохнул, устремился к соцветиям и, запуская в бутон хоботок, принялся откачивать сладкий нектар. Другой шмель двигался медленнее. Крылышки его были обтрепанными, шубка как-то порыжелая, залоснилась, шмель был худой и, чувствовалось, старый. Но он дополз к цветам и тоже стал сосать нектар, а потом поднялся на верхушку растения и, быстро-быстро махая крыльями, набрался сил, как самолет перед стартом, и полетел.

Второй шмель последовал за ним. Во что бы то ни стало они должны были принести пищу своим семьям, потому что были их единственными кормильцами.

Река

Пришло наконец время сказать о главной реке камчатского севера — Пенжине, потому что без нее невозможно представить этот край.

Пенжина — самая благородная река этой территории. В верхнем ее течении растут великолепные лиственные леса, в среднем — тополь, сюда забредают из заказника «Река Белая» лоси, бегают стада снежных баранов, а вода буквально кишит разной рыбой.

Рано весной, как только сойдет с громким треском лед, вверх по реке начинает свой ход маленькая рыбка — корюшка. Она блестит радужными спинками, и завеса брызг от ее стремительного движения висит в воздухе. В стародавние времена, говорят, эту рыбу черпали с лодки берестяными тuesками — такими обильными косяками она шла. А сейчас ее ловят удочкой, реже — сетями...

Вслед за корюшкой устремляется вверх кета. Впереди косяка, часто за пятьсот метров или даже километр, движутся две-три огромные рыбины. Их спинные плавники стремительно рассекают воду, рыбины выпрыгивают на мели из волн и тогда видны их красноватые брюшки. Это — лоцманы. Они показывают косяку путь.

Косяк издали кажется голубым, и брызги, поднимаемые рыбой, — тоже голубые. Голубое сияние сопутствует этому могучему движению.

К лету Пенжина делается смиренной, медлительно катится меж берегов. И не один лодочник чертыхается на Мотином или ином другом перекате, где сквозь прозрачную водицу видно разноцветную гальку. Течет Пенжина извечным древним руслом, и отражается в ней чистое небо, а ночью — золотистые звезды качаются на волнах. Но забираешься на гребень холмистой гряды и вдруг видишь под собой все поречье, испещренное многочисленными протоками и проточками, ручьями и ручейками, питающими великую реку.

Спустишься вниз и идешь по течению. Берега становятся круче, обрывистее, и замечаешь: комли деревьев, вставших над рекой, кем-то потрепаны. На иных нет коры, другие выворочены с корнями. Кто это натворил? Да вот эта медлительная Пенжина: в пору своего половодья несла глыбы льда, ревела, стремительно двигалась к морю, подминая все на своем пути. А потом, застыдившись, прикинулась тихоней: в иных местах, на перекатах, куропатка хвоста не замочит.

Летом пенжинцы часто ездят на островки, лежащие в великом множестве по этой реке. Здесь настоящие заросли черной и красной смородины. Семена ее каждый год заносится с верховьев, и молодая поросль кустарников буйствует даже на песке. И что странно, грибы здесь тоже растут и на песке, и среди... галечника. Иногда они тянутся ровными рядами, словно специально кем-то посаженные. Это также натворила река: занесла споры во время весеннего половодья.

Пенжина все еще дикая река. Ее не отравляют ни фабрики, ни заводы — вода чистая. Много десятков километров пройдешь по ней на «моторке» прежде чем встретишь жилье. Один человек,

по имени Ахмет, видимо, решив сделать реку более обжитой, поставил недалеко от села Каменское бревенчатую избушку для охотников и рыбаков. Ее так и прозвали Ахметовым зимовьем. Больше он не успел ничего построить: умер. И по всему течению Пенжины нет ни одной избушки.

Светлая тишина

Грибы были разбросаны по зеленому бархатистому мху так щедро, что казалось: это добрый корякский божок Пихлач постарался доставить нам радость. Крепкие моховики собирались в плотные кучки и наблюдали издали за хороводами красноголовых подосиновиков.

Пахло жимолостью и брусникой; в тихом, прозрачном воздухе падали с берез раздумчивые листья. Их сталкивали бойкими лапками бурундуки. Полосатые зверьки выбирались из зарослей стланника и, громко цвиркая, улетывали на деревья повыше. Видно, пугали их человеческие голоса. Не в пример тем их собратьям, живущим у села Каменское на сопках, которые настолько привыкли к людям, что подпускают к себе на один-два метра.

На голоса бурундуков прилетали сороки, чтобы посмотреть, кто явился в лес, и, увидев всего-навсего двух мужчин, и к тому же без ружей, разочарованно стрекотнув, отправлялись искать более захватывающих зрелищ.

— Жалко, что это последние грибы, — сказал Михаил. — Воздух ночами становится холодным и не дает силы молоденьким грибкам...

Действительно, небольшие, почти пуговичные подосиновики — сухи, тусклы. Обабки напхались водой, их тоже брать нельзя. Однако выводки боровиков были крепкими. Их могли убить только заморозки. Малышей мы прикрывали сухими листьями: так уцелеют и от солнца, и от заморозков, и, может, набредет на них удачливый грибник и тоже вернется домой, ошастливленный лесом.

Ближе к вечеру в кустах начал запутываться легкий туман. Он был робкий и не смел подняться выше, к деревьям. Грибные заросли не кончались. Мы даже устали от этого изобилия и выбрали только самые тугие грибы. На их шляпках сверкали прозрачные росинки.

Туман прибывал. Стало сумрачно и тихо, как перед дождем. Корзины наполнились доверху, и мы остановились передохнуть от бесконечных поклонов.

— Странно, — сказал Михаил, — не слышно реки...

«Грибное Эльдorado», открытое нами, находится на лесистом берегу реки Белой, которая впадает в медлительную Пенжину.

На Белой много галечных перекатов, и вода быстро несется по ним. Глухой шум слышен да-

леко. А тут — тишина. Лишь пикнет какая пичужка.

— Знаешь, — сказал я, — давай найдем какой-нибудь распадок. Он обязательно выведет к реке, а там определим, как далеко мы забрели...

Наступила серая ночь, обычная для сентября, и мне было немножко не по себе. Здесь, в местах, заросших огромными камчатскими тополями, красавицей цозенией, ольхой, в густой стене кустарника и высокой, скрывающей человека с головой, траве, говорят, передко натыкались на медведей. Я не верил этим рассказам, пока однажды сам не увидел медведицу с пугливым сеголетком, напролом несущихся от лодки в глубь одного из бесчисленных островков.

Чертыхаясь, мы наконец вышли из зарослей кедрача. Земля под ногами — мягкая, как ковер. Ее покрывала местами невысокий кустарник. Я наклонился над одним из кустиков: он был усыпан крупными ягодами. «Точно — медвежий угол, — попробовал пошутить я. — Медведи ведь любят голубику...»

— Дальше тундра, — не слушая меня, сказал Михаил. — Давай повернем назад. Деревья ведь все-таки растут ближе к воде.

И снова мы нырнули в густую траву, и, продираясь сквозь чащобу ивняка, я начал насвистывать добрую мелодию. Хотелось заглушить страх: мы вышли на большую тропинку и не надо было большого ума, чтобы догадаться, кто ее проложил в этих зарослях.

— Коряки говорят, что в лесу живет маленькая женщина Нонгаач, — обернувшись ко мне, сказал Михаил. — Она пасет зверей. Может, по этой тропке гоняет лосей на водопой, а?

Голос друга был мягким, и я понял: улыбается, дух мой поднимает.

Взошла луна, и в неясном свете мы разглядели высокое дерево. Михаил ловко вскарабкался на него и увидел, с какой стороны тянется туман.

Мы снова продирались сквозь густой кустарник, переходили вброд ручейки с холоднющей водой: от нее начинало ломить ноги.

Наконец в светлой тишине послышался слабый шум воды. Теперь шли только на него.

Когда потянуло сыростью и лицо от легкого тумана сделалось мокрым, в просветах между деревьями мелькнула река.

Спустившись по крутому откосу вниз, к берегу, мы поняли: вышли километра на два выше того места, где оставили лодку. Уму непостижимо, как мы могли так заблудиться. Уж не Нонгаач ли над нами подшутила? Во всяком случае, можно было облегченно улыбнуться и закурить.

Мое окно

На камчатском Севере я жил в маленькой, но замечательной комнате коммунальной квартиры. Здесь можно было сушить грибы, ставить в вазу

листья осенних деревьев на подоконнике единственного окна, в которое по утрам заглядывало солнце.

Окно было для меня вроде цветного телевизора (до Каменского телевидение еще не дошло). В нем были волны синих метелей, отблески северного сияния, тишина белых ночей. Но, главное, всегда можно было высмотреть, что делается на вертолетной площадке, расположенной на невысокой сопочке. Ее хорошо видно из этого окна. Прилетала винтокрылая «стрекоза» изредка, и каждый раз случалось что-нибудь чудесное: или почта прибывала, или новые люди появлялись, или просто хорошие парни-вертолетчики заходили в гости.

Осенью в окно бились редкие серые дождевики, и среди них вились яркие листья берез и ольхи. Даже в сумрачную погоду в моем доме все равно было светло.

Осенью я почевал дома редко. Почти каждую ночь уезжал с другом на острова Пенжины, недолго спал в лодке под тентом — над ним вполголоса шумел кривой дождик. Прохладный ветерок будил нас, и мы, смеясь, готовили удочки. В тумане ветер приносил откуда-то сухие травинки, листочки, он был нежным и мягким. Мой друг улыбался ему.

Надо сказать, что дружба — первый закон Севера. «Ни в коем случае не пускайся в путь один» — это одна из его заповедей. И я по достоинству оценил ее, побывав с Михаилом в самых укромных уголках Пенжины. Он помог мне увидеть и понять больше, чем я смог бы в одиночку. И выручал, конечно, не раз.

Мы возвращались домой усталые, мокрые, лохматые, возбужденные от увиденного и услышанного. И вроде бы все это были мелочи, наподобие рассказанных мной выше, но нами они ощущались как жизнь.

Однажды я сидел у окна. Бились в него редкие снежинки и, падая вниз, превращались в маленькие белые лепешки. В комнате пахло брусникой и кедрачом, пучки которого были поставлены в высокую красную вазу. Тихо и покойно. И вдруг меня посетил особое состояние. Что-то вроде итога, принесшего с собой какую-то значительность и внутреннюю полноту.

Можно жить на земле, сравнивать себя с другими, огорчаться и радоваться, и знать, что все еще впереди, и зачем спешить: можно подождать и с путешествиями, и с открытиями. Все придет. Но судьба может обернуться вот таким вечным ожиданием, и в итоге — ничего.

В этом особом состоянии я понял, что открыл запахи и смысл тундры, леса вдоль Пенжины, рек и небольших озерков. «Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется, что пусто, то сам виноват», — писал М. Пришвин.

Я сидел у окна и думал, как хорошо, что на Камчатке мне досталось вот это окно, из которого даже сидя дома можно увидеть так много.

Сны

Уже уехав с Камчатки, я то и дело ловил себя на том, что говорю о ней: «у нас, на Севере», и не могу привыкнуть к размеренной и, вроде бы, отлично налаженной жизни.

Однажды на ночь читал «Дорогу никуда» Александра Грина и вдруг среди заманчивого, острого сюжета — простая вещь: «Галеран видел оранжевые цветы на колючих стеблях, недоступных разящей силе лучей солнца. В мире было много птиц и растений, им никогда не виденных. «Как монотонно и как нелюбопытно я жил», — размышлял Галеран, испытывая беспокойство, зависть к неузнанному, что бы оно ни было, сожаление о пороге старости и несколько смешное желание жить вторую, ко всему жадную жизнь... Ему вдруг безумно захотелось увидеть все вещи во всех домах мира и проплыть по всем рекам...»

Я захлопнул книгу и долго думал о правде этого желания — все увидеть.

Я узнал Север, узнал его травы и цветы, его птиц и животных. Можно было бы рассказать еще и о медведях — бурых и даже белых; о лютом холоде, когда по местному радио передают, что рабочий день отменяется; о том, что природа там все-таки благосклонна к человеку и позволяет выращивать картофель и овощи, а в лесах вдоль моей реки много соболя и росомах. Но я не буду говорить об этом. Разве мы любим свою землю только за чудеса?

...Ночью мне снятся сны. Они о Севере, о Пенжине. О тополях с оранжевыми листьями, о грибах-великанах, об утках и белоснежных лебедях, о зимней радуге в небе... И просыпаясь, я понимаю, что счастлив.

РАЗВОД

Рассказ

Рассказ
САЙФУЛЬМУЛЮКОВ

Рисунок
Е. Крутских

— Я не могу больше так жить! Хватит! Я брошу это несчастное сапожное дело и займусь живописью. Из меня еще выйдет настоящий художник. Не зря же люди говорят, что у Ибрагимовича золотые руки. А я добавлю — и голова. Да, да, голова! Двоюродный брат моей матери — художник в Москве. И только невежды могут говорить, что он такой же сапожник, как и я. Он художник и я тоже художник. Пусть он рисует картины, а я ляпаю паршивые коврики, чтобы прокормить мою семью. Но невежды, даже в нашем забытом аллахом городке, стали воротить нос от ковриков. Люди разбогатели, им теперь подавай настоящие ковры. Мне тоже хочется настоящего искусства, и я ухожу к новой жизни. А ты оставайся и попробуй найти еще такого осла, как я, чтобы ишачил с утра и до вечера. — Мой отец передохнул и, глядя куда-то в потолок, продолжил: — Дорогу осилит идущий, а на моей дороге ты лежишь камнем. Ну почему, почему после целого дня работы я не могу выпить стаканчик вина? Где это написано, где это сказано?!

Так говорил мой отец, меряя комнату своими огромными шагами. Его темные глаза еще сильнее потемнели от возмущения.

Моя мама сидела на диване и штопала мои носки.

— Я уйду, уйду к маме, — твердо сказал отец и остановился посреди комнаты, ожидая, что же скажет на это моя мама.

— Уходи, — спокойно сказала она, не отрываясь от штопки, — только детей возьми с собой. Я не смогу их прокормить.

Мне было жалко маму, но я боялся, что, если подойду к ней, отец не возьмет меня к бабушке.

И вот мы — отец, я, мой братишка — вышли из дома. Отец выкатил из сарая тележку с железными вихляющими колесами, погрузил кое-какие вещи, в том числе и синий чемоданчик с красками, и, посадив нас с братом на тележку, покатыл ее вдоль пыльной, заросшей по краям зеленой травой улицы. Отец, чертыхаясь и дымя самокруткой, толкал тележку перед собой, а мы с братом, распалившись, раскачивали тележку из стороны в сторону, и от этого она еще больше виляла и скрипела. Отец иногда покрикивал на нас, и мы ненадолго замирали. Знакомые при виде нас улыбались и, любопытствуя, спрашивали у отца:

— Куда ты везешь своих орлов, Рустам Ибрагимович?!

— Ослу под хвост... — не останавливаясь, отвечал отец. — На базар продавать... К всевышнему...

Было тихо, жарко, было лето, и я видел, как на темном морщинистом лице отца появились капельки пота. Из-под отцовских сапог и из-под тележки поднималась серебристая пыль и долго висела над дорогой.

Вот наконец отец остановился перед домом, где жил его старый друг, сапожник Хамид.

Когда Хамид приходил к нам, прихрамывая, опираясь на сучковатую палку, худой, с добрыми морщинами на продолговатом лице, все домашние знали, что они с отцом будут долго и неторопливо беседовать за бутылочкой вина о секретах сапожного мастерства и вообще о жизни. Хамид был хорошим, настоящим сапожником, к нему приносили обувь на починку со всего города, а отец мой занялся сапожным делом недавно.

Вот наша тележка остановилась перед домом, где жил Хамид. Отец осторожно ссадил нас на землю и, сделав свирепое лицо, наказал:

— От тележки — ни шагу!

Когда отец открыл узкую калитку, ведущую в дворик, заросший акациями, к дому Хамида, мы с братом побежали к колонке за углом и, брызгая друг на друга, напились холодной воды, а потом медленно вернулись и легли на теплую траву в тень тележки.

Какие-то коричневые букашки бегали, прыгали среди зеленых стебельков травы, и мне представлялось, что это лес, а я повелитель леса: сухой травинкой я опрокидывал насекомых на спину. В это время брат мой заснул, и я не заметил, как вскоре сон сморил и меня.

Мы проснулись оттого, что солнце напекло нам затылок. Солнце уже клонилось к горизонту, а отца все еще не было, и нас это начинало тревожить. Мы проголодались. Мы пили воду из колонки, в животе бурчало и есть хотелось еще больше... Наконец, вздохнув о бабушкином молоке, вспомнив о домашних лепешках и сравнив длинный путь к бабушке и короткий — домой, мы с братом дружно взялись за гладкую деревянную ручку тележки и потянули.

Когда мы вносили вещи в дом, мать с улыбкой принимала их у нас и раскладывала по местам. А потом мы уселись за стол и стали с отменным аппетитом уминать рассыпчатую картошку, обильно макая ее в желтое подсолнечное масло. Мама, подперев голову рукой, подкладывала нам, спрашивая при этом:

— А где же отец-то ваш? Куда ушел?

— К ослу под хвост, — весело отвечали мы. — На базар... К всевышнему... К Хамиду зашел.

Мы уже засыпали, когда пришел отец. Не зажигая света, он на цыпочках подошел к нашей маме.

— Дома орлы-то наши?

— Дома, дома, — шепотом ответила мама, и мне в ее голосе послышалась и радость, и обида. А обижаться-то было нечего. Мы же действительно были дома. Когда я заснул, то мне приснилась теплая козья шкура, козье молоко, бабушка. Это мой отец, виновато улыбаясь, укрывал меня своей любимой тужуркой из козьего меха.

Судеб Посланник

Юлий
МЕДВЕДЕВ

КОГДА МЫ ГОВОРИМ, ЧТО ЖИВЕМ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ, ТО ЭТО, МЕЖДУ ПРОЧИМ, ОТНОСИТСЯ И К КЛИМАТУ. СЕРЕДИНА ДВАДЦАТОГО ВЕКА НЕТИПИЧНА ДЛЯ ПРЕДЫДУЩИХ ТЫСЯЧЕЛИТИЙ И ДАЖЕ ДЛЯ ПОСЛЕДНЕГО МИЛЛИОНА ЛЕТ. ЧТО ГОД НА ГОД НЕ ПРИХОДИТСЯ — ЭТО КУДА НИ ШЛО. НО КЛИМАТ МОЖЕТ БЕСПОВОРОТНО БЫСТРО ПЕРЕЙТИ К ИНЫМ СРЕДНИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ. В СУЩНОСТИ, МЫ СТОИМ НА КРАЮ, ПОТОМУ ЧТО МЕЖЛЕДНИКОВЫЕ ПЕРИОДЫ ДЛИЛИСЬ ОБЫЧНО ДЕСЯТЬ-ДВЕНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ, А ПОСЛЕДНЕЕ ОЛЕДЕНЕНИЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ПРИМЕРНО 10 800 ЛЕТ НАЗАД. В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ВСЕ ЧАЩЕ СТАВИТСЯ ВОПРОС: НЕ ГРЯДЕТ ЛИ НОВАЯ ЛЕДНИКОВАЯ ЭПОХА?..

ЧЕМ БЫСТРЕЕ БЕГ, ТЕМ ДАЛЬШЕ НАДО ЗАГЛЯДЫВАТЬ ВПЕРЕД. ПЕРЕМЕНЫ МОГУТ НАСТУПИТЬ И РАНЬШЕ, НО МНОГОЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ СЕГОДНЯ, РАССЧИТАНО НА ВЕКА. ПЛОТИНЫ ИЛИ, СКАЖЕМ, ЗАХОРОНЕНИЕ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ. ЛЕДЯНОЙ ПЛУГ СДВИГАЕТ ТО, ЧТО СТОИТ, И ВСКРЫВАЕТ ТО, ЧТО БЫЛО ЗАРЫТО... МЫ ШИКУЕМ СЕГОДНЯ БЕНЗИНОМ РАДИ СКОРОСТИ, ЧАСТО БЕССМЫСЛЕННОЙ, И, НАВЕРНОЕ, ЗАТРУДНЯЕМ ПРИСПОСОБЛИВАНИЕ ЭКОНОМИКИ БУДУЩЕГО К ЛЕДНИКОВЫМ УСЛОВИЯМ. ДА ЧТО ТАМ ЛЕДНИКОВЫЕ. ЭКОНОМИКУ ДЕЗОРГАНИЗУЮТ И КУДА МЕНЬШЕ СДВИГИ. ОСОБО ЧУВСТВИТЕЛЬНО СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. КОРМИЛЕЦ МИРА, ОНО СТАРАЕТСЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ, ВИДЯ ЗА СТОЛОМ КАЖДЫЕ ШЕСТЬ СЕКУНД НОВОГО ЕДОКА. МОБИЛИЗОВАНЫ ВЫСШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ АГРОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ. НО ИЗВЕСТНО: ВСЕ ЧЕРЕСЧУР ВЫСОКОЕ ОПАСНО БАЛАНСИРУЕТ. НАИБОЛЕЕ УРОЖАЙНЫЕ КУЛЬТУРЫ ВПИСАНЫ В СУЩЕСТВУЮЩИЙ КЛИМАТ. ДАЖЕ МАЛЫЕ ЕГО ВАРИАЦИИ БЫВАЮТ ТЕПЕРЬ, В ЭПОХУ ИЗОЩРЕННОЙ АГРОНОМИИ И СЕЛЕКЦИИ, ГУБИТЕЛЬНЫ. ПОДСЧИТАЛИ, ЧТО ОДИН ГРАДУС ЦЕЛЬСИЯ ВЫШЕ СРЕДНЕСЕЗОННОЙ НОРМЫ УРЕЗАЕТ ДОХОДЫ ФЕРМЕРОВ, СЕЮЩИХ ЯРОВУЮ ПШЕНИЦУ НА СЕВЕРНЫХ РАВНИНАХ США, БОЛЬШЕ ЧЕМ НА 130 МЛН. ДОЛЛАРОВ, А УМЕРЕННОЕ СОКРАЩЕНИЕ ОСАДКОВ — ЕЩЕ НА СТОЛЬКО ЖЕ.

МЫ НА КРАЮ ЕЩЕ И В ТОМ СМЫСЛЕ, ЧТО ЗА РОСТОМ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМНОГО ШАРА НЕ ПОСПЕВАЕТ РОСТ РЕЗЕРВОВ ПИЩИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ОСТАВАТЬСЯ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ. ТАК УЖ ПОВЕЛОСЬ: БЛАГОВОЛИТ КЛИМАТ, И ВСЕ ЖИВОЕ ДОВЕРЧИВО РАЗМНОЖАЕТСЯ И, ГЛЯДИШЬ, РАСПЛОДИТСЯ СВЕРХ ТОГО, СКОЛЬКО СМОЖЕТ ПРОКОРМИТЬСЯ.

КЛИМАТ СЕЙЧАС ОПАСНО БЛАГОПРИЯТЕН, ПОТОМУ ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ, ЧТО СЛЕДУЮЩЕЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ БУДЕТ ХУЖЕ, ЧЕМ С 1966 ПО 1978 ГОД, ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ КЛИМАТОЛОГАМ ВЕСЬМА ВЫСОКОЙ.

НО МОЖНО ЛИ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ ТО, ЧТО ОТ НАС НЕ ЗАВИСИТ, ЧТО СТИХИЙНО?

Во всяком случае, можно сказать с уверенностью, что весна и лето были в то время гораздо красивее, чем теперь. Кто говорит обратное, тот лжет,

СИЛЬВЕСТР ДЕ САСИ
(1785 Г.)

Такая история с географией

Года два назад в передаче «Жизнь науки» академик М. поделился с телезрителями печалью от «многкой мудрости». Им, физикам, тоже хочется верить в разные такие штуки, в инопланетян, неопознанные объекты, но как верить, когда нет оснований.

Мне ваша искренность мила, скажет телезритель физику, но истина дороже. Человеку дайте воодушевления, дайте обольститься немножко и воспарить, а там видно будет, кто прав. Оно, пожалуй, и науке полезно. Возьмем Шлимана.

Что за фигура... Толстосум. Аккуратист. Сентиментальный бюргер. В родном городке Шлимана был старинный замок, и люди шушукались о закопанных кладах. А во «Всемирной истории для детей», подаренной мальчику отцом, была красочная картинка: обьятая пламенем Троя. Она и зажгла воображение.

Не останавливаясь перед раскодами, преодолевая препятствия со стороны научной общественности, считавшей, что он делает не то и не так, препятствий со стороны турецких чиновников, мучимых вопросом, что они будут с этого иметь, Шлиман упорно рыл холм Гиссарлык близ Дарданелл и откопал богатейший кусок истории. Откопал «град Приамов». Легендарные подвиги героев «Илиады», троянцев и аргивян, были на самом деле, как и верил просто душно археолог-самоучка, пересказом исторических событий. Гомер пел о том, что происходило всего лишь за шесть столетий до него.

Между тем срок действия концессии на раскопки истек. Начались хлопоты о продлении. Пока суд да дело, Шлиман предпринял раскопки в Греции, на востоке Пелопоннеского полуострова. И снова удача: он открывает сокровища неведомой и изысканной культуры, ныне известной под названием микенской.

...Две тысячи триста лет назад город Микены, находившийся на обширной равнине в ста километрах южнее Афин, переживал пору славы

и экономического расцвета. Раскопки, начатые Шлиманом и продолженные другими, обнаружили бесспорные следы экономического и военного могущества древних микенцев. Остатки массивных городских ворот с двумя каменными сторожевыми львами, стены, башни... Это была твердыня власти. Веками Микены держали в своих руках торговлю на Эгейском море. Но затем величие Микен стало меркнуть. В 1230 году до нашей эры дворцы и житницы города были разрушены.

Что произошло?

Микены были покорены дорийцами. Завоеватели вторглись с севера и опустошили микенскую Грецию, оставив после себя дорийский диалект, на котором и говорили здесь в классическую эпоху, много веков спустя. Вполне установившийся взгляд.

Человек, который его не принял, — американец Рис Карпентер, автор книги «Разрыв в греческой цивилизации», — шел по стопам Шлимана. Но, в отличие от него, он был не дилетант, а специалист, профессор, авторитет. Впрочем, научное вольнодумие бывает не только следствием неискушенности.

Вторжение северян, говорите? Полноте: неоткуда им было вторгаться. Район севернее Микен был населен «своими» греками, отнюдь не чужаками. С востока? Но острова эгейского архипелага неприступны. На северо-востоке Афины. Они оставались независимыми, что вряд ли было бы возможно, окажись они на пути захватчиков. На западе остров Кефалония — опять же свой, греческий — загромождает все подходы.

В общем, ни сушей, ни морем предполагаемые пришельцы не воспользовались, во всяком случае, не оставили никаких следов своего прихода. Цивилизация пришла в запустение, местность обезлюдела, словно чужеземцы — как писал один историк — «не поселились в какой-либо из областей, которые они покорили, а ушли».

Они и не приходили, — поправляет Карпентер. Не было никакого вторжения, а было рассеяние, бегство, эвакуация микенских жителей. Что за причина? Ответ, разясняет ученый, нужно искать в мифах, как некогда Шлиман искал у Гомера ключ к истории. Ответ содержится в мифе о Фазтоне, который упомянут в диалоге Платона «Критий». Неосторожный юноша не смог сдержаться от огнедышащих коней, и они чуть не спалили Землю. У этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда: тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей и поэтому через известные промежутки времени на Земле возникают гигантские пожары.

Лед и пламень

Чтобы обосновать свою версию, Карпентер углубился в историко-климатические изыскания. Тут была одна загвоздка. Засуха, погубившая микенскую цивилизацию, не затронула Афин. А от одного города до другого, как уже сказано, всего сто километров.

Для начала нужны доказательства перемены климатических условий. Ученый нашел их. В гавани, где приставали суда, под водой сохранились железные кольца, вделанные в стену. Зачем они понадобились? К кольцу привязывали нос корабля. Значит, когда-то они были над водой, но потом уровень моря поднялся. Есть и другая отметка уровня воды — дырочки, просверленные в древесине старинных пирсов жучком-древоточцем. Эти дырочки, найденные Карпентером во многих пунктах средиземноморского побережья, от Гибралтара до Александрии, когда-то были почти вровень с водной поверхностью: теперь они — много выше. (Знаменитая стена у Дербента, закрывавшая проход между кавказским хребтом и Каспием, тоже когда-то высилась над водой, а теперь погружена в воду на несколько метров, что, между прочим, косвенно подтверждает гипотезу известного советского историка Л. Н. Гумилева о причине гибели «русской Атлантиды» — Хазарии).

Менялся уровень Средиземного моря. Однако море сообщается с мировым океаном. Значит, менялся уровень наполнения всей этой чаши. Куда же девал свою воду океан? Со всех земных точек она стекает обратно, и, казалось бы, — если суша не поднимается, океан не может обмелеть.

Ледники! Вот единственные достаточно крупные расхитители воды. Они способны надолго изъять из обращения несметные массы жидкости, превратив их в твердое тело. Уровень моря служит регистратором степени общего оледенения. Чем ниже уровень, тем больше воды ушло в ледники.

Наступление ледников, занявших пол-Европы, отклонило к югу атлантические дождевые штормы. Циклоны, пересекающие сейчас Центральную Европу, тогда проходили над средиземноморским бассейном и северной Африкой и далее через Месопотамию, Аравию, Персию, Индию. Сахара мокла под дождем в течение всего года, пока Европа цепенела во льдах.

С окончанием ледникового периода пояс иссушающих пассатов шириною примерно в 1600 километров стеганул по Северной Африке, превратив ее в пустыню. Однако пассаты привязаны не столько к географической широте, сколько к пози-

ции Земли относительно Солнца. Во второй половине июля и в августе вслед за летним солнцем пояс засушливости сдвигается к северу, особенно в восточном средиземноморье, до тех пор, пока не покроет Эгейское море.

Афины, полагает Карпентер, могли избежать печальной участи близлежащего района. Что тут удивительного? В горных местностях даже близкие соседи подчас находятся в очень разных условиях — смотря на какой стороне ваше жилье. Когда теплый влажный воздух вползает на гору, он охлаждается наветренной стороной, за точкой росы начинается конденсация, вот-вот хлынет дождь. Когда же, перевалив через горную грядку, массы воздуха сползают в долину, то даже сохранив часть влаги, они не уронят ни капли, потому что температура воздуха растет. Облака рассеиваются. Подобно тени, расстилается за горою зона, защищенная от осадков. И вот результат: в Аттике выпадает за год осадков чуть ли не втрое меньше, чем в среднем по земному шару.

Даже незначительное сокращение и без того скудного пайка может оказаться смертельным для флоры и фауны отдельных районов Эллады. Вот это и случилось с Микенами. Некогда цветущий город, очаг великой культуры, попал в «тень засушливости» и погиб. Так истолковал наш современник — по подсказке древних — миф о Фазтоне.

Аранжировка классических мотивов

Раннее детство и поздняя старость особенно чувствительны ко всему. Климат наиболее мог влиять на ранние цивилизации и, наверно, будет влиять на поздние. Эта мысль нас посещает во время каждой крупной непогоды, когда кажется, вот-вот хитросплетение коммуникаций нашего чересчур искусственного мира порвется, и топор, кирка, лом станут, быть может, единственными надежными средствами борьбы за существование.

Колыбель цивилизации, Месопотамия, была на бойком месте, в тесном окружении соседей, ее осаждали, теснили, раздирали соперничавшие между собой владыки. Им труднее было объединить конгломерат городов, чем, например, египетским фараонам в узкой нильской долине. Контраст Египту составляли и местные реки. Месопотамские реки подчинены не столь отлаженному климатическому циклу, как в тропической Африке. Они содержат снежные вершин Армении, а таяние этих снегов

целиком зависит от капризов весенней погоды, и потому паводка можно ждать каждый день с апреля до июня.

Кроме того, они очень глинистые. Евфрат несет так много глины, что его ложе странным образом поднялось над уровнем плоских берегов. В районе древнего города Ур река оказалась шестью футами выше полотна железной дороги, проложенной вдоль нее уже другой цивилизацией.

Это облегчало технику орошения. Достаточно прорыть канаву на берегу, и вода идет на поля. Но берега могли не выдержать напора поднявшихся вод. Ринувшись в промоины, вода заливала плоские равнины Междуречья во всю неоглядную ширь, так что на всем свете не оставалось сухого местечка. У каждого времени свои кошмары! Картина всемирного потопа возникла скорее всего в сознании провинциального шумера.

Так или иначе, природа предоставила народу этой страны плодородную почву, нанесенную долгим усердием рек, солнце без ограничений, изобилие вод. Люди терпением и трудом осушили землю, и она стала родить хлеб. А когда рождает земля, плодится и человек. Больше едоков надо накормить, — пора расширять хозяйство. В итоге месопотамская ирригация задала образцы на много веков вперед.

Ирригационный бум принес свои плоды. Энергия этноса била через край. Перекраивались царства, сменялись династии, воздвигались дворцы и храмы, возникали города и исчезали города... Потом наступило успокоение. Расцвели ремесла, торговля. Куда же все это делось?

Закат месопотамской цивилизации идет рука об руку с медленным умиранием ее земледелия.

Как и египетское, оно развивалось на поливных землях. Однако на плоской равнине Двуречья уклон почвы минимален, чуть больше четверти дециметра на полтора километра, реки текут еле-еле, и вернуть в оросительную систему лишнюю воду с полей невозможно: она с грехом пополам добирается до отдаленных участков и застаивается.

Реки во всем мире солончатые, а Тигр и Евфрат — больше других. Вода испаряется, соль остается. Насыщается солью орошаемая почва. Чтобы восстановить плодородие, посевные площади надо время от времени дренировать, промывать. Но обитатели древних царств этого приема не знали. К 2400 году до н. э. относятся первые документированные сведения о засолении почв в Южной Месопотамии, о посевах неприхотливого ячменя там, где прежде росла рожь. Постепенно центр цивилизации перемещается к северу, к ассирийским городам; в начале последнего тыся-

челетия до нашей эры Ур уже покинут, а месопотамская культура укрывается в Ниневии и Нимруде.

Что положило конец великой эпохе Междуречья? Нашествие монголов, якобы разрушивших ирригационную систему? Или — что гораздо правдоподобней — засоление почв, обмельчание и заиливание каналов, восстановить которые не хватало сил у дряхлеющего общества?

Земледелец действовал сознательно. Но не предвидел последствий своих дел. В западне, которую готовит будущее, древний человек мог усматривать разве что противодействие роковых сил. Греческий поэт увековечил человеческую недалековидность в образе царя Эдипа.

Заблуждения прошлого простибельны. Но у потомков память не имеет права быть короткой.

Причины причин

Любимое занятие детей и ученых — нанизывать на каждое «потому что...» новое «почему?» Они и нам не дают свикнуться хоть с чем-нибудь навсегда.

Причин колебаний климатического маятника множество: дрейф континентов; изменение солнечной активности; изменение отражательных свойств земной поверхности; изменение отражательных свойств атмосферы; изменение земной орбиты; изменение состава атмосферы, колебания атмосферной циркуляции, вроде тех, о которых уже говорилось.

Предполагалось, например, что Земля и вся солнечная система временами попадают на своем пути в облако межпланетной пыли, солнце зашторивается от нас, и поверхность планеты охлаждается. Но такие облака уж очень далеко от нас. Определенно известно, что последняя ледниковая эпоха была примерно 19 тысяч лет назад. Если бы ее вызвало зашторивание, эта «штора» была бы все еще достаточно близко от нас, чтобы ее могли углядеть телескопы.

Другой источник климатических возмущений находят в самом солнце. При этом оказывается, что рост ледников связан не с понижением, а наоборот — с повышением солнечной радиации.

Что такое ледниковый период? Это избыток снега и льда в высоких широтах. Дожди и снега приходят чаще со стороны океана, из тропических широт. Раскошегаренная солнечная котельная натопит сверх обычного экваториальную зону, эта парилка даст большой пар, и паровая машина атмосферы заработает быстрее, перекачивая все новые и новые массы влажного пара вверх, к Арктике. Мощность паровой машины зависит от разницы температур в ее котле (на экваторе) и конденсоре

(полярная зона). В итоге полярные и субарктические районы получают прибавку снега и нарастят постепенно ледниковые щиты. Если же истопник не угомонится, тогда и на высоких широтах потеплеет, вместо снега прольются дожди, ледники начнут таять, исчезнут совсем. Наступит банная, влажно-теплая эпоха...

Однако не обязательно искать все причины «наверху». Нельзя ли в собственной биографии Земли найти объяснение ее климатических штатаний?

Поверхность земли, словно плащ, которым укрылся спящий богатырь, приходит временами в движение. Громадные участки земной коры сминаются; воздвигаются великие горы и разверзаются морские пучины. На скомканной коре уровень моря понижается, потому что массы воды скапливаются в глубоких донных проемах. Прибрежное мелководье становится сушей.

Геологических революций насчитывают несколько, и между ними — долговременные периоды покоя. Это явный намек на какую-то связь с ледниковыми делами. Ледниковые периоды, как и геологические перевороты, длились несравненно меньше, чем периоды мягкого климата межледниковых эпох. Как могла влиять геология на климат?

...Порядочные горы ни зимой, ни летом не снимают снежной шапки. Даже в субтропических зонах. Там, высоко, атмосферное одеяло тоньше. А ослепительный снег стоек. Он яростно отражает солнечную радиацию — до девяноста процентов!

Воздвигнувшись, горные хребты перегородили трассы ветров и перехватили на полдороге хляби небесные. Влага Индийского океана остановлена Гималаями. Горы Аляски и Северо-Запада Америки отгородили континент от Тихого океана. Эти высоченные стены отбрасывают теперь на внутренние дворы материков тень засушливости. С утратой зеленого покрова материковые зоны меньше поглощают и больше отражают солнечную радиацию. А это ведет к медленному похолоданию.

Мы вступили в новую эру истории природы и истории людей. Климат, сфера владычества стихий, падает в зависимость и от второго владыки, рвущегося стать первым, — нового вершителя судеб. От человека. Стихий стихийны. Человек сознателен. Их несходство в том, что человек ставит перед собой цели, стихии — нет. Ставящий цели стоит перед необходимостью выбора путей и выбора самих целей, и здесь ох как важно не ошибиться! Недоосознанная деятельность по своим результатам может оказаться стихийнее стихийной...

Подлинный остров сокровищ

**Эдуард
ЯКУБОВСКИЙ**

Читатели «Острова сокровищ» спрашивают: где этот остров, нет ли там еще чего-нибудь, оставшегося от пиратов?

«Нет, — отвечают знатоки. — «Остров сокровищ» вообще не существует».

Да, общепризнанно, что прообразом места действия романа Р. Стивенсона стал небольшой остров Пинос, ныне входящий в состав территории Республики Куба. После выхода книги на него обратили свои взоры многие искатели кладов, авантюристы. И зря, ибо никаких «накопленных» капитана Флинта там не было. Попробовали было вытянуть что-нибудь из координат, данных Стивенсоном, — тоже ничего, так как обычно пунктуальный в описаниях морских обычаев и правил писатель на этот раз дал координаты без пометок: западная или восточная долгота, северная или южная широта. А те, кто решил проверить все варианты с широтами и долготами, попадали или в ту точку мирового океана, где и вблизи не было суши, или прямо... на континент.

Ну, ладно, скажет нетерпеливый читатель, «острова сокровищ» не было. И что же, никогда нигде не было островов, на которых зарывали бы клады? Такие острова есть. В частности, это — остров Кокос у побережья Коста-Рики. Интересны сведения, относящиеся к спрятанным там сокровищам. Известно, кто их зарыл, даже что спрятано (там не один, а три клада), а вот где — многовековая загадка.

Об острове Кокосе написано совсем мало. А там спрятаны баснословные сокровища!

Можно напомнить, что по самым осторожным подсчетам в пещерах острова Кокос лежит золота, серебра и драгоценных камней на 30—50 миллионов долларов. Мало? Тогда вспомним, что эта сумма называлась в то время, когда еще не всыхнула золотая горячка на биржах и за унцию золота платили в 12—14 раз меньше, чем сейчас. И это по осторожным подсчетам. Что уж говорить о тех цифрах, которые называют любители поставить три восклицательных знака при любом упоминании о пиратских сокровищах.

Приведу лишь перечень (ориентировочный) одного из кладов — так называемого «Большого клада из Лимы». Следовало бы привести эти данные лишь в конце рассказа, заинтриговав читателя. Но тогда кто же поверит в то, что сотни экспедиций рылись на необитаемом острове.

Вот этот перечень: натуральной величины скульптуры мадонны с ребенком и двенадцати апостолов (все из чистого золота), 100 меньших золотых скульптур других святых, 200 сундуков с алмазами, рубинами, сапфирами и жемчугом, 350 сабель и 100 церковных чаш из золота, отделанных драгоценными камнями, 300 слитков золота и 600 серебра... Хватит?

Как же получилось, что небывалые сокровища оказались в пещерах маленького (32 квадратных километра) гористого острова? Там практически нельзя жить — остров покрыт тропическими джунглями, температура воздуха не опускается ниже 45 градусов, десять месяцев в году льют дожди, часты туманы. Даже подойти к Кокосу опасно — вокруг него много рифов, берега обры-

висты. Есть две бухты — Уофера и Четэма. На берегах первой легко разбить лагерь, найти место для высадки, но дно каменистое и якоря держат плохо. Во второй бухте хорошо отстать судну, но из-за отвесных скал негде устроить бивуак.

Впервые остров появился на французских картах в 1541 году. Он никого не заинтересовал, и вспомнили о нем лишь в конце XVII века, когда пиратам понадобилось место для стоянок и пополнения запасов воды. Один из первых (если не самый первый) отыскал этот остров английский корсар Джон Итон в 1685 году, описал его в корабельном журнале и тем самым увековечил свое имя в ряду тех, кто внес вклад в прославление острова. Похоже, что уже Итон прятал там свою добычу. С ним был и земляк, тоже корсар — Уофер, по имени которого и назвали бухту.

Почему корсарам и пиратам приглянулся именно этот остров? Они нуждались в базе, где можно тайком произвести ремонт. А дело это не совсем простое. Тогда многие корабли ремонтировались по несколько месяцев в году. После каждой стычки с врагом, сильного урагана надо было поправлять такелаж. В тропических морях деревянное днище за полгода обрастало ракушками и водорослями, суда нуждались в систематической чистке.

И другое. Если посмотреть на карту, вы не увидите в Тихом океане такого количества островов, как в Атлантике. В Карибском море, колыбели пиратов, нападавших на испанские владения, островов было не счесть, не только безлюдных, но и с большими портовыми городами, часто предоставлявшими пиратам убежище. По другую же сторону Южной Америки этого не было.

Поэтому понятно, что лежащий вдаль от традиционных морских путей остров, на котором можно было запастись свежей водой и кокосовыми орехами (очень питательными, месяцами не портящимися), освоили «рыцари черного флага». Вулканические происхождение скалы и пещеры давали возможность спрятать здесь любую добычу.

Однажды тут появился англичанин Эдуард Дэвис. Чуть ли не двадцать лет грабил он тихоокеанское побережье Северной и Южной Америк — от Калифорнии до Эквадора. Согласно общепринятой версии, он спрятал на острове Кокосе свой личный клад, состоящий из слитков золота и бочек золотых дублонов. Вести далее жизнь пирата, обладая таким богатством, Дэвису не хотелось. Узнав об амнистии, объявленной королем Англии Яковом I, он в 1700 году вернулся на Ямайку, после чего поселился в Виргинии (напомним, это на территории нынешних США). Но от богатств своих Дэвис не отказался и через два года на маленьком корабле отправился на остров Кокос. Но то ли вспомнилось старое, то ли команда уговорила, только по пути к цели Дэвис совершает совершенно непонятный поступок. Он нападает на город Портобелло в Панаме!.. Увы, силы уже не те, что прежде, горожане дают отпор, Дэвис отплывает в море и... пропадает без следа.

Проходит почти сто двадцать лет. Одним из наиболее известных пиратов становится Бенито Бонито, про-

званный Кровавой Саблей. До сих пор неизвестно, кем он был — испанцем, португальцем или англичанином. Последнее вероятнее всего. Предполагается, что пиратом он стал, вывесив черный флаг на судне британского адмиралтейства, офицером которого был. До этого Бонито даже отличился в Трафальгарской битве.

И вот такой-то опытейший моряк грабил города и атлантического и тихоокеанского побережий обеих Америк. Он сумел установить своеобразный «рекорд», захватив два испанских галеона, везших золото и драгоценные камни из Акапулько на Филиппины. Есть и другая версия — добычу захватил на суше, напад на караван, везший деньги для платы испанским солдатам. Впрочем, это не важно. Хоть версия с галеонами и звучит вполне героически — за двести лет пиратства до Бонито англичанам лишь один раз удалось захватить два галеона — самых совершенных корабля, но речь идет не о судах, а о добыче. Ее, как гласит легенда, пират разделил на четыре части. Считается, что сорок тонн (!) серебряных реалов спрятано в одной из пещер. В другой — 700—800 слитков золота. Якобы эта пещера находится на склонах самой высокой на острове горы Иглесиас. Ну, а бочки с золотыми дублонами лежат на островке реки, впадающей в бухту Уофер.

За Бонито началась погоня. Стремясь уйти от нее, он решил вернуться в Атлантику. Но у мыса Горн его уже ждали три английских военных корабля. Пират пытался сопротивляться, но силы были неравны. Капитана и офицеров повесили, команду сослали на каторгу.

Когда Бонито еще был офицером королевского флота, под его командой служил капитан Вильям Томпсон. Он не пошел вслед за начальником, остался на своей бригантине, которая в июле 1821 года стояла на якоре возле Лимы. В городе царил паника. К нему приближались с войсками генерал Сан-Мартин, борец за независимость Южной Америки.

В Лиму бежали богатые испанцы, везя с собой драгоценности, накопленные за триста лет владычества в Америке. Но город имел слабые укрепления, да и некому было выйти на стены крепости с оружием. Испанцы? Они давно потеряли дух конкистадоров. Да и эти же испанцы делились на богатую верхушку и средний класс, который практически ничего не терял в случае провозглашения независимости Перу. Нужна им была война?.. Что же касается местных жителей, то приходилось опасаться их восстания при подходе Сан-Мартина.

И началось бегство из Лимы. Самыми значительными были богатства кафедрального собора. Монахи не могли довериться случайному судну, поэтому и обратили внимание на бригантину английского королевского флота. Уж ее-то офицеры не могли сочувствовать бунтовщикам, и квалификация английских моряков была высокая.

Скульптуры мадонны и апостолов, сундуки с драгоценными камнями и золотыми монетами погрузили на бригантину. И здесь случилось то, что можно было ожидать. Томпсон и его товарищи не выдержали... Несколько часов в трюмы их корабля сыпалось золото, которого они не очень много видели, находясь на королевской службе, золото, которое вовсю загребал их бывший командир, ставший пиратом, — Бенито Бонито. А они чем хуже?

Ночью испанские священники и солдаты, охранявшие драгоценности, были убиты, и бригантина отправилась напрямик к острову Кокос, где и выгрузили всю добычу, не считая несколько сундуков монет, поделенных между членами экипажа. Зарывал клад Томпсон и его первый офицер. Сразу после этого бригантина ушла от острова, но вскоре была настигнута испанским кораблем. Его капитан повесил всех, кроме... Томпсона и его первого офицера. Им сохранили жизнь, чтоб пираты могли показать место, где спрятаны драгоценности.

Испанский корабль уже вошел в бухту (напомним, обычно кипевшую акулами), как вдруг Томпсон и его подчиненный прыгнули в воду и поплыли к берегу. Опомившись, испанцы открыли стрельбу из мушкетов,

но было поздно — англичане скрылись в зарослях. Их искали, но в джунглях можно пройти в метре от человека и не заметить его.

Испанцы отплыли ни с чем. Спустя какое-то время в бухту зашел китобойный корабль, и матросы, съехавшие на берег за свежей водой, увидели двух мужчин, еле державшихся на ногах. Те вышли из укрытия, поняв, что экипажу китобойца не известны никакие подробности трагедии, разыгравшейся в порту Лимы.

Капитан забрал обоих, но в пути первый офицер умер, и на сушу сошел лишь Томпсон. Поселившись в Северной Америке, он крепко помнил о кладе. В 1844 году познакомился с рыбаком Джоном Китингом. Они уговорили богатого судовладельца идти на остров Кокос.

Однако Томпсону так и не удалось еще раз ступить на «землю обетованную» — умер еще до начала рейса. А перед смертью он передал Китингу карту острова и то ли написал, то ли продиктовал записки, где рассказывал о том, как найти клад.

Китинг недолго раздумывал. На уже подготовленном судне он приплыл к острову. Здесь его ждал удар в спину — понимая, что дело идет о каких-то ценностях, команда взбунтовалась. Китинг и капитан, хорошо знавшие историю Томпсона, прыгнули с борта судна и спрятались в джунглях. Все повторилось: команда искала, двое беглецов старались не попасться на глаза. Судно ушло. И через некоторое время снова появились китобоец, но на этот раз нашел только одного «потерпевшего кораблекрушение» — Китинга.

Из этого «путешествия» Китинг вывез какие-то драгоценности, потом вторично появился на острове, забрав золота на 30 тысяч фунтов стерлингов. Распорядился же деньгами не очень умело, так как умер в бедности, пытаясь организовать еще одно путешествие на остров. От него остались две карты — обе подлинные, обе с указанием места хранения клада и... обе разные.

Если при жизни Китинга о кладах знало всего несколько человек, то после его смерти об этом стали говорить в портовых кабаках. Карты Китинга перепродавались, копировались. Казалось, что даже без указаний можно найти клад — ведь 32 квадратных километра можно прочесать за два-три месяца. Да, можно, но не на острове Кокос. Он взрыт ущельями, образованными водными потоками и геологическими катаклизмами. «Встряхивает» остров до сих пор, редкая экспедиция не ощущала землетрясений, изменяющих облик Кокоса; открываются одни пещеры и закрываются другие...

Всего 32 квадратных километра, но все авторы многочисленных книг упоминают: подробней карты острова не существует. С момента смерти Китинга история острова Кокос — это история поисков сокровищ. Всех экспедиций — не счесть. Если и стоит рассказать о нескольких из них, то только потому, что организовывали их люди; вошедшие в историю, или из-за необычных приключений, случившихся с кладоискателями.

Одна из первых экспедиций, правда, не специально организованная, прибыла сюда в 1896 году. Британский адмирал Пеллизье, уверовав во все, что говорилось, писалось тогда о зарытых кладах, целую неделю искал на острове золото. Ну, не сам, а во главе 300 матросов. Взрывал входы в пещеры, перекопал ряд участков на берегах бухт.

Ничего не нашел, вернулся в Англию, где был наказан. И этим сам же наказал своих моряков. Из-за его поступка остров был объявлен запретным для всех моряков Англии, а военным судам запретили даже приближаться к нему.

В 1935 году остров посетил президент США Рузвельт, отдыхавший на крейсере «Хьюстон». Он тоже заинтересовался кладами и, провожая матросов на берег, якобы пожелал влух: «Идите и найдите!» И матросы действительно нашли... британскую научную экспеди-

цию, возглавляющуюся Уорслеем. Встреча была мирной, на берегу бухты Четэм президент даже дал прием в честь английских ученых.

Бывало и хуже. В 1804 году экспедиция лорда Фитцвильяма столкнулась (в худшем значении этого слова) с экспедицией Арнольда Грея. Самое смешное не в стычке, а в том, что обе группы имели идентичные карты! И ни одна ничего так и не нашла!

Кстати, не после ли этого случая появилось решение костариканского правительства — одновременно не допускать на остров даже две экспедиции? Уедет одна — милости просим. Похоже, что поэтому в 1933 году объединились два конкурента. Искали сообща несколько недель. Ничем не поживились. Вообще, судя по имеющейся информации, костариканцы не очень-то верят в клады. Становись в очередь и ищи — только уплати за то, что в составе экспедиции будет находиться несколько солдат «для охраны», но, вероятно, и для контроля. Вдруг все же кто-нибудь что-нибудь найдет? Тогда правительство заберет себе половину найденного...

Ничего не нашел и самый упорный исследователь острова немец Август Гисслер. В 1894 году он подписал с костариканским правительством соглашение о колонизации острова, перевел на него жену, несколько других «колонистов». Последние, не выдержав атмосферы острова, сбежали. Двадцать лет жил там упрямый немец, пытался заложить плантации, построил дом и мельницу. И, конечно же, искал клады и нашел пиратский лагерь: пустые бутылки, оружие, следы, позволяющие предположить, что тяжелые вещи с помощью блоков втягивались прямо на отвесные скалы над бухтой Четэм, и... один золотой дублон, отчеканенный в 1788 году.

В 1848 году Джеймс Форбс, калифорниец, утверждавший, что он является праправнуком Томпсона, шесть раз посетивший остров, отыскал кусок золотой цепи. Другими экспедициями найден церковный крест, несколько дублонов. И все.

А потери? Не считая денег, потраченных на экспедиции, остров взял свое и служебными неприятностями (у вышеупомянутого адмирала Пеллизье, например), и даже жертвами. Так, в 1962 году двух французов — журналиста и писателя — сожрали акулы в бухте Четэм...

Считается, что официальными являются сведения, приведенные в «Форин Оффис Хэндбук» (справочник министерства иностранных дел Англии) за 1935 год. Там написано: «Остров Кокос... Установлен факт существования на нем кладов. В XVII веке и позже это была база пиратов и корсаров. В 1818 году Бонито укрыв на нем большой клад, весивший около 350 тонн, Дэвис — 300 тысяч фунтов серебра, 735 слитков золота и семь бочонков золотых монет. Двумя годами позже Бонито сложил там новый груз золотых слитков и монет стоимостью в 11 миллионов долларов. Около 1821 года человек, пользовавшийся именем Уильям Томпсон, похоже, плававший под командованием Бонито, но бывший тогда капитаном брига «Мэри Дир», укрыв золото, золотые изделия, драгоценности и слитки серебра стоимостью около 12 миллионов долларов».

Вот мы и дошли до официального подтверждения легенды о пиратских кладках. Впрочем, и после выхода в свет справочника ничего не изменилось. Сведения есть, а кладов нет.

Все же верится: обнаружатся кладки. Хотелось бы одного — чтобы счастливец понимал значение клада для науки. И чтобы не разошлись старинные дублоны, золотые рукояти шпаг по частным коллекциям, а попали в музей. Чтобы неправедно найденное, омытое ручьями крови золото стало не причиной внезапного обогащения, а повестью о людях, в муках добывавших его, создававших из мягкого податливого металла скульптуры и украшения. И кто знает — не увидим ли мы когда-нибудь выставку «Из клада Бонито», как видим сокровища гробницы Тутанхамона...

БУТЫЛОВКА

В Златоусте, на левом берегу реки Ай, сразу у драмтеатра, возвышается известная каждому горожанину гора Бутыловка. Она дает начало длинному южноуральскому горному хребту Уреньга. На одном из склонов горы расположился жилой район, который в народе тоже именуется Бутыловкой. Основную часть его составляют пять Нагорных улиц.

Название жилого массива и горы, казалось бы, ясное: происходит от слова «бутылка». Многие жители Бутыловки так и объясняют его.

Не отрицая того, что Бутыловка могла получить свое имя от слов «бутыль», «бутылка», обратим внимание еще на одно толкование.

Географическое название Бутыловка прекрасно вписывается в ряд отфамильных топонимов типа Маршаловка (приток реки Ай выше Златоуста) — от фамилии Маршалов, Неплюевка (населенный пункт в Карталинском районе Челябинской области) — от фамилии крупного государственного деятеля России И. И. Неплюева.

Как сообщила директор Златоустовского филиала госархива А. В. Иванова, в старых документах фамилии Бутылов найти не удалось. Среди современных златоустовцев Бутыловы есть, однако глава и основатель рода не коренной житель Златоуста — приехал сюда сравнительно недавно, в 1953 году. Родился же и получил в наследство фамилию Бутылов в других краях — в Мордовии.

Что же касается происхождения фамилии, то она, возможно, связана с русским диалектным словом «бутыль». В словаре В. И. Даля значится: «Бутылы (сибирское) — бахалы, бродни; это там обычная, грубая и просторная обувь крестьянина».

Топоним Бутылово может и прямо восходить к диалектному «бутыль», тем более что Урал некогда считался частью Сибири.

С. СРЕЛЬНИКОВ

МИР ЕЩЕ НЕ ВСЬ ОТКРЫТ

● Наблюдая Палладу — крупный астероид, сотрудники Казанской астрономической обсерватории заметили, что еще за двадцать секунд до его прохождения на фоне звезды яркость последней начала заметно уменьшаться. Так была обнаружена атмосфера вокруг Паллады.

Ранее атмосфера зафиксирована зарубежными астрономами и вокруг Цереры — самого большого известного астероида.

Исследователи предполагают наличие на астероидах летучих веществ. Возможно, под воздействием метеоритных ударов они и образуют временную атмосферу вокруг этих малых планет, которая затем рассеивается из-за слишком слабого гравитационного поля.

● Океанологи Академии наук СССР организовали очередную экспедицию в район Бермудского треугольника. Этот интереснейший участок Атлантического океана породил массу загадок. Однако уже установлено, что причину многих невероятных историй объясняют естественные природные явления. Район Бермудского треугольника, в частности, относится к одной из энергоактивных зон океана. Здесь происходит интенсивное взаимодействие океана и атмосферы.

Советские океанологи не ищут сенсаций (их экспедиции в Бермудский треугольник продолжатся до 1985 года); плавания наших исследователей имеют цель изучить природные процессы и разработать методы долгосрочного прогнозирования погоды.

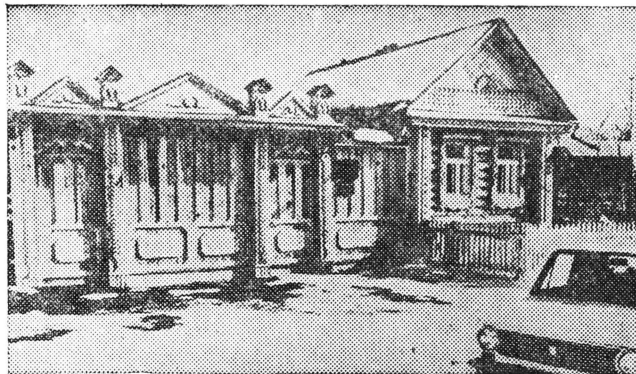
● Обнажившееся после сильнейшей засухи дно крупного озера Чапала (Мексика) преподнесло ученым немало сюрпризов. Здесь найдены кости многих давно вымерших животных. На дне Чапалы открыты также родники с почти кипящей водой. Никогда прежде холодное озеро не давало повода предполагать их наличие.

● В марте — апреле нынешнего года группа молодых уральцев впервые в истории туризма успешно совершила семисоткилометровый сквозной переход по Байкалу на буерах. В пути смельчаков подстерегали многочисленные опасности — трещины, снежные заносы... Все предыдущие попытки такого ледового перехода по Байкалу были неудачными, как утверждают победители трассы.

Руководил переходом уральцев Александр Михайлов, работающий на Белоярской атомной электростанции (поселок Заречный, Свердловская область).

● Установлено, что ткани некоторых растений (например, кукурузы и фасоли) способны передавать свет к клеткам наподобие оптоволоконных кабелей, хотя и с гораздо меньшей эффективностью. Ученые считают, что, вероятно, это свойство тканей-световодов имеет определенное значение для развития растений.

● Атмосфера Земли с увеличивающейся концентрацией углекислого газа становится «одеялом», под которым сохраняется все большее количество солнечного тепла. Американские ученые рассчитали, что за сто минувших лет уровень воды в Мировом океане из-за таяния ледяных шапок на полюсах Земли уже повысился на 10—15 сантиметров, а в следующем столетии он может подняться еще на два метра.

ДОМ ДЕТСТВА

Более ста лет стоит на земле этот бревенчатый дом, украшенный затейливой резьбой. Годы состарили строение: прогнили и осели стены, пообломалась резьба на карнизах, разрушились надворные постройки... Немало времени и выдумки потратили художник Ю. Истратов, рабочие, чтобы по старым фотографиям, по рассказам старожилов восстановить отчий дом П. П. Бажова.

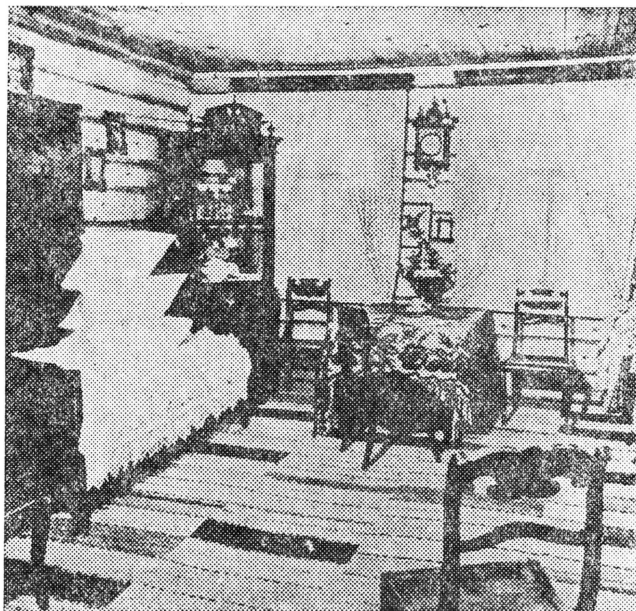
Мастера постарались не просто отреставрировать дом, где прошли детские годы автора «Малахитовой шкатулки», но и воссоздать бытовую обстановку, характерную для усадьбы рабочего горнозаводского Урала конца XIX столетия.

Почти каждый экспонат в бажовском доме — будь то панок для мальчишеской игры в бабки, рыболовные снасти, изделия каслинских мастеров-литейщиков — напоминает нам о том или ином сказе из «Малахитовой шкатулки». В этом одна из главных особенностей нового мемориального музея П. П. Бажова.

Сысертский дом-музей, во многом дополняя экспозицию дома П. П. Бажова в Свердловске, стал одним из филиалов государственного объединенного музея писателей Урала, а также одним из объектов на туристском маршруте «По бажовским местам».

На снимках; мемориальный дом-музей П. П. Бажова в Сысерти.

Я. АНДРЕЕВ
Фото В. Ветлугина

ТЕПЛО ДЕРЕВА

Интересно наблюдать за зрителями на выставке Юрия Северухина. Что, к примеру, означает эта вздернутая вверх рука с маской на ладони? Или женщина, держащая обеими руками у себя над головой камень? Как за последнюю соломинку, зрители хватаются за надписи под экспонатами, но их нет... Художник и здесь не бросил им спасательный круг.

— Я хочу не созерцания, а соучастия, — говорит Юрий Северухин. — Хочу, чтобы зрители вместе со мной добывали истину. Работаю с березой, лиственницей, вишней, но любимый материал — сосна. Лес для меня живой свидетель людских надежд и трагедий. Леса возле города Каменска-Уральского, где я живу, помнят пугачевских атаманов. Здесь кулаки стреляли в моего отца, когда он ехал организовывать колхоз. Лес для меня особое место, в него я хожу как в храм.

— Трудно ли работать? А разве в искусстве кому-то легко? Правда, в малой пластике, которой я занимаюсь, есть и свои, так сказать, специфические сложности. Здесь, как в никаком другом виде искусства, надо быть хорошим ремесленником и в то же время не опускаться

до ремесленничества. Резцом должна водить мысль. Лишь тогда откроется душа дерева. Такую фигурку хочется взять в руки, ощутить исходящее от дерева тепло...

На снимке: Ю. Северухин и его скульптуры.

В. КЛОЧКОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ РЕСПУБЛИКА МИРА

В центре Италии на склонах горы Монте Титано расположено одно из пяти государств-карликов Европы — республика Сан-Марино. На территории в 61 квадратный километр живет 21 тысяча человек. Склоны Монте Титано покрыты виноградниками, фруктовыми садами и небольшими полями пшеницы и кукурузы. Своей промышленности в республике почти нет. Пользуясь тем, что налоги в Сан-Марино ниже, чем в других странах, некоторые итальянские промышленные фирмы открыли там свои филиалы. Однако основными статьями дохода являются поступления от туризма и продажи почтовых марок.

Сан-Марино — древнейшая республика Европы, основана она была еще в 301 году. Окруженная со всех сторон империями и королевствами, республика веками подвергалась нашествиям соседей — итальянские короли и герцоги, папа Римский, австрийские монархи и, наконец, итальянские и немецкие фашисты оккупировали, присоединяли республику, но свободолюбивый дух маленького народа победил: Сан-Марино осталась независимой страной, где часто находили убежище политические деятели, гонимые своими правительствами.

Высшим законодательным органом республики является Большой генеральный совет, который возглавляют два капитана-регента, избираемые на полгода.

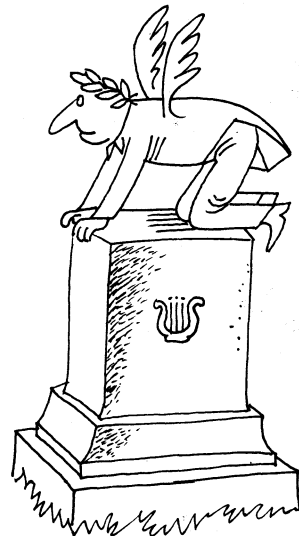
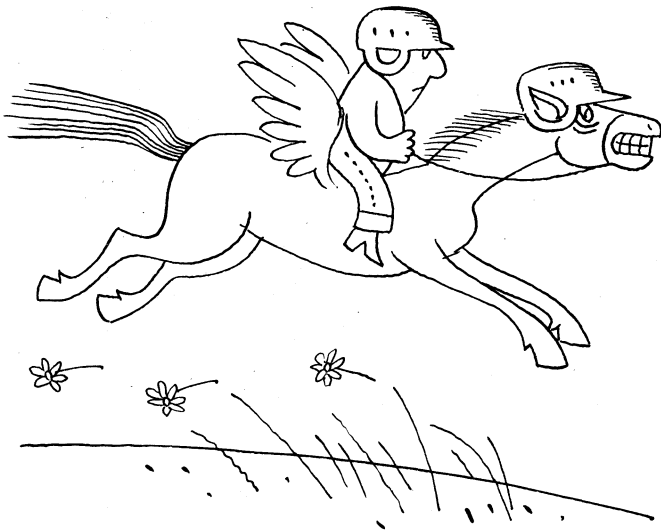
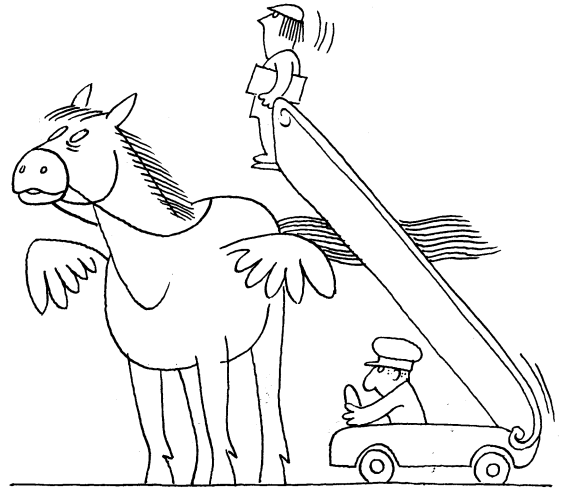
В 1921 году в республике была создана коммунистическая партия, которая на протяжении всех этих лет пользуется уважением санмаринцев. В 1981 году одним из капитанов-регентов был избран коммунист Гастон Пазоллини.

Сан-Марино никогда не выпускала своей монеты и пользовалась валютой Италии и других стран. Первые шесть монет были выпущены в середине прошлого века, а в конце 20-х и начале 30-х годов XX века чекан собственной монеты возобновился: было выпущено еще восемь монет. В 1972 году республика приступила к регулярной чеканке монет массовыми тиражами. Только за три года было выпущено 35 монет разного достоинства и в разных металлах. Конечно, такому маленькому государству хватило бы и сотой части выпускаемых монет, но туристы, посещающие республику, растаскивают валюту.

Событием в нумизматике стал выпуск серебряной монеты достоинством в 1000 лир в честь 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. Эскиз монеты подготовил известный флорентийский скульптор Пьетро Аннигони, а Римский монетный двор отчеканил ее тиражом 100 тысяч штук. На оборотной стороне изображен профиль писателя и сделана надпись: «Лев Николаевич Толстой, 1828—1978». Лицевая сторона изображает герб страны — трехглавую вершину Монте Титано, увенчанную тремя крепостными башнями. Над гербом — название страны, под ним — номинал, по гурту монеты выбита надпись: «150-я годовщина со дня рождения».

В 1980 году в республике вышла серия из десяти монет, посвященная XXII Олимпийским играм в Москве. Монеты номиналом в 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100, 200 и 500 лир изображают спортсменов олимпийских видов спорта: гимнастку, футболиста, бегуна, всадника, прыгуна с шестом, лыжника, стрелка из лука, борцов и боксеров. Первые четыре монеты алюминиевые, две из латуни, две из нержавеющей стали и одна из серебра. На лицевой стороне изображен герб, название страны, пять олимпийских колец и выбита надпись: «22-я Олимпиада. 1980». Все монеты отчеканены Римским монетным двором.

И. ВИКТОРОВ

Рисунки М. Бурзалова

